
ФЕДОР СОЛОГУБ

Статьи и очерки

1914

Мира не будет

Изумительная русская доверчивость и высокий строй русской души особенно ярко обнаружили в последнее время. И в ином даже до чрезмерности, до той степени, о которой мы сами, и даже с осуждением, готовы говорить:

— Это возможно только в России.

Мы твердо веровали и продолжаем верить, что все действительное разумно, что все европейское лучше русского, что Германия — страна высокой культуры, что во всех обстоятельствах жизни следует по отношению к заграничным поступать так, чтобы нас не приняли, Боже упаси, за дикарей, питающихся салными свечами, и во многом еще столь же прекрасном мы твердо уверены. Твердо, простосердечно и смиренно. Ибо Россия представляется нам в виде невежественного мужика, а Европа — в виде Лауры за клавиром. Где-то недавно читал я, будто иные из гонимых из Германии русских так расстилались перед щуцманами, что тем становилось противно.

— Милостивый господин! — униженно кланяясь бульдогообразному щуцману, говорил русский.

И щуцман смотрел презрительно, и говорил:

— Я — не милостивый господин, я — простой крестьянин.

Даже бесчестное разбойническое нападение немецко-турецких кораблей не совершенно и не всех убеждает в низменности побуждений, которыми руководятся наши враги, и в том невысоком строе германской души, который делает возможным такой способ действий. Поэтому нам слишком часто приходится удивляться, негодовать и протестовать. Недаром еще Крылов говорил:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить,
Чтоб слов не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

Да и протестуем мы очень осторожно. Эта осторожность не покидает нас даже тогда, когда мы протестуем против возмутительных германских зверств.

Мы протестуем, более всего стараясь о том, как бы нам самим не поступить не совсем корректно, — протестуем с соблюдением самого высокого благородства, убеждая в то же время не доводить протеста до крайности, не перевести его в действие

и не обидеть того, против кого мы протестуем. Мы думаем, что должны сами быть хорошими и не глядеть на других. Как мальчикам хороших семей внушают, что они не должны ни с кого брать дурных примеров, так и нам учителя и наставники наши усиленно стараются внушить правила хорошего поведения по отношению к нации грабителей и насильников, к нации, никогда не воевавшей иначе, чем она воюет теперь, к нации, только легкую носящей личину рационализованного христианства.

Начало войны с Германией удивило нас очень. Как же так, — мы всячески уговаривали сильных не обижать слабых, и вдруг кто-то извратил истину и, напавши на нас, завизжал на весь Берлин, что это на него нападают, и что он восстал, как муж, для отражения удара. Кайзер сказал неправду! Он сам готовился к войне, сам объявил ее, а нас в этом обвиняет! Ужасно нехорошо! И как могли ему поверить германцы, которым мы были так долго столь благожелательны и полезны!

Потом мы все время переходили от удивления к негодованию и обратно. Как будто все совершавшееся на свете не могло убедить нас в том, что так именно и будет, и что великолепные германцы с русскими свиньями иначе и не могли поступить.

Мы жили долгие десятки лет в самом близком соседстве с германцами, видели их в России, сами часто ездили к ним, учились по их книгам, восхищались созданиями их искусств, и все же не могли достаточно отчетливо усвоить ту очевидную истину, что германец и русский так отличны один от другого, словно они живут на разных планетах.

Только наиболее проникательные среди нас видели, что в Берлине творится какая-то особая, тяжкая для русского духа, жизнь. Но мы объясняли это тем, что, прежде хорошие, теперь немцы Германии испортились, соблазненные отравками своего милитаризма, и забыли заветы своих великих философов и поэтов.

И вот, когда неожиданно для нас, но многократно предсказанная, возгорелась ужасная по своим размерам война, мы думали:

— Да уж не сошел ли Кайзер с ума? Как же это он решился подвергать империю (не нашу, а чужую нам, Германскую) такой опасности! Да ведь германцы же не хотят войны! Да ведь социал-демократы протестуют против войны! Да ведь Вильгельма свергнут с престола, если он проиграет войну!

Нас занимали не столько те тяготы и труды, которые бодро подняла на свои плечи опять могучая Россия, сколько будущие огорчения и неприятности, ожидаемые нами для германского кайзера.

Мы так были уверены в том, что эта война и для германцев не может не представляться несправедливою, что легко и охотно поверили распространившимся слухам о том, что Розу Люксембург и Либкнехта расстреляли.

Но вдруг оказалось, что в вопросе о войне германские социал-демократы заодно с кайзером. И денег ему дают, и сами в полки идут. И не одни социал-демократы. Если верить газетным сообщениям, Гергард Гауптман писал, что разрушение Лувенского университета его менее огорчает, чем простреленная грудь немецкого солдата; т. е. выходит, что не кайзера винит поэт в пролитии многих крови, а тех доблестных людей, которые твердо решились ценою своей жизни отстаивать ненарушимость мира в их родной стране. Германские ученые заявили, что германская культура неотделима от милитаризма, что прусский милитаризм только для того и изобретен,

чтобы спасти германскую культуру, так как Германия из столетия в столетие подвергается нашествиям, и что, не будь прусского милитаризма, культура Германии давно была бы сметена с лица земного.

Все эти заявления изумили нас чрезмерно.

Между тем, проявляя необычайную изобретательность в злодеяниях, Германия давала многие поводы для негодования: нарушила нейтралитет Бельгии, — совершала жестокости с мирным населением занятых ею стран, — грабила занятые ею места, собирая контрибуцию.

Нарушение договоров, жестокости, грабежи, — все это казалось нам совершенно неожиданным. Как же это так? Страна Шиллера, Гёте, Канта, и вдруг ведет войну так, словно это гунны и авары, а вовсе не культурнейший в мире народ.

Это было для нас так неожиданно, что одни уверяли, будто никаких жестокостей и грабежей нет, что все это — одно газетное вранье; другие же говорили, что прусский милитаризм оказался для Германии вредным и подавил в ней дух Гёте и Канта. В то же время, как одни произносили с иронической усмешечкою слова «германские зверства», другие воспылали твердым намерением спасти германскую высокую культуру от бешенства прусских юнкеров и мечтали даже о том, что Германия объявит войну Пруссии. Многие из нас уверены в том, что стоит только сокрушить прусский милитаризм, и германская культура расцветет еще более ярким цветом на радость и на пользу всему миру. Опять можно будет ездить на восхитительные германские курорты, пользоваться превосходными германскими фабрикатами, и осыпать Германию ежегодно сотнями русских миллионов, чтобы германская культура имела достаточно средств на вооружение новых полчищ.

Документально засвидетельствованные случаи грабежей и жестокостей продолжались. Доходили или не доходили до Германии наши протесты, — германцы не слушались, и продолжали грабить и насильничать. Появились и другие документы. Представители искусства и науки в Германии заявили, что жестокости и грабежи они одобряют, что прусский милитаризм вполне приемлют, и что в борьбе с внешним врагом они все заодно.

Совершенно недвусмысленно сказано было нам, что германцы даже и не собираются отрицать то, что им ставят в вину. Договоры о нейтралитете Бельгии? Клочок бумаги. Но под ним стоит подпись Пруссии? Да, но тогда Пруссия была слабым королевством, а теперь Германия сильна, и потому смеет снять свою подпись с этого ненужного ей документа. Святость обещаний? Интересы Германии и ее сила должны стоять выше права. Разрушение соборов? Германцы построят очень хорошие здания для проповеди, самой хорошей архитектуры, из самого прочного материала. Сожжение библиотек? Германцы напишут более ценные книги, где не будет мечтательности и заблуждений, а одна только точная наука. Убиение детей и женщин? Ну что ж, германская раса выше всех, и мир ничего не потеряет, если на земле останутся только одни германцы.

Германия, Германия выше всего, выше всего на свете. Берлин — лучший из городов, германская наука, философия, искусство — все это лучшее из всего, что видел мир, и вообще германец — венец создания. Ведь еще столь высоко почитаемый нами Шиллер говорил, что в германцах сочетались римская сила и греческая грация.

В налитом пивом берлинце, конечно, преобладает римская сила, в его голубоглазой Гретхен — греческая прелесть. Римское право и высокое искусство дивной Эллады изучаются в университетах вместе с другими почетными древностями. Применять их на деле не следует, ибо, по представлению германца, сила выше права, а полицейский устав прусского благочиния призван корректировать простодушное и порою слишком откровенное искусство.

Но и после всех германских заявлений русское прекраснодушие продолжало толковать о прусском милитаризме и об обуздании его на благо самой Германии. Русское прекраснодушие не хочет оставить Германию без своих забот, не хочет понять, что Германия сама знает, чего ей надобно и что для нее полезно. Надобно Германии очень многое, и в первую очередь ей нужны славянские земли, — им кажется, что им тесно, нам, по их мнению, слишком просторно, пусть будет наоборот. Говорят, будто Вильгельм в день объявления войны сказал берлинскому народу с балкона своего дворца, что у иного русского помещика больше земли, чем у баварского короля.

Нас движут, конечно, побуждения совести иного порядка, чем те, которыми брошена в бой Германия. Земель чужих нам не надобно, своих достаточно. Германию же движет корысть, тупая и жестокая.

Пора нам, наконец, понять, что мы вступили в период войн с Германиею, и что продолжительность этого периода будет исчисляться столетиями, как целыми столетиями приходилось нам сражаться с турками.

Мы вступили в период решительной борьбы за наше национальное самоутверждение, за самое право наше на жизнь. Мы роковым образом поставлены в необходимость не только победить, но и раздавить Германию, потому что без этого нам не жить. Могущественная Германия рядом с нами всегда будет посягать на нашу экономическую и духовную самостоятельность.

Сокрушить Германию нам придется против желания нашего, не потому, что мы хотим распри, — мы — народ, воистину, миролюбивый и совестливый, — а только потому, что германец не даст нам мира никогда. Он стал силен, и стремится к всемирному господству. Русская равнина до Урала, мечтается ему первым призом; недаром германские шпионы уже долетали на аэропланах до Перми, и уехали, не повешенные, мирно. Завет германца: пардона не давать. Он не знает, и никогда не усвоит русского завета: лежачего не бьют.

Мы вышли в решительный бой с врагом очень сильным, и это — враг не случайный, «а» наш роковой и надолго враг. Потому что Германия — совершенно другой, сравнительно с нами, мир. Против нашей восточной, мистической, религиозной души встала воплощенная в Германии механизованная душа, антихристианская, рационализованная по-машинному, душа без вещей ведений и прозрений, но с необычайною силою материализма, душа язычников Гёте, Канта, Ницше, и всех этих бесчисленных блестящих, но холодных умов. Так понятно, что пруссаки разрушают католические соборы! Их лютеранскому рассудительному чувству ничего не говорит таинственный сумрак древних храмов, пронизанный лучами мерцающих светочей, напоенный сладостным шепотом и плачем умиленных воздыханий и покаяний. Их берлинские храмы гладкостенны, как фабрики, и их проповедники говорят такие благоразумные и полезные для жизни нравоучения!

Вот близится время, Россия, сказать миру твое новое слово. Сказать это слово чрезмерно трудно, потому что мы завалены целым Гималаем германской культуры, науки, философии, искусства, и освободиться от всего этого страшно трудно, не под силу одному поколению. Добровольно пошли мы в кабалу к немцу, и «рано веровать привыкли мы, что нам без немца нет спасенья».

С необычайною навязчивостью вливался немец в русскую душу. В «Отцах и детях» есть воистину проникновенная страница, где рассказывается, как юный, но уже наглый выученик нигилистической германской культуры заставляет своего отца читать девятое издание Бюхнеровской брошюры «Материя и сила».

— Сегодня я сижу да читаю Пушкина... (рассказывал об этом казусе отец своему брату). Помнится, «Цыганы» мне попались... Вдруг Аркадий подходит ко мне и, молча, с таким ласковым сожалением на лице, тихонько, как у ребенка, отнял у меня книгу и положил передо мною другую, немецкую... улыбнулся и ушел, и Пушкина унес.

Материя и сила, — вот что видит в мире германец, и совсем иное в мире видит наш мистический восток, от которого должен сиять миру свет спасения. Борьба вне, и борьба внутри, она будет работою поколений, — и очередная задача наша даже не в том, чтобы победить Германию, Австро-Венгрию и Турцию, — наши доблестные войска сделают это, — а наша задача в том, что мы должны воспитать бодрые поколения, не зараженные холопским поклонением перед тевтонскою материальною культурою, блистательною, но дикою. И для этих поколений мы должны работать над возвеличением и воскрешением русской и иных славянских и восточных культур.

Тень трагедий

На днях читал я где-то, что в Париже 20000 безработных театральных и кинематографических деятелей. Театры и кинематографы закрыты, — почти все актеры и почти все зрители ушли на войну, зрительницам не до театра, и оставшиеся деятели сценического искусства и «великого» Кино голодают.

Кто-то, вернувшийся из Лондона в Петроград, был поражен беззаботным видом нашего города. В Лондоне настроение очень серьезное. Опасность в одну непрекрасную ночь услышать грохот разрывающихся бомб, сброшенных с германских цеппелинов, а утром узнать о разрушенных домах и об убитых женщинах и детях, — эта опасность достаточно реальна, и отнюдь не настраивает англичан на развеселое тру-ля-ля. С наступлением сумерек Лондон принимает мрачный и зловещий вид. Зажигаются не все фонари на улицах, а у тех, которые горят, затемнены верхи, чтобы свет не виден был сверху; слабые отблески света льются по мостовым и тротуарам, оставляя верхи домов в тени.

У нас — ничего подобного. Правда, театр Рейнеке не действует; правда, в провинции многие антрепризы не осуществились из-за войны; но Петроград и Москва все же наслаждаются сценическим искусством.

Один опытный режиссер — москвич говорил, что публика, особенно московская, жаждет веселой комедии, чтобы отвлечься от тяжелых впечатлений, которые

даются чтением газет. Не знаю, так ли это, но мне рассказывали, что на одном очень занимательном и дорогом здешнем спектакле чрезвычайные восторги публики вызваны были именно исполнением пьес кафешантанного пошиба. Под величественными сводами, где звучит иногда благородный голос Шаляпина, завизжала разудалая шансонетка, и всем это чрезвычайно понравилось.

А между тем тень высокой трагедии ложится и на наш театр, и на дорогах его уже завиваются пыльные вихри. Правда, в них много сору, — ветер поднял то, что нашел, — но эти вихри предвещают очень хороший спектакль с громоханием великого грома и с могучими вспышками прекрасных молний.

Когда началась война, антрепренеры, актеры, драматурги, все думали, что публика не захочет смотреть ничего, кроме пьес злободневных и патриотических. Такие пьесы посыпались в драматическую цензуру целыми десятками. И это было понятно, — события слишком волновали всех, и многим хотелось на них откликнуться. Некоторые из этих пьес попали на сцену и идут с большим или меньшим успехом.

Затем, к удивлению театральных деятелей, выяснились два обстоятельства: 1) поставленные злободневные пьесы (кроме одной) очень плохи, и 2) публика не желает забивать кредитными бумажками кассы театров в благодарность за доставленную ей приятную возможность созерцать эти плохие пьесы. Тогда-то и началась усердная погоня за разными тру-ля-ля.

Что почти все быстро написанные и быстро поставленные пьесы были плохи, в этом не было ничего удивительного. Скорее странно было бы, если бы иначе случилось. При том решительном разрыве театра с живыми силами русской литературы, на который сознательно идет русский театр, происходит вот что:

С одной стороны, русский писатель, усердно выясняемый со сцены, приучается писать драмы в расчете на потомство и без всякой оглядки на действительные силы и способности современного театра. С другой стороны, существует и укрепляется мнение, что театральная литература есть нечто, к высокому искусству слова имеющее весьма небольшое отношение. Происходит нечто подобное тому, что делается в области детской литературы: люди, приставленные к детям, думают, что настоящих книг детям читать не следует, и потому существуют особые детские писатели, о которых взрослые не имеют понятия. Театральные люди думают, что для театра нужно то, что им кажется легким и удобным для театра, и меньше всего нужна поэзия. Как певец не стесняется петь пошлые и глупые слова и композитор не стесняется писать на такие слова хорошую музыку, так и актер не стесняется произносить пошлые и глупые слова, если они находятся в составе рольки, для актера удобной, приятной и выигрышной.

Нет ничего удивительного и в том, что публика жаждет веселых зрелищ. Как бы ни было высоко общественное настроение, как бы единодушно ни откликался весь народ на великие события, люди всегда останутся людьми со всеми своими слабостями и пороками, и долго держаться на высоте трагических переживаний они не могут. Напряженные нервы требуют новых впечатлений. Выдавлив из глаз скупую слезу сочувствия несчастной Бельгии, зритель уже устал, уже он хочет плясовых мотивов. Самому изысканному вкусу может понравиться идея устроить пир во время чумы, и строгий моралист иногда найдет для такого пира кое-какие оправдания

хотя бы в том, что эта искусственная веселость способствует поддержанию бодрого духа в стране, переживающей значительные и трудные события. Изысканному вкусу нужно пиршество; вкусу же общему достаточен просто-напросто кабак, так же достаточно хорошо развлекающий.

Если театр не хочет или не может идти впереди общества; если театр не хочет или не может жить в чистой сфере высокого искусства; если он не хочет очищать душу зрителя волнующими и молитвенными впечатлениями, — то ему остается только плестись за обществом и угодливо спрашивать:

— Что вам угодно?

Ибо во имя чего же он мог бы восстать против общего мнения и терпеть кассовый ущерб?

А все же тень трагедии ложится на путях русского театра, и ветер, предвещая великую очистительную бурю в искусстве, завивает уже пыльные вихри. И пусть в них много сора, — ветер поднял, что нашел, — но нам мило не то, что вьется в серых вихрях пыли, не эта мгlistая морока, а то широкое веяние бури, которое предвещает нам расцвет искусства.

Вот наступает час, когда общий вкус, общее мнение, общее чувство, все это общее, что доньше было отвратительно для нас своею пресною обывательщиною, своею нестерпимою и неистребимою пошлостью, теперь возвышается в вихре великих событий, очищается в нем, входит в сферу всенародного, вселенского дела и чувства.

По надменному слову одного из руководителей здешнего Религиозно-Философского Общества, происходит снижение наше до вышедшего на подвиг народа, снижение, ибо война — это есть все еще явление вчерашнего дня, а не того завтра, которым мы живем. Я бы не принял этого надменного, но по существу унижающего нас термина. То и отрадно, что, оставаясь на своих высотах, мы сближены теперь с тем, что казалось нам пребывающим там внизу, в долине. Когда даже пошлая частушка поднимается до такой лирической высоты и кристальности, как хотя бы в таком примере:

Дождик, лей, дождик, лей
На меня и на людей,
А на друга моего
Не брызни разу одного, —

то стоит ли говорить о каком-то там снижении.

Не снижение, а сближение происходит на путях трагического мироощущения. Пусть привычные к этому делу люди разделявают свои тру-ля-ля, — и их искусство возвышенно и прекрасно, если оно веселит душу и поднимает дух, жаждущий высокого подвига, — но истинная радость наша все-таки не в этих песнях с присвистом, а в том, из чего слагаются элементы будущей трагедии.

Для того, чтобы искусство вышло на широкий путь, ему нужны, прежде всего, два элемента: обще-признанный герой и обще-восхваляемый подвиг. Индивидуальный героизм противен духу русского народа, как он исторически сложился к нашим дням; но весь народ, вставший на великую борьбу за неочтенные блага, на борьбу, истинных размеров и последствий которой мы теперь и оценить не можем, — этот

народ носит в себе самом все черты трагического героя. Он встал на подвиг не в гордыне ума и сердца, как наш враг, а со смиренной жаждой очищения. И если эта жажда очищения сознательна и велика, то и течение трагедии будет величественно и славно.

Трагедия индивидуального героя кончилась его гибелью. Борьба с роком не под силу одному. Но трагедия героя коллективного может предвещать иное разрешение. Рок выражает свою волю голосом множеств, и, когда то, что было в античной трагедии хором, берет на себя подвиг и ответственность героя, то жертвы многими жизнями умилоствуют и непреклонность Рока.

Трагедия, разрешающаяся торжеством героя, — вот что мечтается мне на путях нашего театра. Радостная трагедия. Такая радостная, что предшествовать ей не запрещено и скомороху с гремящим бубном. И ты, шансонетка, визжа и приплясывая, выражаешь, как умеешь, предчувствие радостной победы и ликующей трагедии.

Театр кроликов

Некая чувствительная норвежская дама, разочаровавшись вдруг в своей жизни и в своем муже, нашла, что ее жизнь — не настоящая, не серьезная жизнь, и что ее дом — не настоящий, а только кукольный дом. И ушла из кукольного дома, чтобы строить настоящий.

Трагедия Норы — одна из основных трагедий буржуазного склада жизни, для каждого из нас так естественно в одно скверное утро почувствовать вдруг, что масштабы нашей жизни очень мизерны, что кругозор наш очень ограничен, и что, рядом с нашею малостью, с нашею кукольностью, есть нечто иных размеров, не всегда, правда, великое, но, по крайней мере, крупное, громоздкое, не вмещающееся в наш малый ящик кукольного мира.

Такое ощущение особенно часто бывает свойственно благополучному обывателю в дни великих исторических событий, как, например, и в наши дни.

В обыкновенное время увидеть малость наших размеров трудно, и доступно не всякому. Объявить драму нашей жизни театром марионеток решится не каждый. На это решится не каждый потому, что мало кому дано ощутить вселенское значение своего человеческого Я, — ведь только на этой высоте действительно ценным становится великодушное самоотречение и слияние своей малой воли с миродержавною Волею, выраженной в мощном ходе мировых событий; и только поднявшись на эту высоту великого самоутверждения, переходящего в великое самоотречение, возможно понять правильно отношение размеров жизни благополучной и жизни роковой, — той жизни, где господствует капризный случай, порождающий бытовые анекдоты, и той жизни, которую направляет судьба, творящие трагические события.

В наши великие дни эта разница размеров слишком явственна. Какой бы пышный наряд ни надевали на себя исполнители драм и комедий, все-таки нам всем кажется, что настоящий театр — театр войны, громадный по размерам и чрезвычайный по значению развертывающихся на нем событий.

А наш театр? Я бы все же не назвал его театром кукольным. Как-никак, мы все-таки — живые люди, и из нашей среды выходят деятели настоящего театра. Мы — материал. Быть материалом для великого — назначение, конечно, благородное, отнюдь не кукольное. Мы скорее похожи на кроликов.

Кролики очень милы, и сравнение с ними ни для кого не обидно. Да я и говорю о кроликах лишь для того, чтобы назвать наилучшие и наиболее ценные свойства кроличьей природы, свойства, потребные и гордому роду человеческому, иногда в большей мере, иногда в меньшей. Говоря о кроликах, я разумею, так сказать, сверхкроликов.

Судьба не дала кроликам грозных средств защиты и нападения, и потому кроликам свойственно в большом количестве становиться жертвами свирепых хищных зверей. В вознаграждение за эту неприятность судьба послала кроликам действительное утешение, дав им любезные свойства влюбчивости и плодовитости. Гений рода торжествует среди народа кроликов, обольщая их многообразными прелестями любви и страсти, и своенравно терзая их муками отвергнутых исканий и ревности.

Влюбленные кролики, конечно, очаровательны не менее, чем герои любой оперетки, идущей по сту и по двести раз в сезон. Ревнующий кролик, конечно, не менее свиреп, чем любая театральная разновидность Шекспирова обманутого мавра.

Гений рода зажигает кроличьи сердца пылом страстей не напрасно: это ему необходимо для того, чтобы обеспечить продолжение рода, который без того мог бы начисто изничтожиться. Как бы ни свирепствовал враг, — но вот над миром опустошенным возникает сладостная любовь, и воздвигает к жизни новые поколения, прекрасные и сильные.

Конечно, гений рода (кроличьего так же, как и человеческого) употребляет все средства для возбуждения, развития и поддержания в сердцах потребных для него чувств. Для этого он пользуется и всеми обстоятельствами жизни, и всеми обольщениями очаровательных искусств. Пользуется он и театром. Поэтому не следует удивляться тому, что во времена поистине героические, во времена, когда совершаются подвиги, способные зажечь чистым восторгом самое неотзывчивое сердце, в эти времена театр не весьма тяготеет к трагедии, а делается театром влюбленных кроликов. Трагедия придет после, лет через семнадцать, чтобы восторгом зажечь сердца юных, ныне еще не рожденных.

А теперь первая страница газет возвещает нам, что вечером, в великолепном зале, перед рядами декольтированных дам и элегантных фраконосцев, под звуки сладкой музыки, знакомой уже и шарманкам, опять будут любить друг друга и страдать Маргарита и Арман; что в веселом театре под легкую музыку покажут «Причуды страсти», и кто-то опять и опять будет танцевать все еще не надоевшее танго; что в легкой комедии прекрасная актриса изобразит любовь и другие приключения по чьему-то капризу вознесенной в чуждую сферу уличной красавицы; что в театре миниатюр покажут дамские хитрости, битву амазонок, танцы, и еще танцы; словом, что во всех театрах гений рода будет чаровать кроличьи сердца эротическими прелестями.

Иначе и не может быть: где пролитие крови, там и напряжение страсти. Ни одна героическая эпоха не была свободна от этого вплетения в жизнь обывателя кроли-

чьих страстей, и потому не была свободна и от искусства «чувствительного и фривольного», по выражению милого поэта.

Итак, я думаю, что в наши дни театр все более будет склоняться к легким и чувствительным изображениям любовных отношений, ко всему волнующему и влекущему, ко всему, что будит в человеке очаровательно кроличью сторону его существа. После войны тема о любви, возможно, станет для театра преобладающею еще в большей степени, чем до войны. И даже не в том смысле, что играют и будут играть пьесы о любви, — такие пьесы всегда ставились и ставятся, — а в том смысле, что самое существо и самый дух пьес сведется на некоторое время к их эротическому и возбуждающему элементу.

Уж раз, что *<так!>* театр, по той или по другой причине, захотел стать пиром во время чумы, ему не остается другого пути, кроме пути чувствительных и фривольных очарований. Мы, оставшиеся в городах, не оказались в должной степени на уровне великих событий; мы не захотели высокой трагедии. Театр не стал для нас храмом экстатического единения с вышедшим на великий подвиг народом; он все еще остался для нас местом забавы, развлечения, отвлечения от мрачных мыслей. Обвинять в этом никого не следует. Очевидно, есть какая-то историческая необходимость в том, чтобы так было. Очевидно, для истории еще нужны кроличьи норы, кроличьи сердца, кроличий театр. И мы все, в театре развлекаясь и отвлекаясь, конечно, выполняем ту историческую роль, которая на нас, оставшихся, возложена ушедшими. И роль эта сводится к тому, чтобы сохранить бодрость в стране, возложившей на себя бремя великого подвига, и чтобы, очаровавшись тем, что кажется нам лично и мелко привлекательным, действительно послужить гению рода созданием нового поколения, счастливо зачатого и счастливо рожденного.

Это новое, бодрое племя, которое явится на свет Божий в ближайшие годы, будет рождено под гул великих исторических бурь, — и для него, счастливого, мы, поэты, сложим высокие трагедии. В 1931 году они увидят свет рампы. (Конечно, эта дата взята приблизительно.) А пока пойте и пляшите, милые кролики!

Выбор ориентации

На днях один умный и талантливый писатель, побывавший близ тех мест, где разрываются шрапнели, говорил мне:

— У солдат совсем другое отношение к врагу, чем у нас, — чисто деловое. Замечательно уже то, что солдат никогда не ругает немца.

Черта утешительная, показывающая высокий строй народной русской души. Гораздо более высокий, чем думают те прекрасные городские люди, которые считают необходимым предостеречь русского человека и оберечь его душу от озлобления против немцев. Мужик пошел на войну, как на высокое и трудное дело, дело необходимое, дело защиты родины от напавшего врага, надобно заступиться при том за обиженных, за сербов и, кроме того, войною добыть какую-то драгоценную правду. Сердиться на врага ему, прежде всего, и некогда; в самой битве он лют, но сердце имеет отходчивое, и крепко помнит, что против него идет такой же, как он, мужик, оторванный от домашней работы и обязанный идти, куда шлют,

защищать свою родину и добывать свою правду. В этом — вся истинная философия и психология войны. Надобно честно и стойко делать свое дело, стоять до конца за свое, а кому победить, — это Бог рассудит. В народном понимании война — суд Божий между народами, почему и нельзя вносить в нее озлобление.

А вот мы, в городах, так называемая интеллигенция, с таким эпическим спокойствием и незлобием отнестись к страшному и трудному делу войны не можем. Враг наш в нашем представлении — не мужик вооруженный и не рабочий около пушки, а воюющая с нами отвлеченная Германия. С этою Германиею мы связаны многообразными узами, связями духовными и материальными, идеями, наукою, искусством, культурою, знакомствами, симпатиями, срослись с Германиею уже очень плотно, и для нас острое меча режет по живому месту, и нам больно. Костромскому мужику легче, — нашей боли он чувствовать не может, — меч, разящий нас больно, у него падает по пустому месту.

Когда мы думаем о войне, мы думаем не столько о прерванном для войны труде мужика тамбовского, или ганноверского, или бретонского, сколько о разрушенном Лувене, о Реймском соборе, о нехороших поступках курортных германских врачей, о газетных статьях германских публицистов, поэтов, ученых, о их ненависти к нам, русским, которых они зовут варварами, и о том особенно, оказалась ли германская культура на высоте тех гуманных идей, которыми мы, среди всего неустройства и зла жизни нашей, так дорожим. Словом, думаем обо всей роскоши и накипи интеллигентского бытия. И вот в этом узле для нас завязывается трагедия, которая рязанскому мужику так же мало понятна и доступна, как и другие наши радости и огорчения, но которая нам дошла до сердца и исторгает из нас то гневные, то скорбные речи. Перед нами стоит трагический вопрос: сохранить ли нам нашу влюбленность в европейскую, в частности, в германскую культуру, или это европейское, германское, разлюбить.

Вот в этом-то и состоит наша интеллигентская трагедия. Кто милее: Европа или Россия? Где наша истинная родина? в степях восточной Европы или в парках Версаля?

Мне кажется, что нет другого сословия или класса, обреченного на более скорбную трагедию, чем прекрасная, многострадальная русская интеллигенция. Каждый класс имеет свой интерес, отстаивает его, как умеет, и видит врага в том, кто и есть его враг. Русская интеллигенция привыкла видеть свой интерес в торжестве справедливости и гуманности, в устройстве счастья для мужика, для рабочего, для Польши, для евреев. На своем высоком пути она почти всегда одинока, и там, где она видит друзей, к ней, в лучшем случае, холодны.

Мы влюблены в европейскую цивилизацию, в ее внешнюю культурность, а европейцы говорят: «поскребите русского, найдете татарина»; и мы очень стыдимся этой пословицы, как будто и в самом деле трезвый, трудолюбивый и честный татарин хуже смекалистого и плутоватого германского коммивояжера или парижского куафёра. Мы влюблены в народ, но смотрим на него Кавказскими пленниками: «европейца все вниманье народ сей дикий привлекал»; а народ смотрит на нас как на существа бесконечно чуждой природы. Потому что мы приходим к нему, наглотаившись европейского яда, но очень все-таки слабые по части европейской техники;

а ведь только европейская техника нам и нужна, что очень хорошо понимает и пермский, и подольский мужик, очень хорошо умеющий оценить достоинства хитрой немецкой машины, если только она притащена в деревню не зря и без толку, а в строгом согласовании с местными условиями.

С тех пор как Петр Великий, обрив наши бороды и научившись у голландцев кораблестроению, у шведов — ратному делу, и вообще у европейцев многому полезно, прорубил окно в Европу, — вот только с этого времени мы и ведем свою историю цивилизации, и если бы у нас, как у англичан, был свой Бокль, он не начинал бы от времен Олеговых.

Великого Петра
Он звал отцом России новой;
Он видел след руки Петровой
В основе всякого добра.

А раньше Петра мы, по-видимому, были дикими, вроде папуасов.

Европа стала для нас страной святых чудес, вечным образцом того, к чему следует стремиться. Она и дала нам много доброго и полезного. Дала, конечно, не даром. Наши труды и затраты на Европу, поистине, колоссальны. Мы и воевали-то часто за европейские интересы. В мирное же время мы усердно обогащали ее. Русские путешественники своими деньгами помогли германцам иметь отличные дороги, великолепные курорты и превосходные крупновские орудия, в то время как русский мужик кряхтит от бездорожья, а русский горожанин гнушается русскими лечебными местами.

В благодарность за это пользующаяся нами Европа всегда смотрела на нас свысока, и мы всё никак не могли догнать ее, хотя, право же, и у нас кое-что свое было.

Только последние десять лет работы Государственной Думы дали сравнительно более быстрый темп нашей ученической работе. И что в этой работе мы, действительно, двинулись вперед за это десятилетие очень далеко, показывает уже ход войны: ни одна война со времен Петровых не шла так удачно для нас (если принять во внимание ее исключительную трудность), как эта война. И эта творческая работа общественных сил отразилась на простом народе, который пошел на эту войну с таким подъемом, какого он не знал, может быть, со времен Куликовской битвы. В этом и есть залог того, что война принесет народу некое положительное и высокое благо, и что кровь проливается не даром. С таким подъемом ведутся только освободительные войны.

Интеллигенция же наша переживает критический момент. Если она и для себя желает от последствий этой войны некоего блага, если она хочет, чтобы и для нее эта война стала освободительной, то ей придется многое преобразовать в строе своего миропостижения. Европейская ориентация, проводимая слишком прямолинейно и в тех областях, где не она потребна, оказывается для нас столь же трагической, как для поляков могла бы оказаться ориентация австрийская, если бы поляки пожелали в этом упорствовать.

Кризис европейской ориентации состоит не в том, что европейская культура оказалась несостоятельной; не прав опрометчивый поэт, сказавший про эту культуру, что «гнила культура, как рокфор».

Европейская, в частности, германская культура еще крепка и добротна, что и сказывается, между прочим, в той деловитости и в том одушевлении, с какими германцы ведут эту войну. Но нам-то культура эта не сродни.

Европейская ориентация у нас терпит кризис, — размеры которого так велики, как мы теперь только с трудом можем представить, — потому, что европейская культура потребна нам только отчасти, в предметной своей части, а не целиком, как мы хотели ее взять. Никогда, думаю я, не дойдем мы до того «культы вещей», которым так характеризуется та же немецкая цивилизация, и никогда душу свою, Марию, не променяем на тело ее, Марфу.

Этот культ вещей поработает европейца и держит его в очень тесных рамках буржуазного бытия. Мы свободны от этого рабства вещам, и должны остаться свободными.

Это не значит, конечно, что нам следует отвергнуть материальную культуру Европы. Технику и законодательство, манеру строить дороги и дома и строить даже внешние формы жизни, — все это будем брать по-прежнему или даже еще энергичнее, но всему этому дадим только служебное значение. Пусть побывавшая в европейской школе Марфа хлопочет и заботится о всем внешнем, — хозяйкою нашего великого русского дома останется все же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых.

Мы — не Запад, и никогда Западом не будем. Мы — Восток религиозный и мистический, Восток Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций. Трагедию нашу мы должны разрешить в том, чтобы над крушением европейской ориентации вознести то новое слово, которое мы давно обещаем миру, но которое уже давно дано нам в мистическом миропостижении Востока. Довольно нам ориентироваться на Запад, пора нам найти в самих себе нашу правду и нашу свободу, опереться на исконное свое, вспомнить древние наши были, оживить в душе торжественные звоны вечевых колоколов.

В идеалистичности нашей интеллигенции, в ее высокой незаинтересованности лично для себя, вот в этом нашем прекрасном свойстве и сказывается наша тоска по тому сокровищу, которое нам дано, но которое мы держим под спудом.

1915

Отечество для всех

Великая война, которой мы не хотели, но которую мы ведем с великим одушевлением, с чрезвычайным напряжением всех наших духовных и материальных сил, поставила перед нашим сознанием и перед совестью нашею основные вопросы нашего общественного и государственного строительства. Не напрасно газеты поспешили назвать эту войну отечественною. Вопрос об отечестве внезапно приобрел для нас особую остроту и значительность.

Русское общество и русский народ застигнуты войною неожиданно, но светлая сторона этой войны в том, что она пришла к нам тогда, когда представшие нашему решению вопросы в разуме и совести нашей оказались уже решенными.

Героическая работа русской интеллигенции прошла недаром. И теперь нам надо не спорить и доказывать, а только определить смысл событий. И этот смысл совершающегося заставляет нас признать эту войну не только оборонительную, но и освободительную. Мы приемлем ее не только как борьбу за права малых государств, угрожаемых <так!> великими, не только как борьбу против германского милитаризма, но и как борьбу за наше внутреннее освобождение, как борьбу против внутренней опасности, в каких бы разнообразных формах эта опасность ни выражалась.

Первая и главнейшая опасность, — опасность внутреннего разделения и нестроения. Готовность всех населяющих Россию племен с равным рвением встать на защиту отечества показывает, как несправедлива в России проповедь человеконенавистничества и узкого национализма. Племена, наравне с русскими несущие все тяготы нашей государственности, наравне с русскими защищающие наше общее отечество, этим самым утверждают, что отечество для всех, что Россия для каждого, кто считается русским подданным и исполняет свои обязанности по отношению к государству. Не для русских только по языку и происхождению Россия, она для всех, кто осенен мощью ее державной государственности. Неравенство в правах разных народностей никому в России не нужно, мощи государственной не увеличивает, и лишь поддерживает наше внутреннее нестроение. Уравнение всех в правах нимало не противоречит определениям русской государственности.

Скажите ли вы, что Россия создана русским племенем? Хорошо, стало быть, она должна определяться свойствами русского народного духа, — а этому духу чужда и противна вражда и замкнутость. Душа русского народа доверчива, открыта всем влияниям, и быть иначе не может: только та народность может служить основой великого государства, которая способна легко и радостно сочетаться со всеми племенами, стоящими на ее историческом пути. Так всегда и было в истории России, и никто же не утверждает, что люди, унаследовавшие от родителей русский язык, составляют чисто славянское, беспримесное племя.

Скажите ли вы, что Россия — государство христианское? Хорошо, но разве заветы Христа не в том, чтобы видеть друга, и брата, и равного себе в каждом человеке? Чем более мы христиане, тем менее в сердце нашем вражды и исключительности.

И разве в зависимости от того, что два человека говорят на разных языках и молятся по-разному, изменяется их отношение к делу? Для того, чтобы платить пошлины и налоги, для того, чтобы носить оружие, защищая отечество, никакого значения не могут иметь ни вероисповедные, ни расовые признаки.

Отечество для всех нас, потому — что и мы все для отечества. Отечество — наш общий дом, и этот дом все мы строим, поддерживаем в порядке и в благолепии, и защищаем. Мы строим наш общий дом не как наемники, которые получают плату и отойдут от строения, и уже оно для них чужое. Строя, украшая и защищая наш общий дом, мы ни с кем не торгуемся, мы даем все, что для строения и защиты потребно, — даем наше достояние, наш труд, самую жизнь нашу. Даже когда кажется нам, что труд наш эгоистичен, и тогда он обращается на пользу нашему общему дому, если он не преступен: ведь все то, что увеличивает счастье, благополучие и свободу каждого, живущего в доме, увеличивает прочность и благолепие дома.

Мы строим наш общий дом, украшаем его и защищаем, не щадя порою самой жизни нашей, и делаем все это радостно и охотно потому, что в общем доме нашем мы все не наемники и не гости. Кто же мы все в общем доме нашем?

Мы все должны знать и всегда помнить, что в общем доме нашем мы — хозяева. Это — не право наше, это — наш долг по отношению к дому, о котором мы должны заботиться, как и всякий добрый хозяин заботится о доме своем. Это сознание, что мы — хозяева общего дома нашего, сказывается и в том, что каждый из нас, в ком не дремлют совесть и разум, не может не чувствовать себя самого ответственным за настроения жизни нашей.

Не кто-нибудь посторонний, не конгресс союзников извне, и не какое-нибудь одно сословие внутри устроит наши дела и скажет Польше: будь такою-то, и еврею: пользуйся такими-то правами, и Финляндии: имей такие-то законы, и всем иным, что кому на пользу. Ни союзники наши, ни одно из сословий наших, ни некоторые мудрейшие или сильнейшие из нас, — мы все, русские подданные, мы все, легко и охотно несущие бремя государственности, мы все призваны в разуме и в совести нашей решить основные вопросы великого домостроительства нашего. И чего мы все, разумом и совестью соединенные, захотим, то и будет.

Мировая громада

Люди, которые очень любят Германию и германскую культуру, — а таких людей в России немало, — склонны думать, что наш союз с Англиею — случайность, вызванная к жизни потребностями момента. Они думают, что цели русской и английской политики весьма различны, и что пути Англии и России ведут в разные стороны; теперь им пока по дороге, а как только сокрушена будет Германия, так немедленно же вскроется глубокий антагонизм между этими двумя внезапными союзницами, Россиею и Англиею, и вспыхнет между ними война, или немедленно же, из-за дележа добычи, или через короткое время, так как вся Западная Европа, а стало быть и Англия, не может не бояться чрезмерного увеличения русской государственной мощи.

Наоборот, люди, пожившие довольно долго в Англии и знакомые хорошо с английскими настроениями, уверены в том, что России и Англии делить нечего, что союз между ними прочен, и что опасаться разрыва нет оснований.

Эта разность мнений только кажется разностью мнений о наших внешних отношениях; на самом деле она является разностью мнений о нашем национальном самоопределении. Хотя Россия и прожила уже тысячу лет, но она все еще находится в пленительном периоде юношеского развития, и еще не твердо знает, что такое она, Запад или Восток. Вопрос о том, нужен ли нам и возможен ли для нас союз с Англиею, есть, в сущности, вопрос о том, какими путями пойдет Россия во внутренней своей жизни.

Было время, когда внешняя политика была делом только дипломатов. Тогда Россия то завоевывала Кенигсберг, то добровольно возвращала его прусскому королю; тогда Россия то освобождала Европу от Наполеона, то покоряла Венгрию, чтобы дать Австрии возможность удивить мир неблагодарностью. Наступило время, когда

внешняя политика должна строиться в точном соответствии с живыми интересами народов. И теперь вопрос о том, будет ли у нас прочный союз с Англиею, является вопросом о том, как мы сами будем жить.

Гадать о будущем — дело, конечно, неблагодарное. Но строить наше будущее по воле нашей — это уже в значительной степени в нашей власти. Хотеть того или другого, — вот что мы можем и что мы должны. Хотеть, а не только ждать, чтобы исполнились какие-то исторические или экономические законы, которых, может быть, и нет, и которые, во всяком случае, неполны, если в них не включен элемент нашей созидающей воли.

Что касается меня, я думаю, что союза с Англиею следует и стоит хотеть. Союз этот представляется мне естественным и достойным великого государства, как Россия.

Естественным он мне представляется потому, что при всем несходстве учреждений и обычаев есть многое, что делает для нас Англию более близкою, чем всякое иное западное государство. Более, чем всякий другой народ в Европе, англичане очарованы стремлением к мировым просторам. Быть в пределах им тесно и скучно, им надобно приобретать земли, и они умеют удерживать их узам своей крепкой гражданственности. Преодолевать пространства, расточать энергию, — вот свойства, в наибольшей чистоте удержанные от времен былых кочеваний только русскими и англичанами.

От этих неутомимых кочеваний, от этого щедрого рассеяния английской энергии по широким пространствам земного шара дух английского народа в большей степени, чем дух всякого иного западного народа, сроднился с мистическими откровениями древнего Востока. Недаром же отделившиеся от Англии Соединенные Штаты Северной Америки впали в грех противоположной крайности, в дикое обожение материальной культуры. Это — кара за отпадение от связи с родною землею, крепкою, здоровою, религиозно и нравственно настроенною.

Достойным для величия русского народа союз с Англиею представляется мне потому, что союз этот ведет к объединению народов под знаменем истинной, духовной культуры мистического Востока. Единственные мировые державы — только две, Россия и Англия. Знаменательно то, что эти два государства строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада. Им двум предстоит великая задача объединить в одну мировую громаду миролюбивые и воистину культурные народы Индии, Китая, Японии. И когда это соединение народов мистического Востока произойдет, измученной земле дарована будет последняя свобода и дарован будет благостный мир.

Но для этого надобно, чтобы Россия поняла свое призвание — быть Востоком и строить свою культуру на высоких мистических откровениях, ведущих народы к миру и к любви.

Жаль Болгарию

Говорить о Болгарии, как будто, уж и не стоит: и оправдывали ее, и осуждали достаточно, и, наконец, даже ее защитники должны были обратиться к ней слова спра-

ведливой укоризны. И если я все же говорю о Болгарии, то лишь для того, чтобы сказать, что ее ни осуждать, ни оправдывать не стоит, потому что ее надобно жалеть. Так бывает жалко погибающих, и бывает такая степень осуждения, которая претворяется в жалость.

Если бы вы увидели, как точит нож новый Каин на брата своего Авеля, чтобы опять повторить безобразную и страшную комедию братоубийства, и затем нести на себе позорную печать отвержения, бежать от людей, дрожа и стеновая, и погибнуть, — неужели над строгим осуждением Каина в сердце вашем не вознеслась бы жалость к погибающему? Ничего не достиг проклятый Каин тем, что убил своего брата, — дым от непринятых жертв его стелется низко по земле.

Если бы перед вами нечестивый Иуда опять взял сребреники, чтобы вновь предать Учителя, то разве не жалость к неразумному должна пронзить сердце ваше? Преданный Иудею в третий день воскреснет, а душа Иуды погибнет навеки. И что он купит на свои жалкие сребреники, если не бросит их к ногам давших ему плату за предательство? Да и предательство его было не особенно ценно, и без его услуг враги Учителя схватили бы Его.

Ничего не достигнет Болгария, если и бросится на измученную Сербию. И если она изменит своей освободительнице и пойдет с врагами России, малоценно будет ее предательство. Судьба взвешивает теперь на весах своих такие тяжкие грузы, которыми на долгие времена определяются судьбы населяющих землю множеств, — и что перед этими мировыми грузами маленькое торгашество и мелочное политиканство провинциальных государств? Восток и Запад стали друг против друга, тонкая сила духовной культуры спорит с грубою тяжестью культуры материальной, — и разделяются племена: носители лучших свойств цивилизованного человечества на Западе, героическая Франция, крепкая в защите прав Англия, самоотверженная Бельгия идут с нами, а последние остатки разбойничьих орд, выброшенных некогда Востоком, сочетались с яростными тевтонами и швабами. Что же может Болгария? Какое ее значение в этой титанической борьбе?

Как в трагические моменты нашей жизни малые и мелкие чувства должны затихнуть перед голосами великих чувств и героических решений, так и в великой борьбе малые людские соединения не должны иметь своих отдельных собственных интересов.

Бельгия пренебрегла своими интересами для защиты возвышенных начал права и справедливости, и судьба ее светла и возвышенна; приобретенная ею слава даст ей великие права. Болгария не может забыть своих маленьких интересов: ей нужна Македония; она торгуется, ведет переговоры, — но, быть может, все тонкое политиканство ее останется тщетным. Она не хочет быть вместе с нами, на нашем великом пути, — чего же она хочет? Быть на путях Германии или процветать в своем провинциальном захолустье? Но правый путь для нее — только один, тот путь, на который указывает ей деятельность генерала Радко-Дмитриева.

Болгарию надо жалеть не только потому, что она стоит на гибельном пути, но и потому, что она не заслужила своей печальной судьбы. Ее народ — трудолюбивый, честный, мирный: ее обычаи и нравы — здоровы и просты; из всех балканских пле-

мен болгары и по языку, и по характеру наиболее близки к великорусскому племени. Болгария в союзе с нами и со всем славянством могла бы стать такою же сильною и спокойною, как Бавария в союзе с остальными германскими государствами; в этом только союзе справедливо и прочно могли бы быть устроены и судьбы Македонии. Но Болгария, — не народ Болгарии, а ее правители, — официальная Болгария предпочитает иметь свою собственную политику и воевать с братскими племенами за свой страх.

Чем скорее народ болгарский поймет, что официальная Болгария стоит на ложном и гибельном пути, тем лучше будет для Болгарии живой, народной, — для той Болгарии, которую, верю, всем нам жаль.

Все вместе

Перед общим врагом все вместе. Сплотились для обороны, для защиты родной земли от вражеского нашествия. Все вместе, все — братья, все — дети одной родины, и для всех Россия — добрая, всех равно любящая мать. Собрала многие племена под свою державою, и ко всем равно благосклонна.

Так хочется говорить этими словами, иметь право говорить эти слова! Да вот не скажешь. Не ко всем благосклонна одинаково, и в год великого подвига все не может, все не хочет расторгнуть роковую черту, ужасную черту оседлости.

Встречая за границу русских евреев, всегда приходилось удивляться той странно-живучей любви к России, которую сохранили почти все они. Говорят о России с тою же тоскою и с тою же нежностью, как и русские эмигранты, и так же рвутся возвратиться на родину, и так же томятся, если возврат невозможен. За что им любить эту суровую к ним, эту негостеприимную Россию?

Как это ни странно, а все же бывают дети, которые любят жестоких мачех. Конечно, это — исключения; обыкновенно мачех ненавидят. А вот что касается евреев, здесь исключение обращается в общее правило: евреи любят ту самую Россию, которая так к ним сурова. Любят мачеху? Так ли?

Чей-то интерес требует, чтобы евреи были угнетены, были загнаны в черту оседлости, ограничены в правах на образование и во многих других правах. Чей же это, однако, интерес? Интерес России? Конечно, нет.

Общественные отношения в России, как и во всяком цивилизованном государстве, должны строиться на незыблемых основаниях справедливости, разума и совести. Все, объединенные признаком общей государственности, должны иметь в пределах своего государства тот наименьший объем прав, в котором все еще, к стыду нашему, отказано евреям. Этот наименьший объем прав каждый из нас получает не за свои личные или племенные заслуги и не потому, что он обладает тем или другим личным или групповым признаком: объем общегражданских и общечеловеческих прав должен принадлежать каждому россиянину только потому, что он — россиянин. Подчиняться российским общим законам, платить в российскую казну все, что причитается, сражаться в рядах российской армии, — все это есть долг российского подданного, соответствующий тому объему прав, которого лишить можно только по приговору суда за доказанное преступление.

Человек, по суду не опороченный, не может жить там, где он хочет, потому что он — еврей, мальчик, ни из какого училища не исключенный за неуспешность или дурное поведение, не может поступить в гимназию, где есть вакансии, но где уже заполнены особые, процентною нормою определенные для жиденят места; жена воина не может посетить раненого и умирающего в госпитале мужа, потому что он умирает вне черты оседлости; покойник не может быть похоронен в том городе, где он умер, потому что в этом городе он не имел права жительства. Что все это значит? И кому все это нужно?

Все это — российские подданные, не враги наши, и вот так с ними поступают. Зачем? Затем ли, чтобы ожесточить их, зажечь в их сердцах огонь яркой ненависти к России и сделать из них наших врагов? Но тогда надо быть последовательными, не терпеть их и в черте оседлости, изгнать их или истребить. Однако цивилизованное государство не решится на эти акты, последовательные в своей жестокости. И если оно на это не решается, то оно, из простой заботы о своей безопасности и о своем достоинстве, должно предоставить каждому россиянину общечеловеческие права.

Это диктуется заботою о могуществе и безопасности нашей страны. Необходимо, чтобы каждый россиянин имел причины любить Россию и не имел права ее ненавидеть. Если бесправная часть российского населения все еще любит Россию, то это потому только, что в державном русском племени нет злобы и ненависти к инородцам, и наши сограждане это знают. Они знают, что их бесправие тягостно для нас самих.

Уравнение евреев в правах с нами повелительно диктуется и заботою о государственном достоинстве нашем. Звание российского подданного должно быть уважаемо в пределах нашей страны, потому что иначе цивилизованный мир не привыкнет уважать Россию. Нашу Россию боятся за ее военную мощь, любят за прекрасные качества ее населения, но уважать ее станут только тогда, когда она станет странюю свободных людей.

Порог житницы

Где много людей, там мало хлеба. Тучная почва малонаселенных пространств рождает хлеб в изобилии, но зерно избыточное не проливается на землю втуне. Оно течет туда, где его ждут теснящиеся на малых пространствах культурные множества. Только был бы путь свободен, а зерно дорогу себе найдет. Оно — зрячее. Недаром кормит людей, поддерживая в них дыхание живой жизни.

Говорят, что Англии ее собственного зерна хватает каждый год только на три месяца. Что за беда! Америка, или Россия, или Австралия, — кто-нибудь да пришлет ей свои избытки. Зерно меняется на золото, золотом оплачиваются проценты по заграничному долгу, а исправная уплата процентов даст возможность должать снова. И в Аргентине, и в России земли много, зерно родится в изобилии, зерна не жаль. Что хлеб! Не одним хлебом живы.

Шныряют вокруг Англии германские подводные лодки, из каждой сотни приходящих в ее гавани торговых пароходов топят по одному. Сотая часть товаров не дойдет по назначению — небольшая беда. Кто из нас почувствовал бы недостаток

одной сотой части, хотя бы в своем ежедневном питании? Пустяки. Да и этот процент пополнится лишним заказом, и только немного поднимется цена на заморское зерно. Больше моральное действие, чем реальное: неприятно, что кто-то пытается помешать таинственному претворению дремотной энергии зерна в живую энергию человека.

Но есть путь в Англию, почти безопасный, узкий пролив между Францией и Англией. Здесь, на этом небольшом пути от берега до берега можно, говорят, установить такое бдительное наблюдение, что ни одной подводной лодке не удастся просыпать на морское дно ни одного зерна русского хлеба. Стоит только доставить его во Францию, а уж в Англию-то оно попадет. А чтобы доставить русское зерно на запад Европы, необходимо форсировать Дарданеллы. В русской житнице много хлеба, — надо только снять с петель замкнутую дверь нашей житницы.

Но, однако, неужели всегда тот, кому нужно попасть в нашу житницу, должен ходить к ней через чужой двор? И кому может быть выгодно, чтобы дверь нашего дома сторожил наш сосед? В мирное время еще оно ничего себе, хотя и то в достаточной степени нелепо, а в военное не очень весело нашим друзьям тратить лишние усилия на то, чтобы отгаскивать кого-то с порога нашей житницы.

Кто бы ни сидел в Константинополе, кроме русских, все это будет одинаково нелепо. Никто, кроме России, не может вывозить из Черного моря такого громадного количества товаров, нужных для Западной Европы.

Зачем нужен Константинополь нам, русским, про это мы, русские, и знаем. А то, что теперь совершается в Дарданеллах, кажется, показывает, что и Западная Европа начинает понимать, почему ей выгоднее, чтобы Константинополь был нашим, а не чьим-нибудь чужим. По-настоящему выгодно только то, что справедливо, потому что только справедливое отвечает правильно понятым интересам всех людей. А ведь нет никакой справедливости в том, чтобы сидеть на пороге чужого дома и беспокоить чужих гостей.

Завоевание правды

В наши дни люди больше всего любят думать о том, что будет. По крайней мере, здесь, в городах, не на войне. Там, по всей вероятности, — иные думы. А здесь бросается в глаза суетливое старание приподнять уголок завесы, скрывающей неведомое будущее. Отвечая спросу, являются многочисленные предсказатели, и мы уже довольно хорошо осведомлены о том, что будет, когда война окончится.

Может быть, тогда будет совсем не так, как мы теперь представляем. Может быть, те перемены, которых мы ждем, если и осуществятся, то совсем не теми путями, о которых говорят прорицания наших дней. Но есть предсказания, которые легко делать с большою вероятностью их исполнения. И одним из таких возможных к исполнению предсказаний является та перемена в ходячих представлениях о людях и народах, которая будет следствием великого опыта войны.

Не армии сражаются, — вооруженные народы встретились, и взаимно испытывают друг друга. Испытывая противника, попутно испытывают путем сравнения и самих себя. Испытывают людей и порядки, строй жизни и склад своих и чужих ха-

ракторов и нравов. Вопросом о том, кто такие они, острится вопрос о том, кто же мы сами.

У нас, людей городских, людей большого личного, делового и книжного опыта, у нас, перебивавших во многих местах и перевидавших много разных людей, почти окостенели наши представления о своих и о чужих. Что бы нового мы ни услышали, мы невольно ассоциируем это новое со всем содержанием нашего опыта, подгоняем это новое к привычным нам шаблонам и на этом успокаиваемся. Если нам скажут:

— Германцы совершили много жестоких, возмущающих моральное чувство деяний.

То на это у нас уже готовы различные ответы.

Одни скажут:

— Германцы и в предыдущие войны поступали так же точно, как и теперь. Таков их национальный характер. Потому-то у них именно и получил такое сильное развитие милитаризм, потому-то они так легко и забыли заветы Канта, Шиллера и Гёте.

Другие к этому прибавят:

— Ну, знаете, тоже и Кант этот у них, — хвалить погодить. От Канта до Круппа рукой подать.

Иначе думающие скажут:

— Германская культура достигла высокой степени развития, и война с Германией — в высшей степени прискорбное явление.

И другие, сочувствующие им, прибавят:

— А что они на войне суровы, так ведь на то и война. На войне иначе и невозможно.

Случалось, что и здесь менялись мнения о людях и народах. Но эта перемена мнений была только переменою шаблонов. А шаблоны эти выковывались издавна, и слагались они под давлением всего многообразия наших отношений, убеждений и — в особенности — интересов. Интересы повелительнее всего диктовали и диктуют наши симпатии и антипатии. Интересы же у нас очень широкие, потому что потребности у нас культурные, и уровень потребностей довольно высок. А так как обширное отечество наше все еще недостаточно для нас культурно, то интересы наши связывают нас множеством нитей с границею.

Войну ведет весь народ, не только городской и культурный. Множество людей с очень невысоким уровнем потребностей и с очень большою свежестью восприятий пришли на войну. Пришли, как дети приходят в школу, — без ясно сознанной потребности учиться, но с неисчерпаемою возможностью воспринимать.

Потребности их не велики, стало быть, и интересы не сложны, и потому восприятия их почти совсем не окрашены заинтересованностью. Мы, культурные горожане, смотрим на врагов и на друзей, как сквозь густую пыль, сквозь наши предубеждения и предвзятости. Они смотрят просто и наивно, как сквозь прозрачный воздух полевых просторов, и почти не думают о том, что перед ними враг, которого надобно ненавидеть, или человек, которого надобно любить.

Каждый случай представляется им в его конкретной первоначальности. Каждый человек, в своих и чужих рядах встреченный ими, является для них не отмеченный

заранее приготовленным ярлыком, — они видят человека только таким, каким он перед ними в данном случае себя обнаруживает.

Незаинтересованная добросовестность свежего восприятия представляет собою огромную силу, и даст могучее веяние новой правды о делах и о людях, — правды, готовой широкими потоками разлиться по всему простору земли русской.

Они вернуться, наши воины, и расскажут нам многое, что, быть может, покажется нам неожиданным. И самое любопытное в их рассказах будет не то, что они скажут о битвах и об окопах, не это внешнее, хотя тоже значительное, — самым любопытным будет то, что они нам скажут о нас самих, русских людях, и о наших соседях, немцах, славянах, турках. Не об артиллерийском огне и не о штыковых атаках, — о душе человеческой и о жизни человека будет самое необходимое для нас откровение этой войны.

Никогда еще не было на Руси, чтобы так много людей вышло в бранное поле, как ныне. Никогда еще не было на Руси, чтобы таким множеством голосов вернувшихся говорила о себе война, как в этот год. И прежде, в старые годы, говорила нашим предкам война голосами славы, побед и доблестей. Но и ныне, в те дни, когда технические совершенства вооружений так велики, гром бесчисленных орудий все же не заглушает простого, ясного и страшного в своей беспощадной откровенности голоса души человеческой.

Дух человека не умаляется, — он возрастает от века к веку. Человек, идущий от трудностей к трудностям, все совершеннее учится не только доблестно умирать, но и достойно жить, — жить в правде и в великой душевной ясности.

Школа жизни бывает очень жестока, но все же эта жестокая школа есть в известном смысле та мастерская гуманности, о которой некогда говорил великий славянский педагог Амос Коменский. Если мы, люди этого дня, все еще так несовершенны, что не умеем поучаться только словом мира и любви, то вот дается нам иное поучение в грохоте великих битв, в катастрофическом шуме великих народных встреч. И поучение это для нас, русских, не будет заветом ярости и злобы, — вооруженный русский народ принесет нам ясную и мирную правду о себе и о тех, кто ныне стоит перед нами, грозя и враждуя.

Какая будет это правда, — вот об этом я не возьмусь пророчествовать. Кто жаден узнать ее скорее, тот пусть уже и теперь спешит собирать доходящие до нас ее крупички.

Но, — скажут, быть может, — наивное и невежественное восприятие способно и ошибаться? Конечно, отдельные ошибки и нелепости возможны, и всякий, у кого есть сердце и разум, должен бороться против распространения этих ошибок и нелепостей. Мне же хочется верить, что эти возможные отдельные погрешности наивного суждения потонут в том великом море правды, каким представляется мне безмерно-громадный опыт вооруженного народа.

Суд людской

С приличными случаю речами начались заседания чрезвычайной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и герман-

скими войсками. Разумные и торжественные речи — очень хорошо. «Разумный труд, начатый нами, разумных требует речей: работа с мудрыми речами идет успешней и быстрее», — так передает один из русских переводов слова Шиллеровой «Песни о колоколе». И, конечно, следует пожелать, чтобы работы комиссии шли успешно и быстро и сопровождались определенными последствиями.

Невольно вспоминается при этом приговор коронера, вынесенный недавно по поводу потопления на пароходе «Лузитания» многих женщин, детей и невооруженных граждан нейтрального государства. Это было тоже предварительное следствие, хотя и произведенное публично и торжественно, не так, как на континенте производится предварительное следствие. Коронер объявил только то, что, по мнению двенадцати почтенных граждан, смерть многих погибших при крушении парохода «Лузитания» причинена преступными действиями экипажа германской подводной лодки, и что обвинению в предумышленном убийстве многих подлежит не только этот экипаж, но и те, кто приказал ему так действовать.

О германских жестокостях говорили много, и многие в России склонны или отвергать эти жестокости, или находить для германцев извиняющие обстоятельства. Иногда говорили (особенно в начале войны), что рассказы о германских жестокостях преувеличены. Когда стали накапливаться доказательства несомненные, можно было говорить, что все это — отдельные прискорбные поступки, совершаемые немногими, и что это бывает в каждой армии. В худшем случае, исчерпав все оправдательные софизмы, можно еще говорить, что война есть война, что навести ужас на врага есть средство, ведущее к скорейшему прекращению войны. Для тех же, кто не хотел бы пользоваться этим циничным оправданием жестокостей, остается путь якобы гуманных соображений: можно говорить, что рассказы о германских зверствах способны разнуждать зверя в русском человеке, и что народ, начитавшийся таких рассказов, начнет мучить и травить немцев.

Говорящие так, конечно, клеветают на русский народ: наш народ не обнаруживает такой злобы к врагу, которая пылает, если верить рассказам, в сердцах германцев. Добродушие русского народа, поистине, безмерно, и потому мы смело можем говорить о германцах и доброе, и злое, лишь бы это была правда. Но эта аргументация, все-таки, имеет чрезвычайно большую силу, так как она опирается и на альтруистические свойства нашей интеллигенции, и на те многообразные отношения, которыми германцы сумели связать себя с нами: невозможно, например, отрицать хотя бы то, что нигде в свете не интересуются русскою литературою так, как в Германии.

Только беспощадная сила правды может противостоять этим соображениям то идеалистической, то деловой природы. И на этой почве возможны бесконечные споры, раздражающие своею бесплодностью.

Суждение коронера и работы нашей чрезвычайной следственной комиссии переводят эти тягостные разногласия на твердую почву правды и права. Мы можем думать что угодно о германских воинах, о их командирах и о их верховном вожде, императоре Вильгельме, восхищаться или негодовать, но мы не можем не признать великого значения того, что некоторые из этих людей торжественно названы подлежащими уголовному суду за убийство.

Пусть эти люди не достигаемы ныне для английского суда, — много есть преступников, скрывшихся от правосудия, и в этом отношении император Вильгельм и адмирал Тирпиц так же счастливы, как и любой из лондонских убийц, не пойманных английскими полицейскими. Преступление может остаться неотмщенным, — но совесть цивилизованных народов находит успокоение и в том, что злое дело названо преступлением.

В сумятице противоречивых суждений общественное мнение может опереться на авторитетный голос независимого, неподкупного суда: нет, не все можно оправдать состоянием войны! Совесть народов опять получает твердое руководство для отличия самоотверженного, честного боя от подлых проявлений злой воли. И потому приговор коронера по делу о гибели «Лузитании» представляется мне одним из самых величественных явлений этой войны.

Кроме своего грандиозного нравственного значения, этот приговор представляется мне несущим в себе зародыш таких событий, которые теперь кажутся еще невероятными. История Англии знает примеры, которые, может быть, скоро нам придется вспомнить. Среди разбросанных по земному шару владений Англии есть остров Святой Елены, ничем не замечательный ныне, но все же памятный векам.

Пропаганда действием

Германцы очень присматриваются к русской жизни, интересуются русскою литературою, русским искусством. Влечение к знанию в практической душе германца сочетается с полезным умением узнавать то именно, что надобно. Между прочими полезными сведениями бывают и сведения о том, кто в нашей стране их друг и кто их враг. Ведь все мы знаем, как стараются германцы обрабатывать общественное мнение в нейтральных странах. В России обрабатывать общественное мнение не нужно: долгие связи с Германиею воспитали в нашем обществе достаточно прочные симпатии к ней. Врагов Германии у нас мало, и, по-видимому, все они на счету, — конечно, те из них, которые не таят своей вражды, или хотя бы только своего негодования против германских злодеяний.

До последних дней можно было в этом сомневаться. Но вот из занятой германцами Либавы пришла весть поистине ужасная: германцы убили директора местного латышского театра Экштейна за то, что он поставил пьесу «Культурные звери». Искали и актеров, игравших эту пьесу, но они успели убежать.

Не знаю, что это за пьеса. Весьма возможно, что это — совсем плохая пьеса, и что ее не следовало ставить. Но и смерть директора Экштейна, надобно полагать, не была казнию за преступление против искусства: тому порукою может служить уже и то поразительное безвкусие, которое отличает современную Германию.

Директор либавского латышского театра казнен, конечно, не за то, что он поставил плохую пьесу, — его убили, если верен этот ужасный слух, за то, что он поставил пьесу, где показано, что германцы — культурные звери.

Надобно надеяться, что это известие не подтвердится, и что германцы не совершили этого гнусного преступления. А впрочем, на чем может быть основана

эта надежда? На потоплении «Лузитании»? На отрезанных у наших солдат ушах и языках?

Нет, уж видно, придется помириться с совершившимся фактом и твердо запомнить вот что: германская культура — самая высокая в свете, германцы — самые доблестные люди; кто осмелится утверждать противное, тот должен бояться мести. Всякий, кто решится говорить о германцах нелестно, должен знать, что, если он попадется в руки этих доблестных людей, то расправа с ним будет коротка. Вот мораль для людей с заячьей душой.

Стремящиеся нагнать на всех ужас германцы, впрочем, кое-что упустили из виду. Система запугивания все же очень ненадежна; на одного испугавшегося найдутся сотни вознегодовавших. Правда сильнее угроз, — и германцы, убивая своих врагов безоружных, пользы из этого не извлекут никакой. Для них было бы лучше, если бы их друзьям, и без того многочисленным, не пришлось испытать смущения, когда им напомнят этот странный аргумент.

— Не говори обо мне дурно, а не то я тебя убью!

Сильно, но не убедительно.

Путь вверх

Хочется думать так: до прошлого года жизнь множеств коснела в объятиях тусклого быта; то, что совершается, переводит жизнь в высокие области творимой легенды. Творимой по воле нашей. Народ бодро взялся за великий труд. Этот труд, этот всенародный подвиг, должен придать новый, высокий закал душе нашего народа. Вернувшись с войны, он с удесятеренными силами начнет строительство жизни.

Оставшиеся на месте должны быть готовы к новым трудам строения жизни. Их долг — верность и бодрость. Они должны помнить цели войны, и никогда, ни при каких обстоятельствах не сеять тусклого уныния. Уныние разъединяет людей, бодрость их связывает в новые союзы для творческого дела.

Война и трезвость — сочетание неожиданное. Эта народная трезвость — благой дар, и во благовремени. Несмотря на войну, народные сбережения растут, а водка уже не поглощает времени. Свободное время тратится, между прочим, на чтение и на искусство.

Тот, кто хочет давать народу доступ к искусствам и чтению, должен знать, что вновь приходящим в эти прекрасные области нужны не суррогаты искусства, а искусство настоящее. Искусства для бедных не существует, как не должна существовать и такая литература для детей, которая не удовлетворяла бы и взрослых. Доступность искусства не достигается понижением его уровня.

Если бы кто-нибудь вздумал ставить на народных общедоступных сценах плохие пьесы только потому, что они патриотичны, то он совершал бы неразумное дело, поражая разом и патриотизм, и искусство. Неискушенная в тонкостях искусства публика может и не различить подделки от настоящего произведения искусства. Но те, от кого зависит выбор, должны знать, что это — дело ответственное.

Продавать миолин вместо меда выгодно, — дешевле, но называть его медом не следует, — нехорошо. В области же искусства и соображения дешевизны отпадают:

здесь плохое часто дороже хорошего. Некрасов мечтал о том времени, когда народ понесет домой с базара Белинского и Пушкина, т. е. произведения настоящего, большого искусства.

И у нас, и за границей многие думают, что должна быть особая пролетарская литература; появляются и образцы ее. Но, кажется, большинству пролетариата все же больше нравится чистое, не-тенденциозное искусство. Людям с неиспорченным вкусом свойственно тянуться к здоровой и питательной пище. Кроме того, им так близко знакомы все тягости и несовершенства своего собственного быта, что в искусстве им совершенно естественно искать свободного полета фантазии. Для того у человека на плечах голова, чтобы думать, соображать, придумывать новое, по-новому комбинировать старое, прикидывать так и этак, мечтать, устремляться к строению жизни по своей воле. Для простого отражения жизни и для восприятия элементарных формул достаточно было бы носить под шапкою простое зеркало.

Итак, вы, обращающиеся к народу, ведите его вверх, ведите, пока еще не поздно, пока еще вы впереди и выше его. Смотрите, как бы в ваших отношениях к народу не произошло того же, что случилось в отношениях театра и публики: зритель явственно перерос актера, и перестал верить театру на слово.

Единственные сыновья

Я читал где-то, что германцы боятся наших запасных второго разряда. Казалось бы, что такое оборыши, а если их призовут, то они составят грозную силу. Да и не оборыши вовсе, а, по большей части, очень сильные и здоровые люди, потому что, милостью нашего военного закона, богатого и доныне льготами, значительную часть, если не большую, этого разряда составляют единственные сыновья.

По большей части, один сын в семье вырастает в сравнительно счастливых условиях; как единственным сыном, родители более им дорожат. Материальных и моральных благ семья изливает на него больше, чем в том случае, если эти блага приходится делить на несколько частей. Если же это не единственный в собственном смысле сын, а только переживший других своих братьев к призывному возрасту, то уже и это обстоятельство весьма часто бывает признаком особенной силы и здоровья: в суровой обстановке бедной жизни слабые умерли, выжил только наиболее приспособленный к перенесению трудов и тягостей.

Может быть, самое правильное решение было бы в том, чтобы, во изменение закона, законодательным порядком перевести всех, имеющих льготу по семейному положению, из второго разряда ополчения в первый. Это — то, что может сделать власть законодательная. А что может сделать общество?

Всем известна прекрасная работа не призванной в войска молодежи по уходу за ранеными, по благотворительным сборам, по оказанию помощи семьям запасных. Например, я читал где-то на днях, что 26 тысяч учащихся организованы в сельскохозяйственные дружины и помогают женам призванных в войска крестьян обрабатывать их поля. Правда, этого количества милых, добровольных работников, достойных всякой похвалы, едва ли хватило бы, если бы собрать их в одном месте,

и на один уезд, но все же цифра большая, потому что и эти малые дружины собрать было непомерно трудно при нашей малой организованности.

Признаки этой неорганизованности видны повсюду. Дела, казалось бы, много, а между тем, куда ни глянешь, видишь толпы скучающей от праздности молодежи.

Легко упрекать юношей и девушек в бессмысленной трате времени и сил на спорт и флирт, но ведь и то сказать, — а что же им делать? Организация — не дело подростков. Достойная забота для общества — везде, где только возможно, собирать юношей призывного возраста, подростков, мальчиков, девочек, организовывать их в стройные дружины и направлять их труд на работы, на помощь слабым, на военные и гимнастические упражнения.

Какое доброе дело сделали бы сейчас педагоги, если бы, оставив на время в покое программы школ всех наименований и проекты их новых, усовершенствованных уставов, обратились бы к живому делу собирания юных сил и их организации. Единственные сыновья, которым, быть может, трудно так вдруг покинуть нежно любимых матерей, понемногу втянулись бы в добрый строй трудовых единений и еще до призыва в войска извели бы истинную ценность личности, расширенной в товарищеских содружествах. Да и для мальчишек и девчонок, какая бы это была славная школа мужества и возвышенных чувств.

И не успокаиваться бы вам, педагоги, пока вся юная Русь не будет организована! А там опять, пожалуй, принимайтесь за любезные вам программы.

Скифская стратегия

С каким трепетным доверием мы все читали еще полгода тому назад военные обзоры, составляемые специалистами сотрудниками газет! Теперь к этим обзорам уже не то отношение, хотя в них ничто не изменилось, и они по-прежнему составляются с большим знанием дела. Фактическая сторона обзоров еще и теперь удовлетворяет читателя, но освещение событий и предсказания уже встречаются скептической улыбкою. Да и немудрено: ведь весь смысл этих сообщений сводился к успокоению и к убаюкиванию читателя.

Выходило так: если мы идем вперед — хорошо, потому что побеждаем; но и когда идем назад — тоже хорошо: выравниваем фронт, приближаемся к своим базам, отступаем на заранее приготовленные позиции, переходим в хорошо известную местность с дружественным населением, заставляем противника удлинять его сообщения и вступать в полосу русского бездорожья. Все казалось хорошо, все равно похвалялось, и стратегия Аннибала и Наполеона, и скифская стратегия заманивания в глубину страны. Только изредка слышались благоразумные слова о том, что Россия втянулась в очень трудную борьбу, что ее ждут великие испытания, и что ее конечная, несомненная победа достанется ей дорогою ценою.

Теперь, во втором году войны, общество уже знает истинные размеры тех тягостей, которыми сопровождается эта великая война, и знает настоящую цену той победы, которой достойна Россия. Знает и то, что стратегическое отступление всегда есть печальнейшая из военных необходимостей. Родная земля хочет, чтобы ее защищали со всем напряжением военной мощи, и для этого только она и содержит

громадные армии. Армии великого государства должны вести только наступательные и завоевательные войны, чтобы тем защитить родное достояние. Армия должна идти вперед, чтобы старикам, женщинам и детям не пришлось бежать куда-то от родных мест.

Оборонительные войны — удел государств, клонящихся к разделу, теряющих волю к господству и к государственному бытию. Оборона государства только и может состоять в способности его армий вести наступательную войну. Все усилия общества должны быть направлены к тому, чтобы дать армии возможность наступать и завоевывать.

Смысл и пафос войны в том и состоят, чтобы удаляться от своих баз, расширять свой фронт, удлинять свои сообщения, входить в те местности, где для войск нет заранее приготовленных позиций. Это стремление к расширению и умножению и лежит в основе военной гордости.

Лучше, конечно, не воевать, но уж если война зажглась, то цель ее — завоевание чужой земли, а вовсе не отстаивание своей. И даже лучше, выгоднее и славнее терпеть поражения под Берлином или под Веною, чем одерживать блистательные победы под Киевом или под Москвою. Наши союзники весьма похваляют наше, столь искусно выполненное, отступление. Но для воюющего выгоднее изнемогнуть в нанесении ударов, чем изумлять мир стойкостью в перенесении этих ударов.

Если бы иначе было, то полководцы всех стран и народов вовсе не обнаруживали бы того непреклонного стремления идти вперед, о котором постоянно говорит история победителей. Армии, как деньги, на то и существуют, чтобы их тратить, — так лучше их тратить, идя вперед.

Россия имела в своей истории случаи жестокого поражения вражеских армий, глубоко продвинувшихся в страну, — Карл XII под Полтавою и Наполеон I в Москве видели крушение своих замыслов. В том и другом случае Бог спас Россию, а не мудрость ее стратегов.

Интересно отметить, что оба эти случая спасения России от вражеских нашествий были связаны с вопросом об измене или верности, а вовсе не со стратегическим расчетом.

Карл XII мечтал, что недавно присоединенная Украина изменит России. Украинцы тогда обрели в себе достаточно государственного смысла, чтобы сохранить верность, и Карл XII был разбит. Но война и после этой битвы продолжалась еще многие годы: гибель полков на чужих полях еще не была для Швеции ударом роковым и непоправимым. Родная земля каждый год поднимала новых и новых борцов, — поражение на чужбине было только военным неуспехом, не поразившим истоков жизни и мощи родной страны. Само по себе крушение авантюры Карла XII ничего не отнимало от Швеции, кроме многих жизней, которые, однако, погибают и в победоносных войнах; успех же этого дерзкого предприятия дал бы Швеции неисчислимые преимущества.

Гибель великой армии Наполеона I, состоявшей не столько из французов, сколько из немцев, итальянцев и прочих, также не была для него роковою; война продолжалась еще долго, и была решена более изменою, чем стратегиою. Немцы и австрийцы изменили своему союзнику, вместе с которым отправились завоевывать Россию,

рассчитывая на ее необозримых полях найти достаточное вознаграждение за недавно испытанные унижения; они не только отложились от Наполеона, но и подняли на него оружие. Не будь этой измены, война продолжалась бы так, словно и не было Наполеоновской авантюры. Опять крушение этой авантюры не было крушением Наполеоновой Франции, потому что это была только смерть многих, не поражавшая самого сердца воюющей страны; удача же этого предприятия доставила бы и Франции и ее союзникам, Пруссии, Австрии и другим, достаточные выгоды и приращения.

В том и другом случае отступление в глубь страны было вынужденною прискорбною необходимостью, — продвижение шведов при Карле XII и континентальных войск при Наполеоне I было столь же опасным для России, как продвижение в глубь страны татарских полчищ в XIII веке. Что удалось татарам, то семьсот лет спустя может удасться и другому завоевателю, если неприятель не будет остановлен во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами.

Еще один раз допустить продвижение врагов в глубь страны Россия не хочет, не должна хотеть. Россия должна напрячь все силы, чтобы враг был остановлен возможно скорее. Скифская стратегия, боевая игра в поддавки пусть навеки останется только игрою фантазии людей, которые думают, что великую страну можно убаюкать стратегическим лепетом. Россия знает, что враг непомерно силен, но если она хочет победить, то она и победит. Но для этого надобно не засаживаться на зимние квартиры, а наступать осенью, зимою, весною и летом. Не делать ничего иного, как только наступать.

Гадания

Опять сошлись миллионы людей для решительной битвы. Что-то будет?

Победит не тот, у кого крепче нервы, как думают германцы, а тот, у кого сильнее воля к победе. Судьба на своем роковом аукционе спрашивает не о том, кто даст больше крови и металлов, а только о том, кто хочет. Кто сильнее хочет? Кто хочет больше? И опускает свой тяжелый молоток, когда воля одной стороны превозможет над волею другой.

Мы верим, что хотим победы, и что добьемся ее. Бодрые и сильные люди, приезжающие из армии, привозят и бодрое настроение. Правда, есть люди безнадежно унылые, и рассказы их говорят о другом.

Казалось бы, странно, — об одном месте да разные вести, — но это так. И понятно, почему. Русский мужик, воюющий ныне, сохранил еще в значительной степени привычку быть недоверчивым и осторожным в разговорах с барами. Говорит то, что может понравиться барину, а думает свое, — Бог его знает, что он думает.

— Ну, что, побьем немца?

— Как есть, побьем.

— Ну, что, не справится нам с немцем?

— Он, немец-то, хитер, с ним не так-то просто.

Бодрый спрашивает выздоравливающего:

— Рвешься в бой?

— Да уж только бы добраться до немчуры, мы ему покажем.

Того же солдата спросит другой иным тоном:

— Не хочется опять в бой?

— Да уж мы свое повоевали. Известно, кто раз в бою побывал, тому боязно.

И каждый спрашивающий выносит из расспросов свое же. И все загадочен лик народный. Кому же верить?

Верить лучше тому, чьи слова — слова надежды. Вот читал я на днях, что после войны сильно поднимется народная самодеятельность. В обстановке современной войны от солдата требуется много находчивости, большое умение найтись во всех обстоятельствах, действовать зачастую на свой страх и риск, не ожидая команды. Это воспитывает волю, и потому вернувшиеся с войны оживят нашу жизнь, начнут бодрее и деятельнее строить ее; могучее развитие получают кооперативы.

Вот предсказание, полное надежды, и я ему радостно верю. Эта война из обывателя, мужика или мещанина, выковывает гражданина, человека с высоким сознанием своих прав и обязанностей; объекты права превращаются в субъекты права; героическая способность самоотверженно сражаться спаивается огнем и кровью с ясным сознанием целей, которые народ себе поставит.

В нашей следующей войне с Германией наша армия будет состоять из людей, которых уже мирная жизнь воспитает в привычках стойкой и деятельной гражданственности.

Следующая война? Дай Бог, чтобы ее не было. Но я боюсь, что германцы долго еще не дадут нам прочного мира. Недаром они так внимательно следят за нашей жизнью. И, может быть, еще долго будут ударяться о наши границы волны тевтонских нашествий, — до той поры, пока прочная гражданственность не скует из России чертога несокрушимого.

Бодрая сладость

В какой-то газете прочитал я, что в Ярославле было отложено заседание городской думы из-за концерта Собинова. Автор заметки отнесся к этому очень сурово. «В настоящее время, когда...» — так приблизительно писал он, воскрешая в памяти знаменитую формулу, так язвительно осмеянную Н.А. Добролюбовым.

А я думаю, что и во всякое время, и в настоящее всякая городская дума поступила бы хорошо, почтив явление искусства. Если бы русское искусство было везде в пределах России в таком почете, то это было бы еще одним, и далеко не лишним, источником национальной гордости, из которой рождается бодрая уверенность в своих силах и в своем достоинстве, та уверенность, которая ведет к победам.

Если ярославская городская дума, действительно, поступила так, то честь и слава ей. Это — один из признаков того, что Ярославль не менее какого-нибудь другого географического места достоин быть столицей новой России, бодрой, сильной, любящей и ценящей свои сокровища, смиренно-благодарной за них Мировдержавной Силе, и гордой перед всем миром. Ведь эта гордость, это твердое сознание того, что родина велика и обильна, богата Божиими храмами, сокровищами наук и искусств, и крепка гражданским порядком, — вот это дает и врагам нашим, германцам, силу и бодрость держаться против нас и наших доблестных союзников.

А нашу интеллигенцию в ее значительной части медом не корми, только дай ей власть поговорить о том, что у нас нет ничего подобного Венеции, Риму и другим чужезадальным прославленностям. Пустыня, обвеваемая буйными ветрами. В.В. Розанов восхищался Европою, что там нет таких ветров и дождей, какие так изводны и докучны в нашей какой-нибудь Костроме. Н.А. Некрасов писал: «Ни замков, ни морей, ни гор». Правда, он прибавлял: «Спасибо, сторона родная, за твой чарующий простор!» Из нас редко кто говорит спасибо стороне родной. Думаем, не за что.

А вот Ярославль сказал спасибо Л.В. Собинову. И особенно приятно это торжество искусства над текущими делами, что уж если кого называть русским певцом, то это, конечно, Собинова. Чисто русский, без всякого налета иностранщины, певец, который мог бы блистать на буйных и великолепных пирах князя Владимира в те дальние времена, когда еще Киев был городом чисто русским. И пение такое сладостное, такое широкое, так прямо идущее к русскому сердцу, что и Степан Тимофеевич Разин заслушался бы его, опустив буйную голову на могучие руки.

Для русского уха, для русского сердца звук песни Собинова такой же сладостный, такой же подлинный и чарующий, как для неаполитанца сладчайшая песня о моем солнышке (*Sole mio*). Жаль только, что иногда этот несравненный певец поет по-итальянски, по-французски, арии из чужих опер. Не надобно ничего этого, как не надобно было несравненной Аделине Патти петь Алябьевского «Соловья»; это было ведь только курьезом, приводящим в восторг скорее своею забавностью, чем искусством.

А какое нам дело до искусства? Скажут читатели газет. Теперь все должно быть для войны.

Понимающий так не скажет. Он знает, что уж что другое, а пение, конечно, для войны. Полнозвучность голоса всегда соединяется с полнотою сил, с мужественным напряжением воли. Пение всегда обращено к эмоциональной стороне человека, всегда погружает его в восторг самозабвения и рождает в душе его возвышенные, торжественные и отважные настроения. Солдату да не петь — как же это можно! И где же есть воинственные армии без песен? И если песня поднимает дух солдата, то не меньшею бодростью и силою наполняет она дух гражданина. Душа, прикоснувшаяся к высоким областям чистой поэзии, обвеянная очарованием дивной песни, еще смелее и решительнее порывается к подвигам деятельной жизни. Ведь не только армии нашей, и даже не столько ей (она доблестно делает свое дело), сколько нам, оставшимся в тылу, нужны все силы, все мужество, все буйное упоение восторга и гордости, для того, чтобы работать, спешить, созидать в труде и борьбе, каждую минуту рабочего дня отдавать на созидание нашего великого и светлого будущего.

Всё для войны, всё на потребу ей, и песня — не помеха, а радостное подспорье.

Японский Гамбург

С того дня, когда Япония объявила войну Германии, все нет-нет да и поднимется разговор о том, что японцы могли бы послать свою армию в Европу. Эти разговоры,

кажется, так и остаются в области бесед и благих пожеланий. Между тем, более деятельное участие Японии в европейской войне весьма приблизило бы эту войну к благополучному окончанию.

Может быть, этот вопрос так туго движется потому, что в Европе у Японии, по видимому, нет интересов и, вследствие этого, европейские территории и европейские отношения не сулят никакой возможности компенсировать японцев за посылку их армии в Европу.

А между тем Япония не менее всякого другого государства, имеющего плотное население и достигшего довольно высокой степени духовной и материальной культуры, нуждается в колониях. Колонии эти могли бы быть нужны Японии или для вывоза своих товаров, или для ввоза чужого сырья.

Очевидно, что это — три, совершенно различные, вида земельных владений.

Для переселения избытка населения нужны обширные территории с редким, малокультурным и необъединенным в сильные государства населением; таковы были земли в Америке и в Австралии, таковы теперь земли в значительной части Африки, кое-где в Азии и на океанских островах. В Европе таких территорий теперь уже не должно быть.

Колонии, приобретаемые для торговых целей, не нуждаются в обширности своих пределов: достаточно несколько квадратных верст вдоль берега с хорошою гаванью. Притом необходимо, в прямую противоположность с колониями первого рода, или то, чтобы территории, прилежащие к этой гавани, представляли хороший рынок для сбыта товаров, привозимых из метрополии, и сами могли бы снабжать в обратный путь корабли продуктами почвы или фабрикатами, — или то, чтобы смежные территории могли доставить много ценного сырья.

Роскошь продавать ценное сырье для вывоза за границу может позволить себе только Россия, но ее берега не представляют никакой возможности для устройства на них чужеземных факторий: сами нуждаемся в хороших гаванях. А вот для колонии второго рода, приобретаемой с целью вывоза своих фабрикатов, Япония могла бы найти очень удобное место в центре Европы, в Гамбурге или хотя бы только в Альтоне.

И почему бы не так? Имела же Германия свою колонию под боком у Японии, в Китае? Расстояние одинаково, что туда, что оттуда. Культура Японии достаточно высока, рыцарски благородный характер японцев мы знаем, высокие качества японского искусства и японских изделий мы уже давно ценим. Владеть Гамбургом Япония могла бы с большим достоинством. То влияние на дела Европы, которое дало бы Японии владение Гамбургом, было бы для Европы полезно, потому что вводило бы в круг ее держав новое, мало заинтересованное и потому беспристрастное могущество. А такое беспристрастное могущество было бы одним из очень существенных устоев европейского мира.

Для обезврежения прусского милитаризма Гамбург в руках Японии был бы превосходным средством. Овладеть этим городом в эту войну при помощи англо-японского десанта было бы не так уж трудно, — но только в эту войну. Столь благоприятное для Японии и для нас положение может и не повториться.

Прямое действие японцев на Гамбург, может быть, и неудобно; но для японских армий мог бы найтись и другой фронт, хотя бы фронт на путях от Риги к

Петрограду. Гораздо выгоднее при помощи доблестных союзников отбиться от врага и выйти на берлинскую дорогу, чем без этой помощи наклеивать гербовые марки на предложения общественных услуг по эвакуации Петрограда. А Гамбург был бы достаточно славною и ценною целью для напряжения всей военной мощи Японии.

Цена одному

«Уж сколько раз твердили миру, что» роль личности в истории весьма ограничена. Казалось бы, уже очень твердо вошла в общее сознание мысль о том, что для понимания исторического процесса гораздо полезнее изучать явления, происходящие в народных массах, чем действия и намерения выдающихся людей, — как бы ни были скромны и незначительны эти подробности народной жизни, и как бы ни были величавы и шумны деяния героев. А мы все-таки и теперь с величайшим вниманием читаем рассказы о том, что делал Бисмарк, как ведет себя Вильгельм II, и с большою силою убеждения возлагаем на германского императора ответственность за возникновение настоящей войны.

Откуда же возникает такое противоречие между теоретическою правдою, бездельно восседающею на величественном престоле науки, и практическим заблуждением, шумно господствующим на всех путях жизни? Отчего, зная в теории, что земля вращается вокруг солнца, и что герой увлекается жизнетворящею толпою, все-таки упрямо говорим, что солнце восходит и заходит, и что герои ведут за собою множества людей?

Заблуждение относительно солнца еще более понятно, — мы руководствуемся обманчивым свидетельством наших внешних чувств, или, может быть, еще не сумели приспособить наши восприятия к нашим теориям. А вот что касается социальных явлений, то, по-видимому, для каждого должно было бы стать ясным громадное значение людских множеств. Жизнь дает нам постоянные доказательства того, как о сопротивление живых масс разбиваются самые остроумные и глубокомысленные замыслы властных людей, и как настроения и мысли множеств легко претворяются в большие дела, увлекающие в свои могучие потоки многие личные интересы и самолюбия.

Казалось бы, все уже разобрано и взвешено, — германская культура, экономическое положение Германии, основные свойства национального характера германцев, — а все же усы Вильгельма продолжают щекотать наше воображение, и властолюбие германского императора все еще возмущает наши лучшие чувства.

По самому складу человеческого ума мы никак не можем представить себе действия без достаточной причины. Вопрос «почему?» — один из первейших вопросов человека. Как ни склонна младенческая мысль считать явление достаточно причиненным предшествующим явлением, но все же разум и размышления многих поколений выработали в уме нашем довольно высокую требовательность в оценке достаточности причин. Верить в то, что миллионы людей идут сражаться и готовы жертвовать своею жизнью только потому, что такова была воля Вильгельма, уже мало кто сумеет. Все мы знаем, что воля одного человека сама по себе еще не до-

статочна для того, чтобы произошел ряд событий всемирного значения, — и все же Вильгельм...

Да что говорить о Вильгельме! Если взять людей, действующих в гораздо более ограниченном кругу, то разве они, в глубине своей совести, не чувствуют себя иногда ответственными за дела, очевидно превышающие их силы? Как бы ни уверен был человек в том, что каждый волевой акт даже и очень властного человека уже и сам опричинен достаточно, а потому и неизбежен, это все-таки не снимает с любого волевого акта моральной оценки. Знаю, что не мог поступить иначе, потому что вся сумма соединившихся в данный момент условий заставила поступить так, а не иначе, и все же или доволен поступком, или порицаю его.

Когда две материальные массы уравнивают одна другую, то достаточно ничтожного прибавочного груза, чтобы перевесила одна из них. Таким добавочным грузом массы — общества, народа, государства — бывает иногда личная воля одного или нескольких человек. Правда, и эта воля обусловлена достаточными причинами, но, сравнительно с громадностью действия, вся сумма этих частных причин так ничтожна, что, при учете, может быть откинута, как откидывают в последнем итоге бесконечно малые величины. Тогда и получается то, что громадное действие, развивавшееся под влиянием сложных и больших причин, получило решительное направление от действия причин сравнительно бесконечно малых, т. е. направлено чистым действием чьей-то свободной воли. Не будучи свободною по существу, эта причиняющая воля, по справедливости, именуется в данном случае свободною и по сравнительной ничтожности ее побуждений, и по величии достигнутого действия. Нас интересует уже не то, чем опричинена воля (хотя бы Вильгельма II), а то, что опричинено этою волею (мировая война).

Возложить ответственность на лицо в данном случае достаточно справедливо и совершенно полезно для общества, если бы такое возложение ответственности было возможно. Устранение из исторического процесса личной воли Вильгельма II и стоящей за ним касты прусских крупных землевладельцев очень мало что изменило бы в истории, но вернуло бы народные множества к состоянию мирного равновесия.

И если наша мысль так упорно обращалась к Вильгельму II и к прусскому милитаризму, то это было и достаточно справедливо (не безусловно справедливо), и безусловно полезно для практического результата — восстановления мира. Мир между народами легче восстановить, если гневные чувства не обращены на весь народ, а на отдельных лиц.

Что касается нас, русских, то мы определенно знаем, что германскому народу в целом мы не враги. Мы не хотим вреда для Германии, — нам ненавистны воинственные планы, коварно и тайно проводимые немногими властными и влиятельными германцами. Если же, к сожалению, сами германцы нас ненавидят и презирают, и разжигают в себе пламя вражды к нам, то это очень прискорбно, но мы в этом не виноваты. Мы только должны это знать, и после окончания войны быть, при всем своем миролюбии, готовы в каждый час отразить новое нападение.

И другой урок должны мы вынести из опыта этой войны. Мы должны отрешиться от нашего слишком абсолютного историзма, который заставляет нас недооценивать значение личной воли. Воля каждого из нас и сама по себе при известных об-

стоятельствах способна произвести громадное действие. Воля же организованных множеств, слагающаяся из множества частных волей, должна быть всегда в состоянии бодрого напряжения.

А это возможно только тогда, когда каждый из нас имеет сильную и здоровую волю.

Под судом

В мирное время казалось нам, что личность играет в жизни ограниченную роль, и что вся сила в коллективе. Индивидуализм надобно было преодолеть. Ну что ж, преодолеть так преодолеть, в России это не трудно: вся история России совершалась под знаком преодоления индивидуализма. Недаром на диковинный строй русской общины глядел с недоумением чрезмерно индивидуалистический Запад. Ни татарская орда, ни московские приказы, ни питерское чиновничество развитию личности не способствовали.

Каждому свое: мы пристраивали личность под сень мира, под незыблемый строй порядка, — Запад поощрял личное дело, творчество, изобретательность. Мы травили и преследовали выдающихся людей, — Запад привык относиться к ним с необычайною для нас внимательностью и бережливостью. На Западе даже и незначительный талант распускается пышным цветом, окруженный признанием и почетом, — у нас и крупные таланты едва дышат, усердно поливаемые обывательскими помоями.

Война нудит нас переменить многое в порядках, в строе, в мыслях наших. Толпа поднялась с чрезвычайным единодушием на защиту государства; казалось, что никогда еще народ не вкладывал такого огромного капитала доверия в дело государственное. Миром двинулись, бодро и честно. Оказалось, что против наших воодушевленных любовью к отечеству множеств встали множества, вооруженные всеми ухищрениями индивидуально работавшей мысли. Техника, подготовленная работою многих талантливых и знающих людей, оказалась выше там, где развитие общества совершалось правильно, т. е. где коллективы спаялись крепкими связями вокруг сознательно объединившихся сильных индивидуальностей, где кристаллизация общества шла в порядке постепенного усложнения от простейших ячеек, от личности, семьи, товарищества, а не от аморфной россыпи наших рыхлых соединений. И у наших врагов, и у наших союзников под грозою войны ярко засияли слова и дела, воодушевляющие и ведущие к победе. Жюль Гед и Вандервельде работают в составе правительств, Габриель д'Аннунцио воодушевляет восторженные толпы, не приученные к преследованию поэтов.

Накатившуюся на нас лавину тевтонского нашествия мы обязаны одолеть. Это — наш долг перед предками и перед потомками нашими, и это — наш долг перед человечеством. Начав борьбу с Германиею, восстав против ее стремления к всемирной гегемонии, начав эту борьбу во имя свободы народов, мы не имеем права не победить, как некогда греки не могли не отразить Ксерксовых полчищ. Провозглашенные нами идеи слишком нас обязывают.

А для победы, оказывается, недостаточны прекрасные качества войска и высокое искусство командования; необходимо организовать все живые силы страны для

обороны государства.

И вот читал я на днях в одной газете, что нам нужны организаторы, Карно, Гамбетта, и нужны поскорее, вовремя, а то вот Карно успел, а Гамбетта слишком запоздал. Не мешало бы иметь также Ллойд Джорджа, — очень полезный человек, и там, в Англии, он — настоящий человек на настоящем месте, как раз для того, чтобы давать надлежащее направление работе благоустроенных коллективов. Вот бы нам такого! Нужны организаторы, нужно министерство, пользующееся доверием страны, а во главе его исключительно — одаренный и популярный общественный деятель.

Итак, преодолев с Божьею помощью индивидуализм, мы принялись искать ярко выраженную индивидуальность. Найти не трудно, русская земля не оскудела талантами, но вот что трудно: поставить настоящего человека на настоящее место. Людей у нас много, но разбросаны они причудливо, и на поверхности общественной жизни кипят в горячке напряженного труда все те же немногие люди. Потому с такою особенною скорбью встречаешь горестные вести о кончине то одного, то другого из этих немногих. Давно ли умер Богучарский, теперь мы потеряли Лутугина. Скорбно вспоминаем ушедших от нас, и не ценим еще живущих.

Разве не страшно, напр<имер>, что член Государственной Думы епископ Никон живет теперь в каком-то Красноярске, а не работает в Таврическом дворце? Его пламенная любовь к родине, его широкие государственные взгляды, — все это не во что вменяется, и самое избрание его народным представителем не преодолевает синодского бюрократизма. И на этом примере мы еще раз видим, как серая, безличная канцелярщина преодолевает ярко выраженную индивидуальность.

Не странно ли, что голос такого просвещенного и высокоталантливого общественного деятеля, как Плеханов, доходит до нас только изредка и издалека? Разве не доказал он не однажды в этом году и свою любовь к России, и свое глубокое понимание государственных ее задач? Но его нет там, где так нужны люди, нет его тогда, когда они так нужны.

С немалым изумлением прочел я недавно о том, что высокоталантливый стратег Куропаткин живет в своем имении, в Торопецком уезде. Что ему там делать? Заниматься сельским хозяйством? Он проиграл кампанию против японцев, — а кто же ухитрился бы победить в той непопулярной у нас войне, имея базу за тысячи верст за собою, имея для сообщения с этою базою только один железнодорожный путь? Не по случайностям побед и поражений, — внимательный историк имеет много иных оснований, чтобы судить о талантах полководцев. Прекрасные воинские качества генерала Куропаткина общеизвестны, и едва ли найдется серьезный военный человек, который решился бы утверждать, что участие генерала Куропаткина в сложной и трудной стратегической работе не принесло бы большой пользы.

Русско-японская война по всем ее отличительным признакам была как бы репетицией настоящей войны, первую войною в новой истории, по грандиозности своих размеров приближающейся к той, которую мы ведем. Разве не полезно было бы в этот грозовой час нашей истории использовать роковой опыт этого превосходного стратега, просвещенного, внимательного, осторожного?

И вот, как подумаешь, поразберешься в людях, много еще и других припомнишь ярко талантливых людей, прозябающих не у дел, пребывающих под спудом.

Матушка Россия, уж слишком ты швыряешься талантливыми людьми, — смотри, не прошвыряйся!

До Урала

В течение этой войны Германия успела уже потерять почти все свои колонии, но это, кажется, не смущает германцев. Они уверены в том, что победят. Да и отчего им не иметь этой уверенности? На их пути к победе стоят только плохо подготовившиеся к войне враги, и нет на этом пути ни Мясоедовых с их покровителями, ни драконов, стерегущих золотое руно, ни всемогущих бумаг, запечатленных гербовыми марками.

Если и несовершенная победа, то все же игра кончится, в худшем для них случае, — так должен думать германец, — вничью, и колонии вернутся. Граф Рорбах пишет, что Германия, в сущности, только начала собирать колонии.

На очереди стоят бельгийское Конго, португальская Ангола и еще обширные земли в средней Африке. Все это — земли не очень ценные, и очередная задача Германии, по мнению графа Рорбаха, в том, чтобы приискать колонии ценные.

Он дипломатически умалчивает, где именно лежит этот германский колониальный рай; русская газета, перепечатавшая его мнение, вскрывает смысл загадки: таким германским раем являются теперешние турецкие владения. Для того и нужна железнодорожная линия Берлин—Багдад.

Мне кажется, что загадка двусмысленна, и допускает еще и другое решение.

Что Малая Азия! Далеко Малая Азия. Ведь не в Малой Азии госпожа Гинденбург получила в наследство громадные земельные поместья, и не турецкий эффенди рассказывает в газетах о том, при каких обстоятельствах он приобрел часть этих земель.

Уже второе столетие продолжалась постепенная колонизация восточной европейской равнины германскими землепашцами. Институт частной земельной собственности иностранцев захватывал все большую и большую часть русской государственной территории. В том, построенном трудами многих поколений, великольном и обширном чертоге, который российский гражданин, на каком бы языке он ни говорил в своей семье, считает по праву своим родным домом, многие покои, и весьма преизрядные, оказались собственностью чужих людей, тех самых, которые, нося личину дружбы и коварно поддерживая в нашем доме дурные порядки отжившего строя, готовились полвека к нападению на наш государственный чертог. Было даже такое время, когда германцы привлекались на наши земли даровыми наделами и льготами. Кому-то казалось, что земля наша слишком велика и обильна.

А между тем, с этой великой и обильной земли русскому мужику постоянно приходилось куда-то бежать, за тридевять земель, переселяться. Угнетаемый последствиями искусственно поддерживаемого невежества, русский мужик никак не мог наладить уплотнения своего землепользования, и уже при довольно крупном сравнительно наделе начинал страдать от малоземелия. В последние десятилетия он усиленно принялся заселять дикие пространства Сибири.

Получилась картина, не лишенная назидательности: в то время как генерал-лейтенант прусской службы Гинденбург, господин высокой культуры, посещал имения

своей супруги и принимал подносимую ему местными мужиками хлеб-соль, наши сиволапые шагали за Урал, хороня в попутных городах и селах во множестве погибавших младенцев, и потом, в суровом своем новоселье, обливали кровавым потом негостеприимную почву далеких пустынь. Когда же вспыхнула война, российский гражданин, проливая свою многоценную кровь, защищал, среди других сокровищ родного края, также и частную собственность госпожи Гинденбург от того вреда, который могли бы ей причинить армии Бем-Ермоли или Данкля.

Если бы у германцев было больше свободных денег, или если бы они рискнули обратить свое накопленное для войны золото на мирное завоевание России, то ничто не помешало бы им купить и гораздо большие участки российской территории: земля, которая продается, достанется тому, кто больше даст. Такое внедрение иностранцев, даже враждебных нам и явно замышлявших войну с нами, основывалось, конечно, на несомненных юридических нормах.

Уж если когда-то было произведено расщепление единого по существу понятия: родная земля, на два различные понятия: государственная территория и частная земельная собственность, то это расщепление должно было, наконец, в процессе исторического развития, вскрыть свою роковую противоречивость. И это вскрытие пришлось испытать нам. Как страна, экономически более слабая, Россия испытывает невыгоды этого расщепления; экономически более сильная, Германия извлекла из него достаточные выгоды, и намерена, конечно, извлечь бóльшие.

Германия думает, что ей нужны колонии, и ей представляется случай не ходить за ними далеко. Азия и Африка имеют еще много девственных земель, но зачем они, если не колонизована до конца восточная Европа? Земля восточной Европы ценнее африканских земель, культурнее их, ближе, и дает возможность иметь колонии в одной меже с метрополией.

Мы должны знать, что предстоит нам и потомкам нашим, если мы допустим торжество Германии. По реке Лабе жили славяне, — что от них осталось на германской Эльбе? Бранный Бор был славянскою землею, но об этом напоминает только отголосок его имени в названии Бранденбурга. Город Москау уже настроил немало домов в отвратительном стиле модерн, которые не оскорбят мюнхенского или берлинского вкуса, и ярмарка в Нейгарде-ам-Волга будет очень милым дополнением к Лейпцигской ярмарке. Раньше Урала не остановится победоносная Германия.

Что надобно нам для того, чтобы Россия победила в этой первой русско-германской войне? Достаточно ли для этого наготовить много снарядов, пушек, пулеметов, противогазов и других вещей, или необходимо, сверх того, сказать магические слова, бросить в толпу могущественные лозунги, освободить скованные силы всего народа и все их бросить на защиту родины? Год войны, подсказавши этот вопрос, дает на него и недвусмысленный ответ. Счастлив тот, кто в наши дни, вопреки всему, верит в Россию: верный до конца будет утешен.

Германия — опять верит в свою победу! Но да не будет так! Германия, возомнив себя богоизбранною страню сверхчеловека, стала на роковой для нее путь, и на этом пути ей грозит участь иного, действительно богоизбранного племени, которое за святое величие возведенных через него законов платится веками рассеяния и гонений. Был свой час истины и величия у Германии, когда ее философия и ее искус-

ство навсегда вошли в сокровищницу всечеловеческой культуры. Слишком быстро истощила Германия свое историческое призвание, и в недобрый для себя срок она вызвала на борьбу с собою еще не явленные миру духовные силы славянства.

Как бы ни кончилась эта война, мир в Европе уже невозможен без конечного торжества славянства или германизма. Или Германия расширится до Урала, или она испытает на себе роковое упрямство России, — и Германия — после монголов, после Польши, после Швеции, после Наполеона. Никогда не начиная ни с кем ссоры, уже не раз испепеляла Россия восставшие на нее силы.

Оглянемся на нашу историю: татары завоевали всю нашу землю; медленно и упрямо отбивались мы от них, освободились от их ига, но и потом терпели их нападения, и, наконец, принуждены были поглотить татарские царства. Долго и упорно враждовала с нами Польша, и уже, наконец, Владислав стал царем и великим князем московским, но качнулись роковые веса судеб, и русский император венчался польскою короною. Карл XII и Наполеон I наслаждались в свой срок миражами побед над нами, но горько было их пробуждение.

После всех этих испытаний опять враг ломится в нашу страну, самое имя которой должно было бы наводить ужас на завоевателей, опять увлечен роковою мечтою о безмерности ее пространств. Что же, или Германия, и в самом деле, расколдовала зарок, положенный на нас судьбою? И ее высокой науке не страшны суеверные заклинания нашей седой колдуньи-истории? Но ведь наука открыта всем. Лить пушки и готовить снаряды сумеет не один германец. И вокруг Германии немало стран, которые в свой срок сумеют разделить ее земли, как делились и раньше земли великих государств.

В.А. Мгебров

Среди имен погибших в этой войне не пройдет незамеченным имя убитого в бою 22 августа штабс-капитана В.А. Мгеброва. Так многое сплелось в узле этой смерти, в гибели этой молодой жизни: талантливость изобретателя, чуткая, открытая высоким очарованиям искусства душа, блистательная воинская доблесть, — и против этого всего холодная жестокость врага: В.А. Мгебров ранен разрывною пулею в бедро (рана, по-видимому, не была бы смертельна, если бы не разрывная пуля), и умер на операционном столе.

Роковое и торжественное совпадение: отец его, генерал-лейтенант Мгебров, случайно был в том городе, куда привезли с поля битвы его раненого сына. Под диктовку сына генерал Мгебров записал предсмертный рапорт начальнику штаба армии, рапорт, напечатанный в одной газете с пропусками, очевидно, названий местностей и войсковых частей. Умирая, он жил героическими переживаниями битвы; служебный долг заставил его диктовать этот рапорт с точными сведениями о деле, и оканчивается рапорт словами: «о дальнейшем течении боя мне ничего не известно».

Остроумный изобретатель, В.А. Мгебров в течение последнего года сделал несколько чрезвычайно важных для войны технических изобретений. Его ближайшее начальство дорожило его техническими знаниями и изобретательностью, ему трудно было добиться разрешения отправиться на передовые позиции. Отважный

и настойчивый, он преодолел все препятствия, получил в свое командование 2 роту одного из доблестных полков, и храбро повел ее в атаку. Он упал, раненный пулею на расстоянии 15 шагов, — как будто бы для того только и попал в ряды передовых бойцов, чтобы в высоком жертвенном порыве принести тебе, Россия, дар безмерный, пламенно-горящую, прекрасную, талантливую жизнь.

Жестокий враг, жаждущий смерти храбрых, дал ему смерть изысканно-мучительную, изорвавши его тело, раздробивши его кости. Но дух отважного воина не трепещет перед злобою жестоких. Хотя бы и горшие страдания готовили враги доблести наших воинов, герои, подобные штабс-капитану В.А. Мгеброву, будут вновь и вновь возникать в рядах нашей армии. Покойному же В.А. Мгеброву воздадим дань скорби и восторга, и да будет ему легка принявшая его земля родная, и да будет имени его слава и вечная память.

Обывательское

Мой знакомый, живущий в Гатчине, жалуется, что нестерпимо тяжело стало ездить с некоторых пор в город.

— Что же, — спрашиваю, — поезда запаздывают? Или тесно уж очень, накурено?

— Нет, — говорит, — ни то, ни другое, ни третье. Просто житья не стало от обывательщины. Вы не поверите, что за страшное зло, например, вагонные беседы дам-обывательниц. И так как я вынужден слушать эти разговоры каждодневно, то просто хочется иной раз заткнуть уши, или прыгнуть с тормоза вверх тормашками!

— Что же, — говорю, — это они все по поводу роспуска Государственной Думы волнуются?

— Э, куда загнули, батенька! Что им Гекуба, и что они Гекубе? Есть темочки, куда ближе их сердцу, или, лучше сказать, роднее обывательскому желудку. Недавно — разменный голод, потом — вымышленная ими же эвакуация Петрограда, теперь — сахар.

— Как сахар? — удивился я. — Что, собственно, интересного в сахаре? Ну, я понимаю, когда эдакой вальяжной Марье Ивановне не додаст пятиалтынного сдачи с целкового Ванька за проезд с Гавани на Балтийский вокзал. Или вдруг станет ребром вопрос, куда скрыть от варваров-немцев, в случае их нашествия, двадцать полупудовых банок свежего варенья, или репсовый будуарный гарнитурчик, — это я понимаю. Как, в самом деле, прикажете существовать супруге надворного советника без репсового гарнитура и без черносмродинного варенья, изготовленного из свежих ягод самолично на терраске в излюбленном Парголове? Чем наполнить «дни нашей жизни»? Но сахар, сахар?

— Сейчас видно, что вы дальше своего письменного стола и книжной полки ничего не видите, — ответил мне приятель мрачно. — Сахар теперь так же необходим каждой приличной семье, как воздух, как свет и вода. Во-первых, с чем прикажете чай кушать? Во-вторых, сахар, — об этом я даже в газете читал, — повышает мускульную энергию. В-третьих, надо всегда запастись тем, чего не хватает в лавках. В-четвертых, о чем же и беседовать Марье Ивановне, едущей за

пенсией в казначейство, с Анной Петровной, отправляющейся в Государственный Банк стричь купоны? Ведь не все же о войне? Но, знаете, я, кажется, из-за этих «сахарных» бесед принужден буду распрощаться с милой, уютной Гатчиной. Сил не хватает. И почему не запрещают в вагонах разговаривать вслух? За что я должен все это терпеть?

— Если бы, — сказал я, — наше общество, с одной стороны, имело серьезные общественно-политические навыки, а с другой стороны, реагировало бы настоящим образом хотя бы на художественную, литературную или научную жизнь современности, поверьте мне, не было бы ни разменных, ни эвакуационных, ни всех этих позорных и прискорбных сахарных и мучных паник. В этом, как это ни парадоксально, виноваты отчасти и вы сами, господа критиканы. В это самое время, когда наши «верхи» систематически оберегали наше общество от самодеятельности и общественности, загоняя его в тупик обывательской пошлости, в то самое время вы твердили каждодневно этому обывателю: не читай стихов, не покупай новых книг, не смотри пьес известных авторов, — это все вредно, скучно, «нежизненно». Сходи лучше в кинематограф, посмотри еще раз Глупышкина, или созови к себе друзей-обывателей на винтик с закуской. Вы не говорили ему: «Не покупай русского хлеба или русского полотна». Но от русской литературы, русской поэзии и русского искусства вы тщательно и методически в течение десятилетий оберегали и предупреждали русскую обывательскую толщу. И эта толща внимала вам, презрительно морщилась при имени русского литератора или художника, ходила в кинематограф, играла в винт, выпивала и закусывала. И вот, когда разразились мировые события, и обыватель спугнут с жердочки своего мирно-сонного существования, вдруг заколебавшегося во всех основах самым недвусмысленным образом, — какое право имеете вы теперь требовать от него того просветленного взгляда на вещи и того мудрого самоограничения, которые даются только служением науке, искусству или религии? Пожинайте же вашу «сахарную», поистине, «жизненную» жатву!

Два пути

Передо мной в вагоне сидели двое: добродушный капитан с фронта, с веселым, молодым лицом, блестящими глазами (с фронта они у всех блестят), но седоватыми, подстриженными висками, любезный, разговорчивый и жизнерадостный, несмотря на более чем годовую службу в тяжелой артиллерии во время войны; помещик — земец, по-видимому из левых, пожилой, нервный, недоверчивый, беспокойно засыпавший своего случайного собеседника массой самых разнообразных, жгуче-любопытных для обывателя тыла вопросов. Все-то его интересовало, все-то тревожило этого шестидесятилетнего непоседу с седою головою: и механизм стрельбы из тяжелых орудий, и начинка шрапнели, и изготовление снарядов, и продовольствие солдат, и уборка раненых, и санитарная часть, и образовательный уровень неприятеля, и дальность прицела, и боевые достоинства известных в армии лиц, и еще много чего.

Капитан с молодым лицом и седоватыми висками отвечал на всё чрезвычайно предупредительно, с охотой человека, редко балующегося таким вздорным делом,

как частные и безрезультатные разговоры. Коснулись в трехчасовой беседе решительно всего: и роспуска Государственной Думы, к которому и военный (не говоря уже о штатском) отнесся с неодобрением, и психологии неприятеля, отдав дань и немецким «зверствам» и немецкой «аккуратности»; порадовались увеличению (слава Богу!) количества снарядов у нас на фронте, похвалили умелость наших артиллеристов, отвагу кавалерии, выносливость пехоты, мельком отметили перемены в «верхах», одобрили назначение генерала с большим боевым опытом.

Но, как всегда, беседа становилась особенно интересною и искрящеюся, главным образом когда касались отдельных эпизодов, впечатлений и характеристик, хотя бы и мимолетных, но озаренных блеском и трепетом великого художника — Жизни. Тогда оба точно старались перещеголять друг друга в меткости изображения, в блестящих юмора, в красочности образов.

Особенно интересен для меня, как для обитателя тыла, становился тогда капитан. С удивительной скромностью, свойственную, — как бы на эту скромность теперь ни нападали, — чисто русской натуре, передавал он о почти невероятных условиях современных войн, когда нападения производятся сразу, чуть не со всех возможных направлений — слева, справа, сверху, снизу, с лба, в спину, — над землею, из-под земли, на воде, под облаками, из-за каждого леска, пригорка, куста, чуть не из-за каждого камня. О ране, из-за которой ему пришлось две недели «проваляться», он упомянул только вскользь, как о чем-то совершенно не стоящем внимания.

Зная, конечно, гораздо больше, чем каждый из его собеседников, об ужасах войны, хладнокровно и добродушно, ничего не преуменьшая, ставя каждое явление и каждую вещь на свое место, ничего не смешивая, во всем отлично ориентируясь, и ни от чего не приходя в уныние, он под конец беседы сразил своего «тылового» слушателя ответом на обычно задаваемый военным вопрос, долго ли будем воевать.

— Да лет шесть, уж не меньше, поверьте. Я так и с начала войны назвал ее — Семилетнюю войною.

— Голубчик, родной, смилуйтесь! — отшучивался ошарашенный тыловик. — Сбавьте хоть пятерку. Ведь у нас сыновей не хватает. Я уже двоих отправил, последний остался.

— Нельзя меньше, — говорил капитан, поблескивая глазами и добродушно поводя мягкими губами. — Ведь надо их, подлецов, выбивать теперь из каждой пяди нашей земли. Чего это будет стоить! Если помогут французы, тогда — меньше. Но надо рассчитывать на себя, только на себя.

— Ребятишкам учиться надо, — продолжал тыловик. — Вы посмотрите, что делается, — занимают гимназии, перебрасывают учащихся из Гродны в Екатеринбург, обывателю не угоняться.

— Давайте нам снарядов, давайте подкрепления, — твердил капитан, — а главное, не нервничайте, не «дергайте тыл». А то, что у вас здесь делается, говорится... Нехорошо. Вот я пробыл две недели в тылу (он назвал волжский город), куда переехала семья из-под Вильны, и чего только не наслушался. Право, чувствую себя не отдохнувшим, а скорее разбитым от этой неврастеничности, растерянности, бесположности. А сколько грязи, сколько ненужного, лишнего, только распыляющего

необходимую энергию, которой так много надо, — и бедняга опечаленно поник головою. — А мы там ждем не дождемся.

— Мы, голубчик, рады бы и днем и ночью не отходить от станков, и много еще чего делать. Да ведь нас с вами не спрашивают! — с горечью говорил тыловик. — Ведь если бы нас спросили, мы бы сейчас мобилизовали всю страну. Даже не оставили бы в покое монахов и монахинь, командировали бы на «действенные» дела милосердия, — к раненым, больным, беженцам, сиротам, а их миллиарды конфисковали бы на нужды страны. Когда же, как не теперь, проявлять любовь к ближнему и заветы служения ближнему?

— Пока нам верят, верят и союзники, верит и Америка, зачем починать народные кубышки? — протестовал военный. — А монахов и я бы извлек из их прекрасного далека. Но дело все-таки и не в этом. Поймите, когда мы там, — и он указал рукою куда-то далеко перед собою, — у нас одна цель — гнать и гнать неприятеля подальше, а здесь... — и он с горечью махнул рукою, — ссоры, борьба самолюбий, обывательщина, паника из-за всякого вздора...

— Дорогой мой, — говорил штатский с необычною мягкостью, — но как устроить все это, как побороть? Ведь мы бьемся как рыба о лед. Победить косную обывательщину, торгашескую недобросовестность, мелкую борьбу честолюбий, ведь это можно только путем реформ, путем планомерных, разумно согласованных организаций, самодеятельностью ответственного и сплоченного общества. Поверьте, ведь я сам во всяких этих комитетах пекусь и жарюсь, и все толку мало. Обратитесь обывателя в гражданина в какой-нибудь месяц, да еще под грохот канонады, — это, я вам доложу, — задача не совсем заурядная и по плечу только необычно воодушевленным, чем-то зажегшимся людям. Лозунги для этого воодушевления есть, но их не хотят даже выслушать. А вашим пришлось эвакуацию пережить? — продолжал допрос штатский.

— Да, пришлось, — небрежно уронил военный.

— И все бросить? — ужаснулся тыловик.

— Все: и домик, и вещи, и серебро, — отрывисто ответил капитан. — И уехать стоя. Жена только каракулевый жакет захватила, — добавил он с улыбкою. — Да это что! Я и тому рад, что выбрались.

Оба замолкли утомленные. Стали собираться ко сну. Под стук и грохот вагонных колес пытался заснуть и я. Но долго, долго стояли в клубах табачного дыма передо мною оба образа, — одно лицо молодое, с веселыми глазами и седоватыми висками (как оказалось, это произошло в «деле», в котором в течение пяти минут на глазах капитана было перебито три четверти всего его состава), другое — нервное, беспокойное, с тревожным вопросом в глазах. Оба по-своему правы, оба мучительно переживают остроту современного положения родины. Оба по-своему убеждены, что могут спасти мечущегося в смертельных муках. Оба идут к одному двумя — даже едва ли разными — путями.

Подъезжая к Петрограду, сквозь сутолоку одеваний, прощаний, гудков и сборов, я расслышал всё те же молящие ноты:

— Голубчик, сбавьте хоть годик!

— Давайте снарядов, — неслось в ответ.

1916

Ура!

Читал я недавно в газете рассказ о том, как учитель народной школы во Франции, призванный в войска, раненый на фронте и признанный неспособным к военной службе, возвращался в свою школу, на то же самое место, которое он занимал до войны. Его первый урок был торжеством для всей деревни, для всей округи. Все жители деревни, нарядные и гордые, собрались у дверей школы приветствовать инвалида. Президент французской республики, г. Раймонд Пуанкаре, прислал на это торжество полковника доблестной французской армии. Школа была украшена цветами. Мальчики и девочки надели праздничные платья. Свое первое обращение к ученикам учитель начал словами:

— Vive la France!

Очень интересная картина чужих нравов и жизни дальней. Одно из тех газетных сообщений, которые мы прочитываем с любопытством, как страницы экзотического романа. Что-то, совершенно не похожее на отечественные наши нравы, совершенно на них не переложимое, для нас почти досадное или смешное. Вдруг бы русский человек в соответствующий момент своей жизни закричал:

— Да здравствует Россия!

Представить это никак невозможно, — это была бы не российская действительность, а творимая легенда.

Припомнишь, какие крики приходилось слышать в России, — все что угодно, от высокопатриотического ура до отчаянного караул, а восклицания:

— Да здравствует Россия! — память не сохраняет.

Не знаю, как другим, а мне всегда бывает как-то завидно читать о том, что где-то есть эти яркие, бодрые настроения, этот пафос изъясления своей любви к отечеству, этот восторженный возглас:

— Vive la France!

У нас и самые праздники будничны и серы, а в лучшем случае угарно и пьяно шумливы и задирчивы, с неперменным сбиванием шапок со всех встречаемых: я видел однажды, как почтенные горожане хотели сбить фуражку с кадета, державшего руку под козырек.

Говорят, что скромная и простая русская душа чуждается всяких патетических манифестаций. По-моему, это напраслина на русскую душу. Широкие просторы русских полей и дорог постоянно оглашаются ярко выразительными манифестациями страстной любви к чьей-то матери. Сила, яркость и патетичность выражений никогда не изменяют русскому человеку, когда его душа жаждет изъясления обуревающих ее чувствований.

Должно быть, есть какие-то иные причины, которые мешают нам восклицать:

— Да здравствует Россия!

Лучшие из нас, быть может, думают, что Россия должна еще поучиться у них уму-разуму. Худшие из нас желают, наверное, всего что угодно, но уж до благоденствия-то России какое же им дело! Средние не привыкли соединять представление о своем благополучии с представлением о процветании отечества. И все мы находим,

что в торжественных случаях, когда уж совсем невозможно молчать, достаточно ограничиться кратким и внушительным:

— Ура!

Война после войны

Два года тому назад говорили:

— Война против войны.

Теперь уже кое-где стали поговаривать:

— Война после войны.

И начали подготавливаться к этой войне. Конечно, подразумевается война рублем. Когда кончится война, придется улаживать отношения экономические. И одни думают, что русский рынок без привычного германского товара не обойдется, т. е. что после войны настанет мир. Другие же думают, что удачно налаженные наши союзы следует сохранить, германских товаров не покупать, и русского сырья в Германию не везти. Это означает, что после войны военной начнется война таможенная, финансовая, торговая.

Что ж, поживем — увидим. Многие закоренелые предрассудки уже опровергнуты этою войною. Может быть, опровергнет она и тот предрассудок, что всякая война кончается миром. Бывали же и такие войны, которые кончались перемириями; бывали и войны, длившиеся по сто лет, т. е. практически, для начавших войну, бесконечные.

Говорят, что Германии придется весной отпустить значительную часть солдат для обработки полей. В этом случае решительные действия со стороны германцев станут невозможными. Только ли с их стороны? Я слышал от помещиков средней полосы России, что такая же мера окажется необходимою и у нас. И станет на очередь вопрос: что выбрать — плохой мир с войною после войны или затяжную войну?

Но разве психологически возможен плохой мир? Когда об этой возможности заговорили в одном салоне, — в том самом, где велась беседа о войне после войны, — как вспыхнула и взволновалась хозяйка дома:

— У меня брат убит на войне, во многих семьях тяжелые потери, — неужели все эти безмерные жертвы пропадут даром!

— Но ведь с этим правительством невозможно победить, — сказал кто-то.

— Отчего же никто не найдет настоящего слова? Мы всё видим, всё знаем, отчего же мы ничего не можем?

Мудрые и старые люди заговорили о том, что возможно, что осуществимо; потом выслушали очень интересный доклад о войне после войны; потом умно и любезно поспорили. Но светлый момент негодования, и запыхавших ланит, и засверкавших глаз отсиял, и погас, и никого не зажег.

Ах, милые русские негодующие женщины, в ваши бы руки отдать судьбы России! Когда молодые и отважные проливают в изобилии кровь, когда мудрые старцы так осторожны и так благоразумны, когда значительная часть оставшейся молодежи так успешно работает по обороне от войны, разве жены, матери и сестры русских воинов не имеют права возвысить свой правдивый голос? И пусть вознесется наша

почтительная благодарность к тем доблестным русским женщинам, которые уже сделали это.

А мы пока довольно прохладно беседуем. Не о том, чего мы непременно хотим, и чего мы добьемся, во что бы то ни стало. Где уж нам! Мы бы и не прочь захотеть, да «темные силы» мешают, и нам с ними никак не справиться, мы уже давно читаем, что Австро-Венгрия разгромлена, что Германия истощена, что она не сегодня-завтра начнет издыхать с голода и обливаться кровью голодных бунтов. Мы уже давно слышим, что враг сломлен и надломлен, и скоро будет совсем переломлен. Еще бы сделать только одно усилие, — и конец! Но так как у нас все еще есть «темные силы», то этого последнего усилия сделать не удастся, и наступательные порывы наших войск гасятся прискорбною неорганизованностью тыла. И приходится нам вести умные речи о том, чего следует нам захотеть, если не удастся до конца разгромить прусский милитаризм, все еще сильный и живучий. Как поступить в этом случае, чтобы обеспечить народы Европы от повторения ужасов этой «беспримерной в истории» войны?

Средство, по-видимому, одно — держаться и после войны системы счастливо заключенных союзов, и посредством этих союзов свергнуть иго экономической зависимости от Германии, для этого во 1) всемерно заботиться о свободном развитии производительных сил страны, во 2) направить вывоз нашего сырья не в Германию, а в дружественные страны, и в 3) обойтись без торгового посредничества Германии при наших заграничных покупках (говорят, что некоторые наивные русские хозяева даже семена ростовских огурцов выписывали через Гамбург).

Относительно первого из этих пунктов говорил нам известный экономист:

— Ученые химики разных стран занимаются наукою, и мало думают о практическом значении своих открытий; немцы уже давно и много работают над применением химии к технике. Поэтому создалось такое положение, что текстильная промышленность всех стран получает красящие вещества только из Германии. До войны жаловаться на это не приходилось: дешево и пригодно для того, чтобы удовлетворять потребностям спроса. Но с началом войны текстильная промышленность даже и в нейтральных странах стала испытывать затруднения. Германия выпускала свои фабрикаты только при условии доставления ей необходимых для нее товаров, пищи, металлов. Но оказалось, что потребный для производства красящих веществ гудрон находится везде, и во многих странах его даже больше, чем в Германии. В Америке стали возникать заводы для изготовления красящих веществ. Германия всполошилась, и немедленно же приняла свои меры: в Америку было послано 180 тонн красок и дипломатическое сообщение, что так как в Германии стало известно затруднительное положение текстильной промышленности, то Германия посылает это количество красящих веществ, не требуя себе на их доставку никаких льгот и взаимных посылок, желая только сделать приятное вашингтонскому правительству.

Итак, свободное развитие производительных сил страны не такая уж хитрая штука. Везде найдется подходящее сырье, обученные техники и жаждущий приложения капитал. Но мы должны, пожалуй, и в этом оглянуться на наши «темные силы». Не предпочтут ли они получать приятное от Германии, к которой наш рынок уже привык,

и которая тоже привыкла к нашему рынку? Преодолеет ли энергия англо-русских деятелей эту приятную «темным силам» привычку?

Относительно вывоза ученый экономист говорил менее оптимистично. Автор доклада о войне против войны соображал так:

— Англия, Франция и Италия до войны ввозили хлеба в год на 1200 миллионов рублей. Доставляли хлеб на европейские рынки Россия, на полмиллиарда с небольшим, и английские колонии, Австралия, Ост-Индия, Новая Зеландия, Канада, приблизительно столько же. Таким образом, хлеб из России и английских колоний может целиком разместиться в союзных странах, и еще на 180 миллионов рублей придется купить на других рынках.

На это ученый экономист возразил:

— Дело не так просто. Приходится считаться со вкусами потребителей. Наше мукомольное дело стоит очень высоко, но, когда русскую первосортную муку послали в Англию, то ее, к великому изумлению наших мукомолов, там расценили по средним ценам; оказалось, что англичане достаточных классов привыкли совсем к другому, чем у нас, хлебу, который выпекается из разных мук, смешиваемых по особому рецепту, и наша мука была очень мало пригодна. Притом же вывозим мы в Германию преимущественно ячмень для лошадей. А еще неизвестно, понадобится ли этот ячмень в Англии.

Пожалуй, и здесь не лишнее подумать о русских «темных силах». В Германии все хитро соображено и придумано, и лошадиные интересы оберегаются не менее тщательно, чем людские. У немцев, говорят, есть даже говорящие лошади, — не для того ли, чтобы управляющие ими нашли общий язык с управляемыми? Пожалуй, они явятся к нашим «темным силам» как депутация от германских лошадей, и покажутся очень приятными. Настолько приятными, что наши «темные силы» напишут, кому следует, записку:

«Ичмень гаварит што мы все можем, дак гани яго в ерманию приобыкши он истца ерманским лашаткам».

Орфография может быть и более академической, — ведь это еще предсказание насчет будущего.

Много еще интересного и занятного я слышал, и о многом думал в тот вечер, но одно было истинно радостное, — вспыхнувшее прекрасным негодованием лицо русской женщины.

Удел поэта

В провинции, в дороге, между двумя моими лекциями, застало меня горестное известие о кончине бельгийского поэта Эмиля Верхарена. Прочел я эту весть на скучной, унылой узловой станции, где была пересадка в ожидании поезда. Моросил дождь, в тусклые окна заглядывал скучный ноябрьский день, безрадостная равнина серых полей. И представились мне такие же тусклые сумерки, те же осенние будни на станции провинциального французского городка. С грохотом и лязгом проносятся сквозной, сверкающий огнями поезд. Запыхавшийся поэт бежит к поезду, спешит; в вокзальной суতোлке кто-то невнимательно-жестокий толкнул его, он упал;

вздымая искры, пыхча и лязгая, прогрохотали колеса огненного чудовища; и унеслось оно, оставя на рельсах окровавленный прах того, кто назывался поэтом Эмилем Верхареном. Сочувственною тоскою сжалось сердце, такими близкими явились встревоженной мечте обрызганные милою кровью рельсы, что захотелось выбежать на платформу, увидеть эти узкие, эти ужасные полосы стали.

И еще хотелось представить: что пронеслось в ужасный, неповторяемый миг в холодеющем мозгу поэта, в тускнеющем сознании, какие образы, видения ощутил он уже на пороге иного бытия? Представилась ли ему его родина, придавленная, как и он, в этот роковой час чудовищными колесами нещадной Судьбы, «окровавленная Бельгия», его любовь, его мука, страна, с именем которой на устах он испустил последнее дыхание? Или то был вздох горестной скорби, вздох сожаления о том, что ему уж не увидеть ее, — ни страдающей, ни просветленной, ни увенчанной, ни торжествующей, никогда, никак?

Эмиль Верхарен прожил жизнь истинного поэта, со всеми сопутствующими ей волнениями, тревогами, увлечениями, упованиями и сменами настроений. Ни одно из крупных явлений современности, ни одна из грозных проблем, восставших перед смятенной Европою в последнюю четверть века, не прошли мимо поэта, не задев его своим мрачным крылом, не опалив его дум своим огненным дыханием.

Все слышал он, все отдавалось в душе его: угрозы каменных чудовищ, «городов-спрутов», в судорожном ритме которых ему чудились уже кошмарные «звоны оружия и топот шагов, и гул голосов», неизбежно и грозно нарастающих, с каждым днем приближающихся движений масс. При взгляде на мирные поля и тихое, вечернее небо, он спрашивает себя с тоскою:

Ужель и здесь пройдет Она?

Их покой смутит?

И небеса, и мирные поля
окрасит серым пеплом разрушения?

И Смерть видел он, упивающуюся пьянящею багряною кровью, Смерть, царящую и властвующую над покоренною ею Жизнью, Смерть, свершающую свой дикий танец над трупами жертв искупления во имя грядущих «Зорь» человечества. И еще много других темных и светлых снов и пророчеств грезилось поэту, зачастую видящему и слышащему иное, чем дано смертному, в смутных очертаниях и заглушенных шорохах столь остро ощущаемой им Современности.

И долго будем мы ощущать эту Современность со всею властною остротою ее неразрешимых противоречий, с муками ее неизреченной скорби, с проклятиями и стонами ее окровавленных жертв, — долго еще будем жить, думать и чувствовать по В е р х а р е н у .

Личная судьба поэта, — за исключением последних лет, облекших в траурный флер всю его страну, — протекла безбурно. Он имел счастье родиться в культурной стране, которая умела слепить и полюбить при жизни родного ей поэта, не ставя ему в укор ни увлечений «гимном королю Альберту», ни горестью выстрадавших признаний «окровавленной Бельгии», где поэт-гражданин не стыдится сознаться в том, что воспылал ненавистью к врагу, заливавшему кровью мирные поля его родины. У нас чувства этого порядка не умеют и не хотят понимать! Был момент, когда наши присяжные

публицисты словно обрадовались, обрушив свои заржавленные громы на великого поэта Верхарена за его якобы «шовинизм», за его ненависть к злему врагу. Я же имею смелость думать, что поэт, истинный и большой, всегда прав, — во всех своих настроениях, сомнениях, колебаниях, увлечениях, ибо каждый момент гнева, восторга, смущения, скорби, радости и тоски им выстрадан и праведно рожден его поэтической интуицией, дарующею ему приметы гения — Вдохновение и Провидение. Одаренный этими дарами богов, жил, творил и умер поэт, Эмиль Верхарен, и да будет ему легка принявшая его тленный прах неродная земля!

Мученическая кончина его и не могла быть иною. Верхарен слишком болел муками современности, и неизбежно был обречен, в той или иной форме, разделить трагическую участь века и поколения, надежды и скорби которого он воспел с неслыханною силою.

1917

Хочу и верю

Чем дольше живешь на белом свете, тем все сладостнее и большее вспоминаешь праздники и обряды, все то живое когда-то содержание жизни, которое насквозь все становилось художественно ценною формою и которое так непосредственно радовало еще неопытную в делах житейских душу. И вот что удивляет, пока не разберешься в значении терминов: мил сердцу бытовой обряд, торжественный и веселый, но скучен, отвратителен, постыл унылый, серый быт.

А подумаешь, и видишь, что противоречия никакого в этом противочувствии нет, потому что живому сердцу мил быт живой, в котором еще не иссякла, еще благостно веет воля к бытию, к живому творчеству жизни, и противен быт оконеченый, от которого уже отлетело животворящее дыхание дерзающей воли.

Благ обряд и честен строй, пока этот обряд и этот строй еще хранят в себе знойную теплоту созидательной воли. Хорошо, когда человек говорит:

— Я хочу.

Торжественно и радостно звучат настойчивые пожелания, повеления человека судьбе:

— Да здравствует русский народ!

— Да будет ему триумф!

— Да будет победа!

— Хочу, чтобы «процветала в мире наша сторона»!

Долго и настойчиво повторяет человек, повелевая Року и себе самому:

— Хочу!

— Да будет!

— Явись, встань, возникни!

— Трудись, преодолевай, созидай!

— Будь счастлив, и будь достоин счастья!

И благо ему, если он произносит повелевающие формулы только тогда, когда хочет, и если он вкладывает в звон слов всю мощь воли.

Но беда человека в том, что
Привычка свыше нам дана,
Замена счастию она.

И замена прескверная, как всякая замена, как всякий суррогат. Если нет привозного кофе, закоренелая кофейница пьет отвар отечественных желудей, испытывая слабую иллюзию чувственного счастья, но изо всех свойств заморского медленного, жуткого и возбуждающего яда родная свиная състь не имеет ни одного. Если нет человеку пламенного счастья, можно найти утеху в халате и туфлях или в заугольных тараканьих шепотах. Если нет в душе дерзающей воли к созиданию новых форм жизни, то можно приятно провести время в делании и принятии визитов по самым разнообразным поводам, в провозглашении громких тостов, хотя бы и безответных, в повторении любезных благопожеланий, хотя бы никого ни к чему не обязывающих.

В ночь под Новый год раздается всегда очень много приятных, добрых, прекрасных пожеланий, и самый воздух в эту ночь, кажется, благоухает радостными поздравлениями:

— С Новым годом! С новым счастьем!

Но приходит новый, 1917 год к нам так же, как приходили и прежние два года, 1915 и 1916, в таком же окружении легкокрылых, едва только тонкими кончиками розовых ног касающихся нашей грубой почвы, и тяжелообутых, каменно ступающих недоверий, опасений, предчувствий, разочарований. И как ни улыбкивы легкокрылые, молниеглазые, светлоодежные утешительницы, но от года к году все тяжелее громоподобный топот угрюмых угроз.

А всмотреться в них пристальнее, — да разве вы не видите, что угрожающие сами боятся? Разве вы не понимаете, что от вас самих, — и только от вас, — зависит одним словом прогнать всю эту нахмуренную толпу?

В сказке говорится, что овладевший тайною слова витязь подойдет к горе, крикнет погромче:

— Сезам, откройся!

И тотчас откроется гора, и выдаст витязю все заключенные в ней сокровища.

Попробуйте в наши дни подойти с этими словами к любой горе, — ничего не выйдет. Почему? Слова не те? Или голос слаб?

Да и то, и другое. Сезам, конечно, — слово пустое. И никаких секретных, чародейною магиею обладающих слов нет. Есть в человеческом языке только одно волшебное слово:

— Хочу!

Да и оно зачастую ничего не стоит. Бывает, что стоит человек десятки лет на одном месте, и повторяет:

— Хочу быть дерзким, хочу быть смелым!

А сам ни с места, и ни смелости, ни дерзаний никто не видит. И уже привыкли люди, и мимо идут, равнодушные. Разве только иногда скажет кто-нибудь:

— То же бы слово, да не так бы ты молвил.

А как же?

Со всем напряжением воли, со всею убежденностью пламенной веры!

О, если бы эта воля! О, если бы эта вера! Давно бы горы сдвинулись с места, давно бы достигнуты были поставленные нам судьбою цели, давно бы уже был «взят заносчивый Берлин»!

Ведь должны же мы победить! Ведь это — кошмар, тяжело навалившийся на грудь, кошмар — одна мысль о том, что мы можем выйти из этой войны раньше нашей победы, и что права малых народностей на их национальное самоопределение опять будут раздавлены!

Что же мешает нам сказать надменное «хочу»? Сказать с такою пламенною и простою силою, чтобы слово облеклось живою плотью, чтобы оно заблестало всеми радугами мечтаний, желаний, устремлений, чаяний, чтобы оно зажглось всеми огнями радостей, восторгов, исполнений, достижений!

Или мы недостаточно любим наше отечество? Нет, пролитая кровь и все эти безмерные труды и подвиги одних, воздыхания и слезы других, и весь этот наш крестный путь, — как бы нам все это выдержать, если бы не было в нас этой несокрушимой национальной скрепы, как бы мы ни называли ее? Да, это — правда, что «отечество в опасности». Но я верю, верю, верю, что звон бокалов и шум приветов в эту ночь разорвал пелену холодных привычек и тупых равнодуший, что он смутил толпу унылых, угрожающих призраков.

История любит давать предметные уроки, — это очень верно отметил на днях в своей высоко интересной статье академик Павел Виноградов. Тот предметный урок, который дан России и миру в опыте этой войны, длится достаточно — долго даже и для нашей медлительно-поспевающей родины. Шутка сказать:

— Победит тот, у кого крепче нервы.

Но это — неправда. У тигра нервы крепче, чем у человека, но побеждает человек. Побеждать должен тот, кто прав, и кто хочет победы. Кто прав, тот должен победить, потому что за него Бог и добрые люди. Кто право хочет победы, тот должен победить, потому что в самом акте его правого волеизъявления есть несокрушимая сила.

Действуя в плане историческом, мы все или право сливаем свою волю с широким потоком воли божественной, миродержавной, устремляющей миры и сердца к возвышенным целям, или неправо богоборствуем. Если бы мы сознали себя неправыми, мы обязаны были бы смириться. Но, так как мы знаем, что устремление наше праведно, то обязанность наша состоит в том, чтобы со всем напряжением воли захотеть победы.

После победы — светлое будущее и свободное развитие России. Без победы — уныние и разруха.

Но верю, что нас ожидает светлое будущее. Верю, и хочу, чтобы это светлое настало в те дни, когда еще мы населяем землю, а не далекие наши потомки.

Преображение

Да это же вовсе не революция! Это — светлое преобразование, величайшее из земных чудес. Конечно, было героическое воодушевление, непомерное отчаяние, мужественная и непреклонная решимость, и потому уличные бои, пожары, восторг и ужас народного восстания, и против мужественно восставших спрятанные по за-

садам «фараоны» и охранники с пулеметами и револьверами. Было все то, что бывает во всех революциях. Но недаром поэт сказал:

У нас особенная статья, —

В Россию надо только верить...

И над светлым и ярким пафосом восстания в нашей революции, сделанной Петербургом, гордитесь, жители невосской столицы! — возносится иной, еще светлейший восторг, — радость преобразования.

И произошло это дивное преобразование так, не то что безболезненно, а так стихийно и просто, что впечатление слагается такое, как будто с дерева времен свалился давно созревший плод.

Где же защитники старого строя? Если не считать немногих безумцев, которые до пятницы еще прятались кое-где по колокольням, бесцельно стреляя в толпу радостного народа, не видно никого, кто бы, хотя в робких беседах, защищал старый строй. Ах, это злое всем наскучило! Нет защищающих то, что упало. Все согласны. Даже немного жутко и страшно, что так быстро все пришло к согласию.

Согласны, конечно, только в признании переворота. Нет сомнения, споров и несогласий будет еще много, но в главном-то, в основном, кажется, ни у кого нет никаких сомнений: то, что совершилось за эту неделю, бесповоротно. И в этой бесповоротности все более убеждаешься, чем более говоришь с людьми, и чем более ходишь по улицам Петербурга. И даже когда говорит о разногласиях между двумя основными действующими силами переворота, не страшно слушать о этих разногласиях. Какая-то твердая уверенность, что будет найдена должная средняя линия поведения, и что в Берлине нашим раздорам радоваться не придется.

Все эти дни на улицах, даже и там, где не происходит событий, очень много людей. Сначала, в первые дни, чувствовалось настроение мрачное, но решительное. Даже не всегда мрачное.

Когда останавливала толпа движение трамвайных вагонов, было шумно и весело. И потом, когда уже гремели выстрелы, были слышны трагические слова:

— Умирать так умирать! Смерть одна.

До последнего отчаяния дошли люди, но в их решительности уже было зарево того пожара, который стал быстро разгоравшейся зарею преобразования России.

Когда наметились первые успехи движения: взятие арсенала, Крестов, настроение уличных толп стало сразу глубже, настороженнее, сосредоточеннее. Не было южной экспансивности, сказывался северный глубокий и устойчивый темперамент. Долго раскачивались, но теперь уже не остановятся.

Потом, уже с середины недели, настроение стало становиться все более светлым и радостным, но оставалось все таким же решительным. И вот что особенно радует, — во всем черты преобразования, не только в том, что что-то изменилось в строе жизни, и что исчезло засилие участка, но в самой психологии людей. Те же люди, и словно не те. Куда ни взглянешь, — уже нет той прискорбной и темной озлобленности, которая так больно поражала в дореволюционные дни. Бывало, где толпа, там ссора, толчки, резкие слова. И это в те дни, когда рабочие работали на фабриках и на заводах, когда трамваи ходили исправно, когда везде были извозчики, когда Протопопов казался необычайно прочно сидящим на своем месте. А вот теперь, когда

всё в видимом беспорядке, когда с чердаков и других вышек еще продолжалась беспорядочная стрельба остальных полицейских, еще не арестованных, когда трамваи не ходили и газеты не выходили, вдруг на улицах стало радостно и светло, и все стали друг к другу чрезвычайно любезны, и никто никого не толкает и не ругает. Собираются кучки, читают известия, или спорят, или слушают взгромоздившегося на что-то оратора, спорят с ним, или приветствуют его громкими криками одобрения. Иногда, правда, страсти разгораются, и спор принимает резкий характер. Но то ли бывало в другие революции!

Особенный ли характер русского народа в том сказался, или особенный характер этого переворота, в котором все оказалось столь готовым, с одной стороны, к тому, чтобы грузно и бесславно упасть, с другой стороны, к тому, чтобы решительно востать, — но замечательно то, что движение носит дружный характер, и, по всем видимостям, число жертв сравнительно незначительно. По настроению уличной толпы чувствуется, что в толпе не разбужены инстинкты жестокости.

В пятницу рассказывали, что у нас на Васильевском острове убили двух полковников. За что, не знаю. Про одного говорят, что он потребовал от солдата, чтобы тот отдал ему честь. Кучка женщин на улице спорила по этому поводу. Дама в пенсне и в нарядной ротонде убеждала просто одетых женщин в том, что убивать людей на улице не следует. Разговор, как все русские разговоры, был бестолков и раскидист. И о городских зашла речь. И о том, что напрасно выпущены из тюрем уголовные преступники. Но так как во всех этих соображениях было осуждение толпы, то речи нарядной дамы не нравились женщинам из народа. Дама говорила:

— Глупые головы выпустили разбойников.

Женщина в платочке возражала:

— Глупые головы говорят такие слова. Уходи, пока народ тебя не растрепал.

Дама ушла, ссора погасла. Народ, слушавший дебаты, не счит нужным трепать кого-нибудь.

На углу Среднего проспекта и одной из линий оратор говорил:

— Товарищи! Только что вы успели завоевать свободу, у вас уже хотят ее отнять под тем соусом, что надо как можно скорее восстановить свободу.

Из толпы кричат:

— Не правда! Никто не отнимет! Никто не хочет отнять.

На другой день такие речи уже совсем, кажется, стали не слышны. Как только образовалось первое министерство, толпа на улицах стала заметно спокойнее. Почувствовалась вера в то, что все будет делаться дружно и согласно. Разногласия и споры будут потом, а теперь не надо омрачать светлые дни нашего преобразования. Россия опять вернула себе свое былое народоправие, и теперь-то, в эти медовые дни своей свободы, еще верит в себя, в свое народное самодержавие. Ведь не потонет же это самодержавие народа в шумных схватках, в преждевременных спорах! Ведь старое, безобразное, безумное чудовище бессмысленного произвола свалилось так же легко, как легко валяются свинцовые или оловянные эмблемы над магазинами придворных поставщиков.

Так, в пятницу на Невском, около городской думы, сбивали, видел я, щит с гербом, прикрепленный над чьим-то магазином. Работала маленькая кучка людей. Лю-

бопытных посмотреть на это зрелище было мало. Не было пафоса к тому, чтобы топтать эту эмблему былого всемогущества. Зачем? Кто-то сказал:

— Свинцовая, на пули пригодится.

Посмотрят, улыбнутся, пройдут дальше. Отношение такое, как к чему-то, несомненно, отошедшему в область истории, и что уже не возбуждает сильного гнева. И мне вспомнились строки из моего стихотворения:

Тяжелыми одеждами
Закрыв мечту мою,
Хочу я жить надеждами,
О счастья пою.
Во дни святого счастья
Возникнет над землей
Блаженного безвластия
Желанный строй.
В пыли не зашевелится
Вопрос жестокий: чье?
И в сердце не прицелится
Безумное ружье.
В полях, шумящих злаками,
Погешится шутя
Поверженными знаками
Беспечное дитя.

Знаки повержены... Но мечта все еще остается мечтою. Далекая, далекая, но опять вспыхнувшая лучезарно. Ах, омрачится ли она ненужным раздором?

Дерзание до конца

Переживая, вспоминаем...

Знать будущее и пророчествовать о нем, по-видимому, совершенно невозможно. Бывают только смутные предчувствия, выраженные в повышении или в понижении настроения. Если эти предчувствия охватывают толпу, народ, то и самые настроения принимают характер экстаических волнений.

Так взволнована была Россия в начале войны, взволнована, как теперь это становится понятно, смутным предчувствием того, что из зла выйдет благо, и что война приведет к светлому преображению жизни русской и жизни всемирной. Россия приняла войну. Вместе с Россией и мы, поэты-символисты, приняли эту войну. Но приняли не в грубо прямолинейном смысле, не как массовое самоистребление, не как хищнический набег или захват чужого, но в совершенно ином представлении, которое согласуется со всем общим нашим мироприятием.

В основе нашего мироотношения лежит кантовское определение «долг человека — смысл вселенной». Если смотреть на явления с этой точки зрения, т. е. если осмысливать все явления как связные звенья в ходе единого мирового процесса, то не могло быть у нас другого отношения к войне, как приятие этого величайшего социального жертвоприношения. Оно, как и каждое явление этого порядка, сопровождается соот-

ветственным нарастанием жертвенного пафоса и экстатического подъема. Ведь люди идут умирать, принять жертвенное крещение в пламенной купели во имя возвышенной и святой цели, кого-то защищая, за что-то беззаветно отдавая все свое, свою кровь, самую жизнь. Ведь не пустые же понятия в словах «рыцарство, честь, отвага, подвиг, геройство». Недаром воин идет в бой торжественно, под звуки музыки, в лучшей одежде, благословясь молитвою, в величественной обстановке, с высоким, религиозным пафосом вдохновения в душе. «Серафимы, ясны и крылаты, за плечами воинов видны», — говорит Гумилев в одном из лучших стихотворений, посвященных войне.

И другие вспоминаю стихи, чужие и свои, и вижу, что почти все они отмечали особенный, как бы сверх исторический характер этой войны. И как же было не принять этого жертвенного подвига, когда пора к его свершению уже приспела? И когда старый мир багряно и бессильно умирает? И когда весь народ взволнован и поднят одним пафосом восстания, и когда он торопит события, и когда они торопят его, и далекие вчера цели вдруг сегодня становятся близкими?

Валериан Бородаевский говорил:

И где твоим святым дерзаниям предел,
Когда в грозе, о жнец, как жатва, мир поспел?

Цель этого всенародного подвига была намечена определенно и явственно: преобразование. Валерий Брюсов в «Последней войне» говорил:

Пусть, пусть из огненной купели,
Преображенный, выйдет мир.
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы.

И преобразование это должно было свершиться в братском подвиге великого единения, торжественного соборного действия, как это и происходит ныне, и как об этом говорил Вячеслав Иванов:

На мирской мировщине
Нам скоро друг с другом
Над ясным лугом
Целоваться в соборной святыне.
Жди всходов белых
На ниве просторной,
Народ чудотворный,
Поминаючи верных и смелых,
Крепко радуйся и веруй,
Что небывалое будет.

Да, небывалое уже свершается, но еще не истощена ярость завоевателей, еще вооруженные люди враждебных народов стоят на нашей земле, и усиливаются, и грозят нам еще новыми завоеваниями. О революции в Германии еще не слышно, и опасною наивностью была бы надежда на то, что она близка. Но все же мы ждем от войны еще и еще чудес, ждем совершенного преобразования нашего косного, застоявшегося быта.

Вспоминаю еще страницы моей «Творимой легенды», очень урезанные красным карандашом цензора. Эти страницы, изображая «Дым и Пепел» охваченной

пожаром земли, говорили о том, что все эти страдания, кровь и слезы неизбежны и необходимы нам, как великие очистительные жертвы, как пламя всеочищающего вселенского костра. Отдельных смертей, жертвенная красота которых ясна до очевидности, еще мало, — писал критик, разбиравший «Творимую легенду», — нужны еще великие социальные кровопролития, великие революционные жертвоприношения все для той же цели — выявления трагичного, выявления мировой красоты жертвенного страдания. И разве уже давно поэзия символистов не говорила трогательно об эстетической природе страдания, о жертвенной красоте печали?

Принятие войны как всенародного подвига, поднимающего дух нации на небывалую высоту, с достаточной определенностью выражено было хотя бы в моем стихотворении:

Так, не бойся вражьей мести,
Милой жизни не жалей
Для победы и для чести
Славной родины твоей.
Чтобы ты, не зная страха,
Светлой жизни не берег,
Вот зачем тебя из праха
В наши дни восставил Бог, —
И послал на поле брани,
Чтоб и наш увидел век,
До какой высокой грани
Может прыгнуть человек.

Религиозный смысл искупления войною утверждается моих стихах:

Правда, радость и любовь
Не погибнут в лютом бое.
Мы даем войне иное,
Проливая нашу кровь.
Что Господь нам заповедал?
В ад сходил и сам Господь,
И земле и казни предал
Он божественную плоть.
Кровь, и подвиг, и страданье,
И дерзанье до конца,
И тернового венца
Опьяненное лобзанье.

Но мы должны помнить, что великое, воистину вселенское дело, начатое родиною нашею, еще не окончено, трагический подвиг еще не доведен до конца, лютый дракон еще не повержен окончательно, еще долгий и трудный путь перед нами. И долго не будет нам покоя и отдыха, в буйный век вступили мы, к трудам и заботам принуждают нас торжественные и роковые дни, первые дни нашей свободы. Но да будет дерзание отважных — дерзанием до конца!

Международное братство

В такие дни, как переживаемые нами, хочется верить во все светлое и радостное. Хочется верить, что прекраснейшие надежды благороднейших мечтателей близки к осуществлению, и среди них соками жизни наливается мечта самая лучезарная — о братстве народов. Хочется верить, что уже при дверях то счастливое время, которого мы все жаждем и ждем, время, когда племена «забудут свой раздор и в общую семью соединятся».

Ужасы этой войны переживаются нами без отчаяния только потому, что мы все верим в светлое будущее, и что мы верим в его близкое наступление. Верим, что великая мировая война вскроет все злые, порочные несовершенства современного быта, раскалит души людей в пламени трагических и героических переживаний, и этим приблизит осуществление великолепной мечты о золотом веке человеческой истории, о том веке, когда вся сталь пушек будет перекована на плуги, и когда пугливая некогда лань, внезапно осмелев, ляжет рядом с тигром, позабывшим всю свою былую свирепость.

Нельзя не признать, что идея международного братства все более и более внедряется в сознание людей. Мы уже не живем замкнутою жизнью, уже не отгораживаемся китайскими стенами, для нас уже не безразлично, что о нас говорят и думают в иных странах.

В 1863 году какому-то генералу, слишком беспощадно подавляющему польское восстание, сказали:

— Генерал, на вас смотрит вся Европа.

Он отвечал:

— Пусть смотрят и остальные части света, мне все равно.

Кто найдет в себе достаточно смелости или цинизма, чтобы в наши дни повторить эти наглые слова? Нет, теперь мы знаем, что международное общение между людьми — не пустой звук, что зачастую оно представляет очень серьезную силу, хотя пока и неорганизованную. А вот как организовать эту силу?

Мне представляется, что совершенное торжество идеи о братстве людей не осуществимо при современном строе общества, при том строе, когда все отношения между людьми строятся на почве территориальных разделений. Доколе вся власть в мире принадлежит территориальным установлениям, до тех пор общность людей всегда будет подвергаться серьезным опасностям и ограничениям. На всякое, хотя бы и самое благожелательное, вмешательство может последовать ответ:

— Мы лучше знаем наши местные условия. В пределах нашей земли мы — хозяева, и сами устроим свои дела. Вмешательства в наши внутренние дела мы не допустим.

И такой ответ последует тем вероятнее, чем значительнее будет повод для вмешательства. И что же тогда делать? Воевать? Это при братстве-то народов? Или принимать меры, которые могут задеть и людей неповинных? Придется ограничиться платоническим протестом.

Если, например, местные обстоятельства того потребуют, Кёльнский собор будет обращен в здание городского театра. Интересы искусства против этого вознегодуют, а ведь интересы искусства есть интересы международные, как и интересы филосо-

фии, религии, науки, как и интересы торговли, почт, телеграфов, железнодорожных сношений, как и интересы профессиональные и многие другие.

Все эти интересы границами территориальными только искусственно разрезаются, но по существу они всегда остаются общими и едиными. На нашем земном шаре так уж устроена жизнь, единая вопреки всем искусственным перегородкам. Куда ни поедешь, везде находишь все то же, ту же землю и тех же людей, тот же труд и то же безделье. И если есть различие между людьми, населяющими нашу прекрасную землю, очаровательную изумрудную планету солнечного мира, то это различие не в том, что вот мы — русские, а они — французы, англичане, итальянцы, а только в том, кто чем занимается. Мужик везде одинаков, в России и в будто бы экзотической Мексике, и везде одинаков рабочий, в Генуе, как и в Чикаго, и рантье такой же в Лондоне, как и в Москве. Племенные различия между ними интересны только для психологии и для интересов местного управления в тех тесных пределах, в которых оно необходимо. На нашей земле связи между людьми одного образа жизни и одинаковых занятий сильнее всяких придуманных и природных разделений. Человек в значительной степени делает сам себя своею работою и теми своими отношениями, которые он устанавливает не только с близкими, но и с далекими географически. И эти географически далекие бывают ему зачастую ближе соседей.

Такая общность между людьми одинаковых профессий для них полезна потому, что дает им возможность легче расторгать узы местных ограничений. Это же относится и к общности людей одинакового образа мыслей, одной и той же религии. Католичество так сильно потому, что оно имеет международную организованность. Этим же было сильно и влиятельно масонство. Власть капитала в нашей жизни очень прочна потому, что капитал не имеет отечества. Женевская организация Красного Креста делает большое и полезное дело потому, что она интернациональна. Лувенская библиотека не была бы сожжена, если бы наука была экстерриториальна и державна, потому что все земные территориальные власти принуждены были бы считаться с волею всемирного государства ученых.

Такая несомненная полезность всех международных организаций, полезность, состоящая в том, что, распространяясь на весь глобус, они в меньшей степени зависят от местных прихотей, пристрастий и произволов и могут в наибольшей чистоте осуществлять свои идейные цели, эта полезность должна быть признана всеми, для кого международное братство дорого. И это ясное, отчетливое сознание полезности и мощности международных организаций должно возлагать большие обязанности и большую ответственность на всякого, кому действительно дороги общечеловеческие начала разума, права и справедливости. Высокие цели, которые ставит себе земное человечество, могут быть осуществлены только общею работою всего сознательного человечества. Эти международные связи мы все должны укреплять, развивать, расширять, распространять их все на новые и новые области жизни, все меньше и меньше властности оставляя на долю местных организаций, всегда, по необходимости, случайных в своем составе и в своей деятельности и всегда неизбежно подчиненных множеству мелких, преходящих, непринципиальных влияний.

В частности, деятели русского искусства сделали бы очень хорошо, если бы оставили свои совсем никому и ни на что не нужные мечты о министерстве изящ-

ных искусств, и если бы они предпочли организовать на началах международной общности задач искусства. Россия для таких организаций особенно удобна по самому своему национальному характеру. Худо это или хорошо, но несомненно, что Россия в большей степени, чем какое-нибудь другое европейское государство, проникнута если не идеями, то настроениями, несомненно, космополитическими. В этом отношении, если уж сравнивать (сравнения всегда надобно делать с большими ограничениями и оговорками), Россия наиболее подходит к Соединенным Штатам Северной Америки. И потому нам легче, чем французам или англичанам, зачинать связи такого свойства, которые постепенно распространятся на весь земной глобус, упразднят чрезмерность местных честолюбий и раздоров и блистательно преобразуют жизнь человека на земле.

Мятежные музы

Многим в наши дни кажется, что искусство есть занятие в высшей степени мирное. Этот взгляд не только очень распространен, но он и очень стар. Давно уже сказано, что при громе оружия умолкают музы. Многим из нас представляется, что в дни революций, великих политических и социальных перемен и переворотов совсем не время думать об искусстве. Не до того, говорят многие. А, между тем, едва ли можно в области понятий найти такие, которые были бы теснее связаны между собою, чем эти три — война, революция, искусство. Оглянемся на историю, и мы увидим, что искусство, если и процветало в дни глубокого мира, то совершалось это по тому же закону, по которому соловей поет слаще, если не видит своей подруги. В дни глубокого мира искусство будило совесть, тревожило сердца, непрерывно революционировало мысль! Одна и та же энергия дышит в тех грандиозных и всегда катастрофических явлениях, которые мы зовем войною, революцией, искусством. Одна и та же энергия, никогда не умирающая, всегда неодолимо влекущая человечество вперед, к завоеванию лучшего будущего, к преображению жизни, застоявшейся в оковах косного быта жизни, к созданию нового, лучшего мира. Движимый этою энергиею человек — вечный завоеватель, бунтовщик и мечтатель. И потому в жизни человека нет резкой грани между состояниями мира и войны, установленного порядка и революции, прозаической действительности и искусства. Насколько жизнь жива, насколько она избегает застоя и косности, насколько она стремится в прекрасные, озаренные дали будущего, настолько она всегда есть завоевание и революция, и всегда руководится вдохновениями искусства. Никто живой на земле не согласился бы жить, не нарушая установленных границ строя, не требуя от неподатливой и упрямой жизни завоеваний и добыч, не ставя всегда свою дерзающую волю над ветхими преградами истлевающего порядка, и не утешая себя теми прелестями и соблазнами, которые даны сердцу человека в произведениях искусства.

Мы, радостно входящие в освобожденную жизнь, не хотим верить, что войны, эти ужасные опустошения, эти отвратительные избиения самых храбрых и самых юных, все еще будут продолжаться и тогда, когда мы будем покоиться в могилах. И потому, встречая эту войну три года тому назад, многие из нас были искренно уверены в том, что это — последняя война, что она станет войною против войны.

Так ли это, покажет будущее. Пока еще не заметно верных признаков такого умиротворения нашей жизни. Но эта жажда преображения нашего мира и преображения самой психологии нашей чрезвычайно характерна для нашего времени; эта жажда преображения была свойственна и всем эпохам великих переворотов.

Велико было то напряжение тоски, страдания, отчаяния, в котором задыхался весь мир перед этою войною и перед этою революциею. Никто не решится сказать, что все переживаемое нами совершилось неожиданно. Наиболее чуткие из наших современников уже давно предчувствовали близость великой мировой катастрофы, близость тех потрясений, которые слабыми и недальновидными были восприняты так болезненно и пугливо. Эта близость катастрофы составляла пафос поэзии Метерлинка, Верхарна, русских поэтов-символистов. Кто видел далеко вперед, тот не имеет причины пугаться ныне, — страшно было жить до этой катастрофы, а теперь стало легко дышаться, как будто в душный подвал, где мы долго были заключены, ворвалась струя свежего воздуха. И вот уже нам кажется, что мы свободны, и это, конечно, ошибка, — свободны станут только наши дети, а мы все еще там, где были, в том же самом подвале, только окна открыли и местами поменялись, но у нас остается все та же психология внутренне несвободных людей, и те же прискорбные споры и разделения. Эти разделения так понятны были среди людей, загнанных в подполье, но они так прискорбны среди освобожденных! Свободы истинной мы еще не знаем, и я не знаю, сумеем ли мы научить этой свободе наших детей, — да может быть, они сами ей научатся, — но все же то, что совершилось, та революция, которую все так радостно приняли и совершили, была бы совершенно невозможна, если бы дух человека уже не был революционирован. И в этом революционировании человеческого духа состояла общественная ценность искусства, и особенно тех областей искусства, которые были противны литературным и художественным староверам и казались им течениями анархическими, индивидуалистическими, противообщественными. Как великая французская революция была подготовлена трудами французских писателей и поэтов, созданиями Вольтера, Ж.Ж. Руссо, энциклопедистов, так и наша революция давно уже приготавливалась работою наших художников слова, целым столетием этой работы. Недаром старая власть так враждебно относилась к русской литературе. Эти люди хорошо и верно знали, где их враги. Свободное слово всегда было злейшим врагом старого строя. Старый строй всячески старался поставить преграды свободному слову. Но заковать слово — задача всегда непосильная для власти, и особенно для власти, презираемой обществом. Если власть опирается на свободную волю большинства, то она может в течение некоторого времени парализовать голос правды и бороться с мнениями меньшинства, подавляя слово насильем. Но все же слово свободное и убежденное рано или поздно преодолет все преграды, кем бы они ему ни ставились, — произволом ли царя, произволом ли толпы.

Свободное же слово есть, прежде всего, слово о преображении. О преображении жизни, о преображении души, о преображении мира. Свободное слово непрерывно говорит о новой земле и о новом небе, о том обетованном крае, в который, наконец, после долгих скитаний по пустыне мира, войдет человечество, чтобы насладиться вечным миром и не нарушимою ничем свободою. Жизнь смеется над мечтами о светлом преображении, та жизнь, которая так ревниво хочет сохранить все свои

старые грани. Светлый праздник преображения она подменяет будничною работою преобразований.

Все мы знаем, что формы жизни непрерывно изменяются даже и в мирное время.

Но бывают счастливые периоды в истории человечества, когда эта постоянная работа преобразований принимает титанические размеры. Такие размеры, что количество как будто бы уже переходит в качество, и толпа, бывшая только скопищем людей, в лучшем случае хранительницею общего мнения, становится героическим народом, коллективным героем, поднявшим подвиг борьбы с роком. И тогда уже начинает нам казаться, что мы имеем дело не с обыкновенною переменою, что перед нами происходит великое и святое явление преображения. Душа наша расширяется, мы уже кажемся сами себе достойными участниками нового, просветленного мира. Нам кажется, что мы готовы, и что мы не постыдно можем вступить в новую землю мира и свободы, землю, озаренную незакатными светилами нового неба. Историческая удача момента кажется нам великим счастьем, после которого история пойдет совсем новыми путями. Когда-нибудь так и будет. Но так ли это теперь? Совершилось ли с нами и с нашею жизнью великое чудо преображения? Или, быть может, готовится совершиться? И мы на самом деле поймем, что такое свобода, равенство и братство? Если не сегодня, то, может быть, новая жизнь начинается завтра? И мы доживем, узнаем, испытаем? И будем счастливее Моисея и тех, кто вместе с ним вышли из Египта и умерли, не дойдя до страны обетованной? Кто знает! Но то, что переживаем мы, не раз переживали и наши предки.

Жаждем преображения, и все еще не имеем его. Но есть область, в которой мы давно уже свободны, область, в которой нет рабов, и если раб входит в эту область, то немедленно же освобождается.

И эта область есть область искусства. Освобождает человека только восторг творчества. Всякий, кто умеет сделать хоть что-нибудь, знает, какое великое освобождение есть в процессе созидания. Ведь человек для того и пришел в этот мир, чтобы переменить его темную и косную природу, чтобы обратить немую и глухую землю в прекрасный, благоухающий сад, в Божью ниву, в земной рай. Каждый раз, когда человек создает что-нибудь, хотя бы в области самых простых и грубых предметов, ему уже дана радость приближения к этой основной цели на земле, к устройению разумной и радостной земной жизни. Недаром же во все времена революции делаются теми, кто умеет работать, мужиками-землевладельцами, или городскими ремесленниками, или фабричными рабочими. Последняя же и совершеннейшая революция, последний мятеж, последнее восстание духа, который устремится к совершенной свободе и безвластию, это будет совершено теми, кто работают и создают, по преимуществу художниками и поэтами. Революционирование жизни — это и есть основная задача всякого поэта, всякого художника и артиста, всякого, кто знает, какие чары заключены в слове, в краске, в звуке.

Если в наши дни преображение мира кажется нам все еще несбыточною мечтою, то это потому только, что искусство все еще не ощущается всем народом как самая первая и главная необходимость. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», — сказал когда-то Некрасов, и, конечно, это верно. Но все же гражданин никогда не войдет в радость свободы, если не утвердится на незыблемом

основании вольности искусства. Даже не свободы, а именно вольности искусства. Свобода имеет границы, определенные законом, искусство же по самому существу своему никаких граней, пределов не признает и закону не может быть подвластно.

Мечта о преобразении мира перестанет быть мечтою и станет близка к осуществлению только тогда, когда множество людей на всей земле станет причастниками великих восторгов искусства, когда мечта и подвиг поэтов и художников станут достоянием обрадованных и озаренных толп. До того времени все земные перемены и преобразования бессильны изменить грубую ткань мира. Эта грубая ткань еще долго будет жестка для нас и сурова, и надобно, чтобы на хаотическое смятение жизни нашей сошло благотворное волнение восторгов искусства. Все еще не завершенным останется здание общей жизни, если оно не будет освящено благородным подвигом поэта и художника.

Вот в кратких чертах та связь, которая, по моему мнению, существует между искусством и теми великими народными движениями, которые переменяют внешний облик жизни. Война только выявляет органическое зло мира, достигшее высокой степени напряжения, и из этого зла извлекает сладчайший сок самопожертвования; в явлении войны мировое зло само себя истощает и преобразуется в некоторую форму положительного блага. Революция довершает дело войны, доводя самопожертвование до степени героического восстания во имя совершенного преодоления зла, во имя претворения его энергии в наивысшую степень гражданской доблести. Искусство же подготавливает душу человека к восприятию того катастрофического потрясения и того трагического очищения, которые даны в грозном и святом явлении революции. Неразрывна связь между этими тремя мятежными силами человеческой истории. И потому весьма ошибается тот, кто думает, что в моменты великих переворотов людям не до искусства. Сердце человека и в моменты наивысшего одушевления отбивает правильный, хотя и порывистый ритм, и без песни не совершается никакая общественная литургия, — а ведь восстание — это и есть всенародная литургия, всенародное принесение жертвы за всех.

Итак, в дни народных смятений, переворотов и торжеств не забудем об искусстве. Чем больше вдохновения и восторга, тем прочнее и чище всенародное дело.

Беседа с друзьями

Обыкновенная средняя, если хотите, даже «буржуазная» французская семья.

Единственный сын, 18-летний юноша, прямо с лицейской скамьи отправился добровольно на фронт. Уже два года, как он сражается в Шампани и у Вердена, а родные с замиранием сердца ждут весточки оттуда, из пекла смерти, пред лицом которой бесстрашно стоит мальчик с еле пробивающимися усиками, но с гордым выражением глаз и упорно сжатыми губами, чей портрет мать не снимая носит на шее в медальоне.

— Летом, может быть, мы опять его увидим. Прошлый год жили вблизи стоянки, и каждое воскресенье Луи приходил с нами обедать...

— Мы страдаем, но удержать его разве мы были вправе?.. Ведь вся страна послала своих детей, единственных сыновей, горячо любимых...

Я молчу. Я думаю о своем, — о наших. Думаю о том, что лежит сейчас на сердце пудовым камнем и давит, и гнетет, и душит.

Обыкновенная интеллигентская семья, живущая своим трудом, по идеалам весьма далекая от «капиталистов», ведущих, по мнению наших интернационалистов, «грабительскую» войну. Но, Боже мой, откуда же эта трагическая сосредоточенность и серьезность, эта решимость отдать все, но спасти честь нации? Ну, скажите искренно, в какой степени эти люди могут быть лично заинтересованы в продолжении войны, какие адские силы влекут их, давая им возможность нести невыразимое бремя их национальной трагедии? Почему г. N, отец, ни разу за время войны не посетил театров, а г-жа N, мать, певица и музыкантша, ни разу не подошла к роялю, дав клятву ничем не отвлекаться от мыслей о войне до ее конца?

— Да я и не могу. Меня ничто иное не интересует. Ведь дело идет о жизни моей страны, нашей Франции.

Театр, да, конечно... Но, когда я думаю о театре мировой драмы, о театре военных действий, уверяю вас, наряду с этим все кажется мне игрушкой, забавой, пустой тратой времени.

Мы сидели, притихшие, молчаливые, подавленные. Смотрели на эту бледную немолодую женщину с такою печалью в потускневших синих глазах, живущую в тоске и опасениях от письма до письма с фронта. Перед этим целый месяц не могли собраться к нашим друзьям. Не потому, что времени не хватало, что были очень заняты. Нет, неловко было глядеть в глаза этим людям, выполняющим свою задачу не за страх, а за совесть, знающим так хорошо внутри, наедине с собою, что такое национальная честь, долг, обязанность, отечество, родина.

А теперь пришли проститься перед летом, и сидим потупленные, не поднимая глаз, молчим, обмениваемся короткими недоговоренными репликами.

Пришел французский офицер, два месяца тому назад эвакуированный сюда для лечения. Исхудалое, изборожденное преждевременными морщинами лицо. Строгий пытливый взгляд страдальческих глаз с недоумением останавливается на нас. Поседелый, сосредоточенный, с напряженным, почти трагическим, выражением лица, он, сохраняя свою привычную вежливость и элегантность, в своем изящном френче, кажется мне истинным символом прекрасной, обреченной, уходящей куда-то в даль прошлого, аристократически-интеллектуальной культуры, которая, пожалуй, сейчас кому-то и не нужна, недоступна, а вследствие того и враждебна.

Говорим о том, о сем, лавируя, избегая острых, безумно наболевших вопросов, которые, однако, не выходят из памяти, из души, из разума, из сердца.

Кто-то из русских неосторожно говорит:

— Осенью, когда увидимся, может быть, война уже будет кончена....

— Только не для нас, — решительно и строго говорит французский офицер.

Минута молчания. Хозяин говорит:

— Нет, мы перестали ждать, перестали надеяться. Надо рассчитывать только на себя, только на то, что Франция скорее вся погибнет, чем покорится бошам. Пусть наши дети не получают от нас никакого наследия, кроме честного имени. Это вдохнет в них новые силы, даст им огромный импульс энтузиазма. Наши могилы будут служить им священным напоминанием...

И снова в нашу сторону взгляд, скорбный, полный безмерного страдания, безысходной горечи! Какая жуть в душе, какая волна обиды и самопрезрения! И мы смели обвинять этих людей, несущих с таким героическим мужеством свой голгофский крест, в легкомыслии, в поверхностности, во фразерстве!

— Скажите, будут ли нас, русских, тех, которые не захотят быть причастными к позору России, принимать в иностранное подданство? — говорит сумрачно прислушивающаяся к беседе дама средних лет.

И не получает прямого ответа.

Да и кто ответит на этот странный вопрос? Страшно уже и то, что он мог возникнуть в душе русского человека, и что его приходится слышать не так уж редко.

Прощаемся, выходим. В сумраке летней белой ночи у тротуара темнеет кучка людей, обступивших оратора в соломенной канотьеке. Подхожу, вслушиваюсь. Тусклый голос монотонно зудит все о том же... война... капиталисты... убивать братьев... за чужих кровь проливать... Жадно внимает ему кучка простолюдинов и солдат. Все так понятно, так просто, — так льнет к усталому телу, к усталой душе... бросить все к черту... теперь свобода...

Мутно на душе, гадко... Не знаю, как говорить с этими людьми, на каком языке объяснить им то, что они собираются делать. Чувствую себя с головою в мешке, со связанными руками и ногами. Хотел бы закричать на весь мир. Да что же это, наконец? Свобода... или насилие?!

Вперед! всех

Так еще недавно были дни великой радости, — мы наконец почувствовали себя освобожденными от гнета, который тяготел над Россией в течение столь долгого времени. Была волнующая радость, было светлое чувство преображения, — и это было очень хорошо. Потом скоро настали дни великой гордыни, — и это уже стало не так хорошо.

Мы вдруг начали думать, что мы — самая передовая демократия в свете и что мы призваны учить народы всего мира. Прежде были самыми последними людьми в Европе, а теперь вдруг стали самыми первыми на всей нашей планете. И наше внезапное юное самомнение было не менее заносчиво, чем гордые мечтания славянофилов. Прежде готовы были кричать:

— Шапками закидаем!

А теперь готовы победить мир, закидав его самыми великолепными идеями.

Теперь мы, легко сказать, самая передовая в мире демократия. Да почему же, однако?

А потому, что у нас теперь совершенная свобода. Например, свобода слова. И такое же совершенное равенство, и такое же братство.

Заезжий иностранец может у нас без помехи говорить о том, что русские солдаты во время войны не должны сражаться с товарищами-германцами, но что рабочие во время той же войны должны сражаться с буржуями-капиталистами. И никто у нас таким проповедям не воспрепятствует. По крайней мере, до тех пор, пока не разразится совершенно невероятный скандал.

Попробовал бы заезжий иностранец произносить подобные речи в Берлине или в Лондоне, в Вене или в Париже, — да его, пожалуй, и слушать бы не стали. А у нас Роберта Гримма слушали да похваливали. Слушали до той поры, пока он и сам, по-видимому, был рад, что его только высылают из России. Это ли не совершенная свобода?

И вот выходит, что на путях истории мы оказались впереди всех. Мы всех научим, с нашего Востока воссияет миру свет. Другие должны идти за нами.

Идем, и горделиво оглядываемся:

— Ну, где же вы, товарищи, пролетарии всех стран? Мы торим вам широкий путь.

Но никто за нами не идет. И мы немало удивлены. В чем дело?

Германцы не собираются свергать Вильгельма и производить революцию. Американцы намерены воевать со свойственным им чрезвычайным напряжением энергии. Англичане и французы вкладывают в наши лозунги свое собственное понимание и будут воевать до конца, как бы ни вела себя Россия. Даже и та демократия, которая до последних дней казалась нам воистину передовою, демократия Австралии, не погасила своих воинственных устремлений.

Мало того, что народы не идут за нами, — они перестают уже и восхищаться нами. Германцы открыто пренебрегают нами как противником, с которым не стоит считаться. Союзники начинают смотреть на нас с чувством, далеким от уважения, хотя пока еще довольно снисходительно. Даже иностранные социалисты настроены совсем не так, как наши.

Что сей сон означает?

А сон дурной, тяжелый. Угарный сон, как после похмелья.

Не идут народы за нами, да и не пойдут, потому что никому с нами не по дороге. Неудобные мы спутники, мы самая передовая демократия, и когда мы идем, мы поднимаем слишком много нездоровой пыли, которую не хочет вдыхать культурный европеец, хотя бы и социалист.

На исходе белой ночи, когда уже солнце, багряное, без лучей, встало, но еще не греет и не заставляет предметы означить свои тени на околдованной Гекатою земле, — в этот милый и томный час иду домой по улицам родного города. Гражданин с метлою в руках, медлительно и флегматично двигаясь, скребет прутьями сорную мостовую, и пыль живописными, но душными и неприятно пахнущими облаками так же медлительно колышется в воздухе. И хочется сказать метущему:

— Почтенный гражданин! Твой полусонный, тошно медленный труд нелеп и бесплоден. Ты — учитель вселенной, ты — свободный член самой передовой демократии, но ты не знаешь той азбучной истины, что мостовые следует не мести, а мыть, и что колеблемая твоею метлою пыль вредна для твоих легких, как и для легких твоих сограждан, и товарищей, и буржуев.

Впрочем, метущему это не интересно. Он скажет:

— Про то я не знаю. Сказано — мети, — я и мету. Мне-то что!

Иного он не знает, да и не хочет знать. Я продолжаю свою речь:

— Да, и многого другого ты не знаешь, уважаемый товарищ. И не хочешь узнать. И тебе все равно.

— Мне-то что! — опять говорит метущий.

И я продолжаю:

— Ты думаешь, что твой враг — капиталист, но ты не знаешь, что злейший твой враг сидит в глубине твоего существа и отравляет тебя тупым ядом лени и равнодушия.

— Котелок напялил, — ворчит метущий, — буржуй.

Я продолжаю:

— Ты полагаешь разницу между тобою и капиталистом в том, что у него есть капитал, а ты выносишь на биржу только труд. Но ты своего труда не любишь. Да и ничего не любишь. Не знаю даже, любишь ли те подсолнухи, которые лущишь с утра до вечера, которыми соришь мостовую, — ты возишься с ними просто потому, что маленькие они, берут много времени, удобны убить время досуга.

— Оно точно, — подтверждает метущий, — сколько ни лущи, брюха не набьешь.

Да, мы не любим труда, тяготимся трудом.

И это в наши-то дни, когда нужен колоссальный по напряженности труд!

— Ну его к черту, труд этот самый! Не больно он сладок, — ворчит гражданин.

Не любишь труда? Тем хуже. Если хочешь победить капиталиста, полюби труд, как всякий воин любит свое оружие. Не полюбишь, — судьба отбросит тебя в первозданную нищету.

Умерщвление слов

Говорят, что слово теперь стало свободным. Может быть. Это не мешает иным словам изнашиваться чрезмерно быстро.

Прочитал я в одной газете такое сообщение: проворовался где-то солдат; потаскивал у товарищей казенные вещи; его уличили, обвешали украденными вещами, и в таком виде повели по всему городу, причем на его шее висел ярлык с подробным обозначением его имени, звания и совершенного проступка. Ошельмовали человека наказанием весьма унижительным. Но газета так об этом говорит: «солдаты провели товарища-вора». Почему же, однако, такое странное наименование. Как может вор быть товарищем солдата. Если, и совершив случайный проступок, но подавая надежду на исправление, он не утратил товарищеского доверия, и если те же солдаты опять примут его в свою среду, то шельмовать его не следовало. Звание солдата и всегда считалось по закону почетным; теперь оно должно быть еще в большем почете, потому что солдаты получили гражданские права. Они будут выбирать в Учредительное собрание, стало быть, участвовать в установлении основного закона для страны. Воры не должны бы давать законов государству, — ну а товарищ-вор как(?) Ошельмованный-то. Тоже подаст голос.

Что-то выходит нескладное.

Еще более тягостное впечатление произвело на меня письмо одного вольноопределяющегося. Он с большим негодованием рассказывает о том, как солдаты убили своего офицера и потом глумились над его трупом. Автор письма обращается к чести и совести убивших (так как теперь свобода слова, то, пожалуй, опасно называть убивающих убийцами), и весьма трогательно объясняет им, как нехорошо, что това-

рищи-солдаты издевались над трупом товарища-начальника. Человек писал искренно, от всего сердца, и все же слова его звучат кощунственно.

Представьте это себе сами. Вот перед нами два человека (товарищи), — один из них, зверски убитый, привязан к хвосту лошади, и бьется мертвою головою о камни (товарищ-начальник), — и другой смотрит на это зрелище, подпирает бока окровавленными руками, приседает от восторга, ухает, свищет и хохочет (товарищ-солдат).

Ну что ж, если товарищи, приведите же товарища-солдата к матери товарища-офицера, и скажите старой женщине:

— Мать, пожми эту руку. Вот это — товарищ твоего сына. Он тебе расскажет, как он и его товарищи провожали твоего сына в последний путь, как они отдавали ему последний долг. Он расскажет тебе о боевом коне и о смертном ложе твоего сына. И не плачь, — товарищ-солдат научит тебя смеяться над милым прахом.

И приведите товарища-солдата к невесте товарища-офицера, и скажите молодой девушке:

— Невеста, лобзанием сестры подари этого человека. Он — товарищ твоего жениха. Он расскажет тебе о последних минутах твоего милого. Заплачь перед ним, — твои вопли позабавят этого человека, который нанес последний удар твоему милому, — удар милосердия, — штыком в сердце.

Вы этого не сделаете, — так и не называйте же убийц, предателей и трусов товарищами доблестных героев. В ответ на прекрасные провозглашения свободы, братства и равенства ужасная действительность голосами множеств дает роковой ответ, вопит неистово, будя наш разум и нашу совесть.

— Нет, мы не свободны, мы не равны, мы не братья.

И разделяется народ не на буржуев и пролетариев, — перед ужасным явлением всенародного позора и гибели стирается это неумное разделение, — он разделяется на отважных, доблестных, самоотверженных, тех, которые достойны лучшего жребия, — и на изменников и презренных трусов.

И даже нельзя слишком негодовать на тех солдат, которые бегут пятеро от одного врага, бросают оружие и кричат:

— Караул!>

Они пошли на фронт, преступно размитингованные и совершенно не обученные своему воинскому делу, и виноваты те, кто их распропагандировал, и кто их в таком виде послал. В конечном счете, без сомнения, виноваты очень многие из нас, потому что теперь-то уж мы не имеем права во всем обвинять, как до революции, безответственную власть. Ведь мы и есть — революционный народ, и что мы хотим, то в нашем государстве и делается.

Да, хорошо, что доблестный Бурцев, не смущаясь свирепою бранью, клеймит одного предателя за другим: слова гнева еще долго останутся у нас в России живыми словами, меж тем как многие прекрасные, но преждевременные слова и лозунги неудержимо блекнут и умирают. Умерщвляют их людская низость и людское невежество. Это — наши злейшие враги, и спасение от них одно — моральная революция. Та революция, которой у нас еще не было, о которой мы по-настоящему еще не думали.

Над классами

После стольких дней тягостного уныния видим, наконец, какое-то подобие просвета. Словно через очень густые тучи пробивается первый, еще мутный луч солнца. Люди начинают понимать, что они наделали, как жестоко расправились они с великими завоеваниями революции, как тяжко оскорбили они завоеванную трудами многих поколений гражданскую свободу, и поняли, что необходимо напрячь все силы для спасения. Надо спасать, — что спасать? революцию? Россию? Попытка поставить революцию выше России оказалась гибельной, и теперь разве только духовно слепой не видит, что вчерашний враг России остается ее врагом и на ее новом свободном пути.

И вот чувствуем явственно перелом настроения. И уже знаем, что надо спасать Россию, и что только в борьбе за родину найдем спасение великих завоеваний революции. И уже есть надежда, что жестокое разъединение наше кончается, что для того гнусного яда, который обильно посеян германскими агентами на почву родной земли, родная свобода нашла сильное противоядие. Совещание в Москве объединит все классы, все слои общества в едином, спасительном гражданском порыве самоотвержения и подвига перед грозящею опасностью позора, расхищения и гибели родной страны.

Или надежда обманчива? Или перед грозным натиском верных двум императорам войск простодушные политики наши все еще будут заниматься полезным делом углубления классово-борьбы?

Да, справедливые интересы трудящихся должны быть ограждены. Но почему я должен ломать шапку даже и перед вором и проходимцем, если он именуется пролетарием, и почему надобно забрасывать грязью даже и честного, и благородного человека, если к нему припилят ярлык буржуа?

При оценке жизненных явлений не то существенно для жизни человеческих обществ, кто в данный момент берет верх, капиталисты или рабочие. Гораздо существеннее получить ответ на вопрос: увеличивается или уменьшается при этом сумма добра или зла на земле? Только в ответе на этот вопрос лежит разгадка будущих судеб наших. Для меня несомненно, что классовая борьба, обостренная в наших условиях, да еще при нашей некультурности и несознательности, при совершенном, младенческом незнании и непонимании вовлеченных в борьбу множеств, не может не увеличить на очень длительный период сумму зла в нашей родине. При наших условиях чрезмерно развиваются в этой борьбе не только (и не столько) высшие стороны духа, но и гораздо сильнее наихудшие качества человека: тщеславие, корыстность, зависть, лживость, трусость, доносительство, угодничество, — и это не в одном каком-нибудь классе, но во всем населении. Словно вся страна становится зараженной этою тяжкою моральною эпидемиею, страшным нравственным помешательством. Повсюду совершаются безумные дела, слышны нелепые речи, и человек, еще не зараженный этою общею болезнью, чувствует себя неловко и бесприютно, один здравомыслящий в толпе буйных помешанных.

Стоящие у власти несут большую тяжесть, но и многое могут сделать. Установления могущественнее людей, а установления создаются не толпою, не множеством, не народом, — они создаются вождями людей. Удачны они бывают или иногда неудачны, годны для людей, и тогда прочны, или непригодны для них в данной обста-

новке, и тогда истлевают скоро, — но всегда они — дело тех, кто правит. Всему населению должны быть открыты широкие возможности образования и развития своих способностей, но совсем не надо наделять особыми привилегиями один класс, да и при том тот именно, в котором менее всего знаний. Жизнь надобно завоевать, а завоевать ее можно только победою, а победу надо организовать, а сделать это могут только люди больших знаний, большого опыта, большой инициативы. Ведь дело не в том, чтобы творить волю революционной демократии, волю народа, а в том, чтобы устроить эти расколовшиеся и нестройные множества. В этих множествах есть, правда, и власть, и сила, но нет свободы и нет равенства.

Государственное младенчество

Легко было бы управлять государством, если бы все дело сводилось к провозглашению и утверждению свобод. К сожалению, кроме гражданской свободы, существует еще и государственная необходимость. Она зачастую противоречит свободе, но, в конечном счете, служит утверждению свободы. При том моральном и умственном уровне, на котором стоит современное человечество, оно не может еще пока обойтись без государства в его современной цивилизованной форме. Все, влекущее за собою ущерб интересу государственному, в конечном итоге поразит свободу гражданина в большей или меньшей степени.

Государственная необходимость, стоящая перед Россиею, есть необходимость довести войну до такого положения, чтобы можно было выйти из нее без унижения и великого ущерба. Хотим мы этого или нет, нам необходимо сражаться теперь с центральными державами, если мы не решимся идти на совершенное раздробление и разорение нашей земли, если мы не решимся оставить нашим детям тяжелую и горькую долю.

Все мы знаем, что война — величайшее несчастье, но из этого не следует, что это несчастье надо усугублять изменою, предательством, трусостью, разгулом низменных страстей. Как совершенно правильно сказал на днях Бонар Лоу в парламенте, результаты этой войны должны показать, будет ли земная жизнь управляться силою добра или силою зла. Необходимо во что бы то ни стало добиться достойного конца войны. А для этого необходимо прекратить тот развал страны и армии, который создан прискорбными ошибками политических вождей.

Идеалистично настроенные люди взялись за власть без ясного понимания свойств тех людских множеств, которым они пожелали даровать счастье. Оказалось, однако, что эти множества чрезвычайно пестры по составу. Громадное большинство народа, как всегда, как везде, обладает теми прекрасными свойствами, которыми оправдывается требование утверждения демократического строя. Но это большинство еще не сказало своего слова, да и не разобралось еще в лозунгах и программах. По всей вероятности, оно и до сих пор голосует вслепую; по всей вероятности, его свойства и желания совершенно не таковы, как это представляется случайным, сегодняшним хозяевам положения. По всему видно, прежде всего, что это большинство очень стоит за институт собственности, и социализм понимает только в том простейшем толковании, что твоя земля, если у тебя много, станет моею, если у меня мало.

Эта наивность народных масс дает возможность устраивать эффектные голосования, но в той же наивности таятся многие неожиданности и разочарования для тех, кто бессознательный вотум принимает за глас воли народной. Воля народная скажется в свое время, а как, этого нельзя предсказать. Это будет зависеть от того, чьи ошибки и чья правда окажутся показательнее на роковом опыте. Пока же эту наивностью пользуются не столько идеалистически настроенные вожди, сколько очень разнообразный набор людей своекорыстных или увлеченных. И кого только здесь нет, в этом примазавшемся к революции сброде! И обманутые фанатики, и хитроумные германские агенты, и мечтательные мальчишки, и хулиганы, и люди с уголовным прошлым, и выбитые из колеи искатели приключений, и холодные карьеристы всех разборов, и расчетливые любители крупной наживы, и мелкие негодяи, воспользовавшиеся случаем стянуть и на свою долю кое-что, и перекинувшиеся в большевизм городские и жандармы, и самые обыкновенные люди с низменной натурой, ухитряющиеся из всего выжать сок гнусной мерзости, и многие другие, всех не перечесть. Вся эта орда шумит, суетится, кричит громче всех, вершит дела и создает общественное настроение. Из среды этих людей раздаются самые громкие крики о великих завоеваниях революции и о гнусных происках контрреволюции. Эти люди сознательно или незосознательно обманывают народ и предают Россию, а когда их шулерская или слишком азартная игра оборачивается против них, они принимают очень благородный вид и клянутся в своей невинности. Да многие из них и впрямь не ведают, что творят. Те же из них, которые похитрее, сумеют своевременно скрыться за пределы досягаемости.

И вот эту-то теплую компанию простодушные люди, правящие Россию, совершенно серьезно и доверчиво отождествляли с лучшей частью революционного народа. Этим людям безвозбранно разрешалось развращать народ и армию. Во имя чего? Во имя свободы? Но свобода терпит низости и предательства. Во имя революции? Но революция совершилась не для того, чтобы опозорить и раздробить отечество. Во имя международного братства трудящихся? Но поражение России усиливает прусское юнкерство, и будет использовано внутри страны во вред демократии.

Я думаю, государственные младенцы и сами не знали, зачем и для кого все это они проделывают. Удалению Милюкова и Гучкова были рады германцы (хотя бы по одному тому, что Милюков не пускал в Россию Гримма, а без Милюкова его пустили), финляндской и украинской авантюрам радуются они же. Да что радуются! Все это было ими продиктовано, большевиками по их политической близорукости исполнено, государственными младенцами по их высокому идеализму допущено. А народу российскому все это было не нужно.

Солдатам, как таковым, совсем не нужно было разращение армии, не нужен был развал порядка, не нужно было разрушение дисциплины. Им не нужны были ни митинги на фронте, ни участие в голосованиях в тылу. Все это подсказано демагогами, авторами нелепых приказов. А то, что им действительно было нужно, дано было уже самым водворением нового строя в России. Армия должна была оставаться армией, иначе ее ждало поражение, — это и сказал в свое время действительно мужественный гражданин генерал Ромейко-Гурко. Его не пожелали слушать, теперь пришлось выслушать гораздо более горькие и резкие слова другого доблестного гражданина, генерала Корнилова.

Российскому гражданину не нужен был тот развал порядка, который всю жизнь в России сделал во много раз нелепее, сумбурнее, опаснее, чем год тому назад. А то, что гражданину действительно было нужно, было дано ему тем самым движением, которое объединило весь народ вокруг Государственной Думы.

Теперь очень склонны забывать тот несомненный факт, что успех революции был в значительной степени обеспечен тем, что Государственная Дума совершила в памятные дни переворота. Никакая другая организация в России не могла бы сделать то, что ни в народе, ни в войсках не произошло в те дни междоусобия. Небольшого количества дисциплинированных солдат было бы достаточно, чтобы подавить февральское восстание, как было подавлено июльское. Этих солдат отвратил от Петрограда авторитет Государственной Думы.

Государственные младенцы, а с ними и мы все, забыли это. Государственная Дума нехороша, — она цензовая. А какое же собрание в России — не цензовое? Признаки «рабочий, солдатский» — разве это не ценз?

И вот мы остаемся без законодательных палат в самые роковые минуты нашей истории. И дела государственные обсуждаются только митинговым порядком, да в кабинетских собраниях возвышенно настроенных идеалистов.

Если государственному младенчеству будет положен скорый конец, то это будет счастьем для России. Но это не должна быть диктатура. Даже и теперь избави нас Бог от диктатуры! Должно быть сильное и правильно составленное Временное Правительство, опирающееся на всенародный вотум.

Древняя история

Разговор

— Когда все это было? До или после Рождества Христова? Все это — взятие германцами Варшавы, Риги и других городов.

— Что за вопрос? Это все — самая живая современность.

— Да? Откуда же этот академизм рассуждений, как будто речь идет о временах давно прошедших? Когда-то в глубине веков основывались и рушились великие царства, возникали, распространялись и угасали великие культуры. Историки повествуют об этих славных и знаменательных явлениях, разбираются в сложной запутанности их причин и последствий, нередко спорят между собою. Полемика ученых людей принимает иногда резкие формы и приводит к острым столкновениям. Пролливаются ручьи чернил, изливаются словесные реки. Слушатели, заинтересованные вопросами древней истории, вникают в аргументы и старательно повторяют то, что говорили знаменитые историки Шингарев и Некрасов и что отвечали им не менее знаменитые историки другой школы — Чхеидзе и Прокопович.

— Да нет, вы путаете, это же вовсе не историки, а современные политические деятели. И разбираются они не в обстоятельствах Первой Пунической войны, — они озабочены тем, что делать в теперешних обстоятельствах.

— А те перенумерованные тезисы, которые всеми этими господами так усердно защищаются? Разве это не тезисы докторских диссертаций?

— Так ведь это же пункты резолюций!

— Резолюций много, но где же дела? Резолюций много, но где же слова живого человеческого чувства? Где же слова, делающие чудеса?

— Чудес не бывает.

— Но все же, почему же этот гром рукоплесканий, когда говорят о несчастьях и позоре великого государства?

— А что же вы хотите, чтоб люди не выражали своего одобрения тем мыслям, с которыми они согласны?

— Да, я хочу, чтобы люди не выражали одобрения или неодобрения, согласия или несогласия, — я хочу только того, чтобы русские люди попросту, без громких фраз, почувствовали, что они любят Россию, что они не дадут ей погибнуть, что в этот грозный час ее жизни они сплотятся все вместе, забудут свои раздоры и, каждый на своем месте, сделают все, что могут.

— Не понимаю, чего вы хотите. На нашем заводе и так работают с 7 часов утра до 3 часов дня; конечно, перерыв для обеда включается в то же время, — не евши нельзя работать.

— Но ведь враг у ворот нашей столицы!

— Тоже надо разобраться, кто в этом виноват, и кому это выгодно.

— Пока вы будете разбираться, время не ждет, события развертываются с ужасающею быстротою. А в это время почтенные и умные люди прохладно разговаривают. Глядя на них, шлепает губами и вся Россия.

— Мы не губами шлепаем, а говорим, что необходимо немедленно заключить мир, достойный великих демократий Европы. Наши противники имеют на этот счет свое мнение, конечно, в корне неверное. Мы посылаем агитаторов, и они стараются убедить всех граждан в необходимости немедленного заключения мира без аннексий и без...

— Да, да, это всем известно. Но ведь вот германцы на это не согласны.

— Это еще неизвестно. Надо с ними переговорить, и надо постараться убедить их.

— А если они не согласятся?

— Ну вот, отчего им не согласиться! К Покрову солдаты все равно домой пойдут. Нет, солдаты домой не пошли. Началось нечто совсем иное.

Развал

Смотрю со своего балкона на Волгу, — красиво и пустынно. Иногда пробежит по синей излучистой глади «дачник» или розовый «Самолет» с красным поясом на трубе. Редко-редко тяжело пыхтящий буксир протащит нагруженную чем-то баржу. В прошлом году на Волге оживленнее было: везли хлеб, хлопок, лес. Нынче оживление перешло в другие места, переплеснулось на улицы, площади и дороги, переплелось с нудною ерундою безграмотных речей, и цепенеет в пластах пыли и сора.

Вот на улице тихого, хотя и фабричного, поволжского города стоит маршевая рота, — сегодня идут на фронт. Напутствует ее речью (непреренно речью, — вся Россия исходит словотечением) член нового городского самоуправления. Говорит о классовой борьбе, о буржуях и о пролетариях. Говорит тем необычайно повышен-

ным тоном, к которому все привыкли до усталости, до скуки. Солдаты, уже достаточно распропагандированные, слушают с вялым и скучающим видом: они уже и без того готовы исполнить все то, что им внушили. Неизвестно, умеют ли они стрелять, окапываться, все ведь это пустяки, мелочи, — как говорила шутливая школьная поговорка, «наплевать на букву ять, важно общее развитие». Развитие же они получили: как говорится в одной моей песенке 1905 года, «наши командиры знают всю словесность», и все аргументы против «буржуазов» крепкими гвоздями вбиты куда следует.

Вот с палубы «дачника» смотрим на пробегающий назад город. От нижней набережной до воды тянется большой пустырь на пологом, сорном берегу: строиться нельзя из-за весеннего половодья и осенних паводков; набережную построить на культурный лад — нет догадки, денег, любви к труду и к порядку, нет самой элементарной бережливости и расчетливости. Наглядное доказательство небережливости и нерасчетливости тут же: на берегу, от набережных строений и до самой воды поставлено громадное количество полениц. Дрова березовые, очень хорошие. Тянутся поленицы чуть не на версту. Все выложены вдоль реки, ряд за ряд, вверх по откосу. Сложены плохо, коряво, горбато, криво.

Рядом со мною стоит «буржуаз» и ехидно улыбается.

— Вот, — говорит он, — сложили дрова, осенний паводок снесет чуть не половину. Так и поплывут поленья по Волге.

— Так зачем же они здесь сложены? — спрашиваю с удивлением.

— Что же, — отвечает «буржуаз», — они теперь хозяева, товарищи-то. Знающие люди видят, конечно, что не дело, но ведь что ж поделаешь! Везде так. И хоть бы они поленицы поперек берега ставили, подмыло бы только крайнюю клетку, а то, как вода тронет, так сразу вся поленица в воду повалится.

Ну, что же, люди на деле учатся. А все-таки дров жаль. Чем валить их в Волгу, лучше бы отправить в Петроград: ведь там из-за недостатка топлива в декабре и январе школы закроются.

А, впрочем, что нам школы! Мы и так — самая передовая демократия в мире (или, по Мануйловскому начертанию, в мире). Учиться надобно немцам; они, по своей бездарности, без науки не могут; сами научатся, и нам расскажут. Поэтому, когда у них в Берлине оказался недостаток обуви, учащиеся стали приходиться в школы босиком, и все-таки ходят и учатся.

Что школы! А вот без хлеба не прожить. А насчет хлеба — туго. По средней и нижней Волге у мужиков хлеба много, прошлогодний кое-где еще не обмолочен, есть и позапрошлогодний. Одна Волга, хвалятся здешние, может прокормить всю Россию. Но не выпускают хлеб из деревни в город две причины: твердые цены и казенная продовольственная волокита.

Говорят, бывали такие случаи: привезут мужики хлеб, а принять его некому, — еще не начинался восьмичасовой рабочий день приемщиков. Ждут, ждут, сдадут кое-как, денег получить нельзя: восьмичасовой рабочий день в кассе кончился. А люди у приемки и в конторе сидят новые, мужикам незнакомые, верить им — сомнительно, кто их знает! И канительно, и беспокойно. Говорят, иногда подводы с хлебом поворачивают и уезжают. Второй раз та же подвода не приедет, — деньги не так

уж очень нужны, дома еще есть, а твердые цены таковы, что торопиться с продажей хлеба не стоит: на полученные деньги в городе дают товару, нужного деревне, обидно мало. Все городское дорого, и мужицкий хлеб обижается. Обижается и прячется.

Так как хлеб все же нужен, а купить его те, кому это официально поручено, не умеют (ждут, что сам придет, а хлеб чванен, сам за брюхом не ходит), то стараются купить его тайком, по вольной цене. Одна наша знакомая крестьянка жаловалась:

— Приехали ночью два черные, юркие. Продай, говорит, хлеба, дадим, сколько хочешь. Откуда они знают, что у меня хлеб есть? Не дала я им ничего.

И понижая голос:

— Вот тебе, А.Н., продала бы по 10 рублей.

Не знаю, дорого это или дешево. Купили бы, да ведь вот пришлось читать на днях, что у приезжающих в Петроград отбирают съестное. Это, конечно, в самой высокой степени глупо, если это верно: чем въезжающий в город, где хлеба мало, повредит общественному благу, если привезет с собою и для себя костромской хлеб, тамбовскую ветчину, шекнинскую рыбу, и тем самым освободит на некоторое время от своих требований запасы пищи в городе? Казалось бы, это только полезно для общества. Но вот, сообщение об этой идиотской заставе на питерских вокзалах я читал, а опровержений пока не видел. И, судя по общему развалу и нелепости современной русской жизни, удивляться этому не приходится. У нас все возможно.

Костромские бабы начали беспокоиться, — будет голод. Костромские большевики уверяют их, что голода не будет, и что толки о голоде — только происки мукомолов, которые хотят отмены твердых цен. Положим, этого хотят не только мукомолы, но и деревенские мужики. Но у большевиков своя логика. Один из них говорил на митинге протеста против Московского Государственного Сопещения, что Россию надобно разрушить окончательно, благо она начала разрушаться, и на развалинах построить новое здание.

Это, может быть, и не глупо, но городские бабы с этим не согласны. Они хотят хлеба и не согласны ждать, пока что-то разрушат и что-то новое построят. Им захотелось обеспечить себе возможность иметь хлеб вот именно в эту зиму, пока еще Россия существует в ее настоящем виде. Вопросы государственного и социального строительства они представляют себе смутно и рассуждают попросту:

— Когда купцы хлебом занимались, они умели купить хлеб и продать. Теперь продовольственные управы этим занялись, и хлеба не видно.

И требуют, чтобы хлебное дело перешло к местным мукомолам. Уверены, что если это им позволят, и если твердые цены отменят, то мукомолы и теперь хлеб успеют купить и привезти.

Уездному же и губернскому земствам и продовольственным управам не очень-то доверяют не только городские бабы, но и все местные деревни. В этом отношении очень знаменательно уже попавшее в газеты известие, что в нашей губернии при выборах в волостные земства крестьяне отвергли партийные списки и хотят голосовать по участкам за лично им известных кандидатов, избирая от каждого участка по одному представителю, что и составляет сущность мажоритарной системы выборов.

Пока же везде развал, нелепица, леность, гнойное словоизвержение и полное нежелание энергично работать. И одна только надежда на крепкий хозяйственный

смысл мужика, который, может быть, очнувшись от усердно прививаемого ему «ограбного» яда, спасет Россию.

Спасется же она, конечно, — если ей суждено спастись, — не властными речами наших превосходных и высокоталантливых министров, а чрезмерным напряжением труда. Побеждает нас не Германия, а наша собственная, дикая и тупая распоясанность.

Сонная одурь

— Страшен сон, да милостив Бог, — бормочет спросонок обыватель, переименованный ныне в гражданина. Поворачивается на другой бок, и засыпает. Между тем, над Россией носятся вдохновенные, прекрасные речи политических деятелей и наших превосходных министров. Наконец-то, после такого множества бездарных и своекорыстных прислужников ненавистного царизма мы видим на вершине власти людей, которые знают, что надобно для России, людей, которые умеют вывести ее на верный путь, и слышим благородные, возвышенные речи. И как же без речей. Слишком долго молчали лучшие люди в России, домолчались до дней общенародной беды, до дней общенационального позора. Теперь надобно спасать, делать великое, разумное дело. По завету Шиллера, данному в «Песне о Колоколе»,

Разумный труд, начатый нами,
Разумных требует речей.
Работа с мудрыми речами
Пойдет успешней и быстрее.

Правда, кроме речей, мы знаем и другие средства, которыми пользуемся не менее усердно, чем речами, и самое милое для нас средство — забастовка, противоположность работы, ее приостановка. Хотя она и не повышает производительности труда, но зато повышает заработок. Кроме того, дает лишний досуг для произнесения и выслушивания «разумных», по устаревшему, наивному определению поэта, речей.

В том человеку честь и слава,
На то и светлый разум в нем,
Чтоб размышлял он в сердце здраво
О каждом подвиге своем.

Честь, слава, а также и интерес класса. Светлый разум, а также и здоровая глотка. В сердце, а также и в желудке. Насчет подвига — это, понятно, окончательно обветшалое слово, и живо оно только для тех немногих, кто знает, что такое доблесть, честь, самопожертвование, отечество, Россия. Итак,

Обдумаем прилежно,
Что слабой силой совершим.
Презрен, кто действует небрежно,
Не думав над трудом своим.

А главное, по современной русской версии, не поговоривши «ни» с кем. И говорят, говорят, говорят. Хорошо говорят. Может быть, будущий составитель хрестоматии красноречия 1917 года и не найдет, что было много классических, достойных бессмертия, речей, может быть, он будет даже утомлен некоторым однообразием этого

красноречия, но все же номер газеты читается с отменным удовольствием. Правда, дурные вести отовсюду сильно портят эстетическое впечатление, но что же делать. К сладостному всегда примешано горькое, и хорошее познается особенно отчетливо по сравнению с худым. Прекрасны речи, отвратительна действительность, — тем хуже для действительности.

А все-таки, однообразии речей начинает тревожить. Ждешь новых слов, и слышишь все те же. События несутся огненной чередой, история с лихорадочной поспешностью чертит все новые и новые страницы, чертит огнем, и кровью, и более красною, чем кровь, и более рдяною, чем огонь, краскою позора и обиды. А слова все те же, горячие, благородные, прекрасные, но все же не зажигающие сердце восторгом.

Льются пламенные речи, а дела идут своим чередом, все хуже и безнадежнее. И кажется, что Россия все еще дремлет, что она все еще никак не может очухаться и понять, что с нею. Ярые огни войны и революции все еще не прожгли толстой коры ее тупого равнодушия.

— Россия в опасности.

Слышали давно.

— Россия на краю гибели.

Знаем.

— Россия погибает.

— Авось, не погибнет.

— Россия уже летит по крутому склону бездны.

Небось, зацепится, удержится. А в крайнем случае, и с немцами можно жить. Они же платят за работу.

Тупое, сонное равнодушие, леность, пассивность. Не хотим воевать, не хотим работать. Хотим высоких заработных плат, а отечество пусть «буржуазы» спасают, если оно им мило.

Огни революции, воодушевления, восторга, кто же их затоптал и залил(?) Мнится иногда, что стоит над Россиею некий колоссальный и гнусный Гулливер, одною ногою на Берлине, другою на Стокгольме, и заливает тем же способом, каким он заливал пожар в столице пигмеев. Вот, самый воздух бытия нашего дышит на нас нестерпимым, смрадным срамом, а мы, поворачиваясь с боку на бок, бормочем:

— Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей.

Или, пытаюсь повернуться спиною и к фронту, и ко всей России, ведем обывательские, нудные, пошлые речи. И посмотрите вокруг, — как много везде благополучных, сытых, жирных, тупых, ленивых, тяжелых на подъем и легких на злословие.

Бывают встречи, в которых синтетически воплощается смысл этой сонной одури. Сидят в каюте дачного парохода две толстые молодые дамы, и беседуют. В тот день, когда опять газеты принесли нестерпимо горькие вести, о чем разговор, о чем мысли этих розовых пышек.

— У меня в городе большая комната, — говорит одна, — и две печки. Даже в самые морозные дни было не меньше 19 градусов. Просто дышать нечем.

— Я тоже люблю тепло, — отвечает другая, — когда я была барышней, у нас тоже было градусов 20, а я спала головой к печке и под тремя одеялами.

— Мне знакомые завидуют, — хвастается первая. — Анна Ивановна говорит: у нас свой дом, и то мы зимой не можем выше 16 градусов натопить, а вы в комнате живете, и то дышать нечем.

У обеих щеки трясутся от набитого там дряблого жира, и животы колышутся тучно. И на тупых, розовых лицах незримо, но внятно для «имеющих очи, чтобы видеть», напечатлен их боевой лозунг:

— Жрать и дрыхнуть. Наивный, чистосердечный Шиллер в той же «Песне о Колоколе» определял долг мужа:

Муж должен потом
В бой с жизнью стремиться.

А русская действительность добавляет:

— Стремиться к высокому окладу, к высокому заработку, но не к высокому качеству работы.

И русское государство угодливо выбрасывает бумажные деньги на сотни миллионов, на миллиарды. И чем меньше, чем ленивее работают люди, чем меньше они производят предметов и чем хуже эти предметы, тем больше получают люди, и тем дороже предметы.

Развращенные празднотанием и ничегонеделанием, люди державы Российской все более и более тяготеют трудом, и меньше работают, и хуже. Из школ изымается обязательное преподавание Закона Божия, но православные праздники неукоснительно соблюдаются. Дети не обязаны будут знать о Христе, о Марии Деве, но, вместе с взрослыми, будут праздновать все церковные праздники. В самое трудное для государства время работа останавливается только потому, что в этот день священники служат обедню, на которую не пойдет громадное большинство не желающих работать в чужой их душе праздник. Ох ты, русский сон, уж и долог ты. Уж и темен ты, старый лиходей.

Но неужели так, похрапывая и посвистывая носом, и в вечность отойдет великая Россия, страна предков наших, милая сердцам нашим родина, земля Петра Великого и Александра Пушкина? Где пламенные слова, которыми ее разбудить, ее, тяжело дремлющую под словесные громы наших Златоустов, ее, быть может, еще слаще убаюканную этими потоками красноречия? Никто не знает этих слов, никто никому не верит.

А все-таки!

Как ни скверно нам живется, как ни тесны пути перед нами, а все-таки надежда не должна покидать нас. Пусть обстоятельства (скажу так, чтобы не обвинять людей несчастных и заблудившихся) заставляют нас встречать Новый год при бледном свете керосиновых ламп и оплывающих пальмовых свеч, все-таки мы его встретим, все-таки над тусклою скукою наших дней усилиями надеющегося сердца мы вознесем радость новогодних ожиданий.

Ведь все на этом свете зависит от нас самих. Не все, — вы скажете? Но все же очень многое. Надобно только очень сильно хотеть, и надо знать, чего хочешь, и надо постоянно и упрямо хотеть одного и того же.

Чем берут германцы? Им тяжелее, чем нам, но они держатся победителями. Возможно, что они достигнут если не всего, чего хотят, то очень многого. А достигают многого они только потому, что умеют хотеть. Они умеют быть упрямыми и настойчивыми.

На этот Новый год я многого хотел бы пожелать России, но все мои пожелания связываются в один узел, окрашиваются в один цвет. Все они сводятся к одному настоятельному требованию, — научитесь, наконец, хотеть и добиваться своего! То, чего достигли до сих пор, достигли русские люди не от силы, не от воли своей, а от своей слабости, усталости от великого отчаяния и уныния. Захватили наскоком, и уже готовы взятое выронить из рук. И уже страхи ползут по лицу земли русской. Но да не исполнятся злые предвещения! Мужайтесь, русские люди!

Научитесь хотенью упорному,
Наберитесь ликующих сил,
Чтоб зовущий к пристанищу черному
Вас косою не скосил, —
И поверьте великим вещаниям
Что свобода не ведает зла,
Что она только ясным желаниям
Силу жизни дала!

Может быть, нас ждет невыгодный и даже позорный мир. Это — великое несчастье для России, для всех нас. Но и несчастья надо переносить мужественно и твердо. Из всякой ямы можно подняться, если есть воля, есть упрямое хотение. А можно погибнуть, сломать себе шею и на ровном месте, если слаба в человеке воля, если разные желания увлекают его в разные стороны.

Чтобы воля наша привела нас к достижению желанного блага, необходимо, прежде всего, очень отчетливо знать всегда, чего хочешь, и совершенно ясно сознавать, что возможно сделать в данных условиях. Ведь все то, что мы видим вокруг себя, каждый день заново свидетельствует нам, что люди, взявшиеся облагодетельствовать Россию да заодно уж и весь мир, совсем не отдают себе отчета в различии осуществимого теперь же и пока еще невозможного. Хотят сразу достигнуть всего, и рискуют повредить и тому малому, чего можно теперь достичь. Явно для всех знающих людей берутся за дела, которых даже и не знают толком.

Один из величайших недостатков современной России в том и состоит, что мы, в общем, ужасно мало знаем. От этого незнания нашего происходит значительная доля неустройств и неудач наших. И потому, самое первое пожелание на Новый год:

— Учитесь как можно больше и усерднее, и не только детей ваших учите, но и сами вы, взрослые, учитесь, читайте, посещайте выставки, школы, музеи, все места, где можно приобрести знания. Изучайте природу, математику, историю, не тратьте времени попусту, учитесь!

Чем больше учится человек, тем больше он начинает ценить то хорошее, что есть в жизни, что создано до него трудами многих поколений, и тем менее он становится склонным к разрушению и уничтожению. Жизнь перестает быть для него каторжною пустынею, где он несчастен и обездолен. Знание открывает перед ним много возможностей, труд и упорство в труде и в хотении помогут ему достигнуть

того, чего он хочет. Знание — первое и самое важное орудие для завоевания себе и другим счастливой жизни на земле.

Знание ставит перед человеком прекрасные цели, постоянство дерзующей и упрямой воли ведет человека к достижению этих целей.

Итак, да процветет в России знание, труд и упорная воля! Жить нам теперь очень тяжело, — а все-таки мы будем надеяться на светлое будущее, а все-таки будем верить, что Россия не погибнет!

1918

Солоно

Уже так всем нам в России тяжело и солоно, что тяжелее да солонее и быть не может. Россия, конечно, не погибнет, в это я верю, и без этой веры как же можно было бы жить! А если и погибнет на время, то в свой срок, Богом определенный, она же воскреснет. Да вот теперь-то нам трудно.

«Утвердят» мир, нет ли, — самое странное в нашем положении не то, что германцы так внезапно и так успешно насели на нас. Самое тяжелое для нас и самое страшное — внутреннее наше разделение. В эти грозные и решающие всю судьбу великой страны минуты все еще не рассеялось то безумие, которое заставляет людей искать, как и при царях, «внутреннего врага». Этот враг — контрреволюционеры, буржуазия, интеллигенция. И этому врагу «трудового» народа приходится теперь, по компетентному свидетельству, солоно.

Кому, однако, солоно? Уж не говоря о том, что солоно теперь всем, кто еще любит свою страну, хотя бы как «социалистическое отечество», — неужели можно утешать себя тем, что солоно признать буржуазии?

Вот, разговаривал я с женою и дочерью одного русского профессора, у которого есть маленькое имение в Новгородской губернии. «Буржуями» называть всю эту семью можно разве только в припадке слепого беснования. Типичная интеллигентская русская семья, живущая духовными интересами и никаких буржуазных устремлений не имеющая. Клочок земли, правда, есть, и на нем культурное хозяйство. Но ведь только у нас в России ведение культурного хозяйства можно считать буржуазною прихотью, для трудового населения страны не имеющею никакого значения. Но, как бы то ни было, этой буржуазной прихоти приходит конец.

С имением поступлено по всей строгости революционных законов. Взято все, что можно взять. Взяли и племенной скот. Зарезали и съели. Кому же от этого истребления племенного скота придется солоно? Профессорской семье, конечно, неприятность и убыток. Но профессор будет по-прежнему преподавать, если не в России, то во Франции, где он сейчас и находится (он проделал всю войну не в тыловых упражнениях, а на фронте), а не во Франции, так в Англии.

Жена и дочь профессора умеют работать и в жизни не потеряются. Не для них будет по-настоящему солоно истребление заведенного ими племенного скота, а для той же, в конечном счете, деревни, нелепой и нескладной, добродушной, быть может, но наученной на глупое и злое. Как дети, захватили, зарезали, сожрали, — ну, а дальше что?

Больше всего приходится солоно не буржуазии, а трудовой интеллигенции. О том, как изворачивается буржуазия, говорить не хочу и не стану, чтобы как-нибудь, хоть краешком, не соприкоснуться с теми, кто занят теперь легким делом травли этого класса, поверженного в политической борьбе. Но посмотрите, кто теперь материально нуждается в Петрограде. Да только представители трудовой интеллигенции, безработные юристы, например. Нуждаются сенаторы, старые и почтенные люди. Слышал об одном из них, — весьма известном человеке, что он принужден продавать книги из своей библиотеки, чем и стараются пользоваться пронырливые скупщики.

Старые почтенные люди голодают, сидят в нетопленных квартирах, сами таскают дрова, когда дворникам захочется бастовать, — но разве социальный строй требует того, чтобы и слабые люди, кашляя и задыхаясь, тащили грузы, а молодые, здоровые и сильные катались в автомобилях? Много прочитал я утопий о грядущем социальном рае, но о таком презрении к старости и к труду долгой жизни читать не приходилось. Не то авторы этих утопий искренно не считают старцев пригодными для всякого труда во имя равенства, не то лукаво умалчивают о такой длительной подробности социального рая.

Но нас прельщает то, что таким образом ущемляется и посрамляется буржуа. Да неправда, не буржуа страдает при этом, — горько и солоно приходится стране.

Что бы мы ни выбрали, войну или мир, и то, и другое требует единения. Когда враг неудержимо идет вперед, — впрочем, может быть, теперь уже он не враг, если мир подписан, — все равно, враг ли, не враг торжествует, мы-то, как можем радоваться тому, что посрамлен наш внутренний враг? Если государство хочет быть прочным, у него не должно быть внутренних врагов. Прискорбная практика старого строя, казалось бы, с очевидною ясностью доказала это.

Если многим людям в стране приходится солоно, то ясно, что государственный строй, насаливший многим, и ненавистен многим. И вот я никак не могу понять, почему надо так устраиваться, чтобы для многих в стране жизнь стала адом. Неужели возможность социального рая обуславливается предварительным созданием ада для противников? Сомнительно что-то!

И если создан ад, то создан он, главным образом, для трудовой интеллигенции. И так не только у нас, но и в Германии, как рассказывают вернувшиеся из Берлина наши гражданские пленные. А ведь трудовая интеллигенция и есть самый настоящий пролетариат.

Чтобы войти в социальный рай, надо, прежде всего, разрушить этот ненужный ад. Пролетариат делается последним классом и обратится в народ только тогда, когда у него не будет врагов. Враги же пролетариата уничтожаются только созданием совершенного строя. Самый закоренелый буржуа предпочтет пользоваться благами социального строя, чем вечно трепетать за целостность своего кошелька. Да и на что кошелек при обилии благ земных, том обилии, которое создается дружною работою трудового народа? А без этого обилия благ всякий строй непрочен. И потому одно, к чему надо призывать людей, это — дружная работа в единении всех живых сил страны.

Что бы ни послала нам судьба, войну или мир, но воскреснем мы только тогда, когда над нашими классовыми и партийными делениями поставим немудрую, но

вечно живую и животворящую любовь к родине нашей, к земле наших предков, к России.

Прямой человек

И все еще в точности неизвестно, жив ли генерал Корнилов или убит. Все еще время от времени появляются известия о том, что убит кто-то другой, не он. Вероятнее, конечно, что убит. Но так понятно, что около имени этого человека должны слагаться легенды.

Как ни относиться к генералу Корнилову, но несомненно, что роль его сыграна до конца. В данный исторический момент ему нечего делать в России. А между тем только люди его душевного склада для России теперь нужны более чем когда-нибудь.

Он был совсем не такой, как большинство действующих сейчас людей, совсем не такой, как почти все мы в России. Он был из тех, которые услышали и усвоили великий завет прямоты и искренности:

— Да будет слово ваше, да — да, нет — нет.

А мы этого завета не понимаем и не хотим понимать. Мы всегда стараемся рассуждать по знаменитой формуле:

— Постольку — поскольку.

Мы и честны постольку, поскольку это нам выгодно или удобно, и правду скажем постольку, поскольку она не повредит нам, и сделаем то и другое постольку, поскольку это по тем или иным соображениям будет нам полезно. Корнилов же был из тех, о которых сказано:

— Истинный человек, и нет в нем лести. Наша уклончивость, наша политичность, наше бедное и жалкое лукавство помогают нам достигать маленьких целей, устраивать свое зыбкое и призрачное благополучие. Как твари, слишком слабые для того, чтобы открыто идти в широкий мир и отстаивать свои притязания во что бы то ни стало, мы постоянно окрашиваемся в цвет окружающей нас обстановки и готовы хотя ежедневно менять то, что мы деликатно называем ориентациею. Говоря просто и откровенно, мы каждую минуту готовы продать и предать кого угодно и что угодно, и даже самих себя, если думаем, что это — выгодная для нас сделка. Конечно, особенно выгодных сделок мы при этом не совершаем, — уж слишком недоброкачественен и всем доступен тот товар, которым мы торгуем. Мы — просто маленькие и слабенькие людишечки. И если мы делаем то, что вредно и губительно для России, то это совсем не потому, что мы — ужасные преступники и предатели. Просто, мелюзга, и великие задачи времени нам не по плечу. Задача времени оказалась не по плечу и Корнилову, как и Керенскому. Когда-то, совсем еще недавно, мы были очарованы и тем, и другим. Теперь мы, пожалуй, уже не смогли бы вернуться ни к одному из них. Слишком многое легло за ними и перед нами. Но вот бесстрастно уходящее время взвесило наши пристрастия, и мало-помалу истинная цена того и другого обнаруживается перед нами. Один — неискренний, лукавый болтливый, проговоривший и свою власть, и многое еще, гораздо более ценное. Другой — прямой и честный человек.

Пути, по которым шел Корнилов, не те пути, по которым следует вести Россию. Ближайшее будущее наше чрезмерно темно и опасно, и каждый шаг в той темной

стране неожиданностей, неизбежностей и невозможностей, в которую брошена страна наша, неверен и тревожен. Что мы все знаем о том, что надо делать и куда надо идти? Но одно мы знаем наверное, — только прямые, искренние люди Корниловского склада могут куда-нибудь в более светлое будущее вывести нас.

И я думаю, что спасение наше придет совсем неожиданно и просто, и достигнуто будет самыми нехитрыми и немудреными приемами. Простосердечные люди с невывихнутыми мозгами просто отстраняет весь тот словесный сор, в котором мы нелепо и беспомощно барахтаемся, и скажут нам самые простые, вечно верные и вечно новые слова. И мы вдруг вспомним, что прекрасно и достойно любить свое отечество, что в жизни побеждает только труд, что во всех своих поступках и отношениях люди должны быть добросовестны и честны. Вспомним, что есть в жизни высокие ценности, ради которых стоит жить, которых стоит добиваться, что есть культура, цивилизация, свобода, есть честь и доблесть, есть личное и национальное достоинство. И вдруг увидим, что высокая заработная плата и восьмичасовой труд, да еще особенно в сочетании с восьмушкой полусоломенного хлеба, сущая пустяковина в сравнении с теми высокими ценностями, которыми всегда бывает взволновано верное человеческое сердце. И тогда мы безмерно подивимся своему ослеплению, и глаза наши откроются широко, и мы поймем, как надо жить, работать, добиваться, бороться. Мы обретаем в себе волю к жизни и к творчеству, и, разрубив все хитросплетенные узлы классовых противоречий, восстановим национальное единство, будем сильны, прямы, просты и мужественны.

Впрочем, может быть, это только одна из легенд о сильном и прямом человеке? И ничего такого не будет?

Мистика войны и утопия вечного мира

Нет ничего более легкого в наши дни, как говорить о вреде, жестокости, бессмысленности войны. Ужасная бойня, страшное истребление людей, страдания раненых и изувеченных на войне, горе и отчаяние бесчисленного множества семейств, — и притом погибают на войне, по большей части, самые молодые, самые доблестные, самые отважные и великодушные, самые достойные во всех отношениях люди, те самые люди, которые в дни, подобные нашим, в дни великой государственной и общественной разрухи, были бы так необходимы для устройства достойной жизни в стране, для борьбы с тлетворными элементами уныния и разложения. Страшно представить себе количество жертв войны, — если бы все трупы снести в одно место, возникли бы горы, источающие кровавые потоки. И с этим беспощадным истреблением жизней, юных и прекрасных, сочетается поразительное истребление предметов. Громадное количество фабрик с миллионами рабочих во всех странах выбрасывает поражающее воображение количество орудий и снарядов, и все, выработанное этими громадными скоплениями работающих неустанно людей, обречено на то, чтобы стать не только уничтоженным, но и послужить для уничтожения громадного количества предметов, — домов, общественных зданий, железных дорог, пароходов, — причем погибают мирные труженики, женщины и дети, и многие семейства лишаются всего своего достояния. Вследствие

тех колоссальных затрат, которые несут на войну все государства, во всех странах непомерно увеличивается дороговизна жизни. Многие необходимые для жизни предметы становятся или слишком дороги, или по временам совсем исчезают с рынка. Мы становимся свидетелями таких безобразных явлений, как бессмысленное расточение времени людьми, которые должны целыми часами простаивать в бесконечных очередях за хлебом, за керосином, за сапогами, за железнодорожными билетами. И все это сопровождается большим огрубением нравов, падением нравственности. Людьми владеют наихудшие побуждения. Неимоверные страдания одних дают возможность другим наживать большие состояния, — и чувство самой элементарной справедливости не может не возмущаться тем, что грубые и корыстные люди справляют бесстыдный пир во время чумы.

Нехорошо, что бывает на свете война, — но вот все же она бывает. Давно уже люди знают все бедствия, приносимые человечеству войною, — и все-таки воюют. Давно уже указаны и средства избежать войны, — и все-таки государства не прибегают к этим средствам, или прибегают к ним, только для разрешения вопросов второстепенного значения. Но как только жизнь выдвигает на очередь вопрос, жизненный для государства, люди не хотят подвергнуть своего спора на обсуждение международного трибунала, и предпочитают разрешить его силою оружия. Так было до сих пор во все времена. Может быть, мы вступаем в более счастливое время, и уже близки те дни, когда войн не будет? Может быть. Ведь то, чего никогда не было, все же может когда-нибудь осуществиться. Не было воздухоплавания, была только бессмертная мечта о нем, создавшая миф о высоко взлетевшем на восковых крыльях и упавшем на землю Икаре. И эта мечта многих столетий на наших глазах начинает осуществляться. Так могут осуществиться и многие наши мечты. И в начале этой войны многим из нас казалось, что это — последняя война, что это — война против войны. Кажется, теперь эти иллюзии померкли у многих. И не знаю, многие ли веруют в скорое наступление того времени, когда войны не будет, как не будет и разделения племен на государства и обществ на классы.

Знают люди всю бедственность и всю мерзость войны, и все же влекутся к ней. И если бы они сами к ней не влеклись, то не было бы такой силы на земле, которая могла бы послать миллионы юношей на верную смерть. Вот страшная правда о войне, — люди, такие, какими мы себя знаем, не какие-нибудь мечтаемые сверхчеловеки, а люди нашей европейской цивилизации сами влекутся к войне, сами хотят ее, и любят, и прославляют. Недаром Пушкин говорит: «Есть упоение в бою».

И говорит это не в торжественной оде, где можно было бы подозревать неискренность высказывания, говорит это в одном из самых интимных и глубоких своих произведений. И в наши дни разве новейшие из поэтов, футуристы, не прославляли войну? Имя итальянца Маринетти тесно связано с увлекательным прославлением войны.

Есть упоение в бою, — и для старых, и для новых поэтов, и для мальчишек, которые радостно бегут перед стройными рядами солдат, и с увлечением играют в воинственные игры, и для юношей, которые с таким удовольствием облачаются в военные мундиры, и для молодых девушек, которые во все времена так нежно и сладолюбиво любили отважных и доблестных воинов. Есть упоение в бою. И когда мне говорят, что войну начали цари, или говорят, что войну начали капиталисты, я думаю:

«Может быть, это и правда, но, во всяком случае, это — не вся правда. И даже не самая глубокая часть правды».

Ну да, война — зло, кто же против этого станет спорить. Но разве война — единственное зло на свете? Если вспомнить, как жили общества и государства до войны, в те краткие промежутки времени, которые выпадают между войнами и которые почти ни в одном государстве не могут заполнить всей жизни человека, — то что же мы увидим? Всеобщую борьбу всех против каждого и каждого против всех, ужасную борьбу за существование. И борьба эта ведется самыми ужасными и беззастенчивыми способами, и сопровождается большими жестокостями и бесчестными поступками. Эта всегдашняя борьба ожесточает людей, и они становятся грубы, жестоки и несправедливы даже с близкими, с друзьями, с родными. В простом быту мужья бьют своих жен, родители — своих детей. Почитайте правдивые сказания М. Горького, — какая ужасная, сплошная цепь битья, насилий, издевательств всякого рода! Смотришь на эту жизнь, и думаешь:

«Не ложно сказано, что человек человеку волк».

Да и не хула ли это на волка? Вспомним потрясающие картины еврейских погромов, ужасные буйства черносотенных толп, — все эти свирепости совершались и в мирные времена, и неужели люди громили и грабили только потому, что им кто-то велел это сделать? Ведь есть же пределы для всякого послушания, и никто не может сделать того, что выходит за пределы его моральных сил. Очевидно, злобы еще очень много в современном человечестве, и, к сожалению, органическое зло еще царствует на нашей прекрасной, милой нам планете. Когда напряжение этого зла становится очень сильным, оно выходит наружу, уже перестает носить маску таящегося преступления, откидывает все лицемерные покровы, надменно провозглашает право силы, и начинается грозное явление войны. Начинается, как всякое освобождение задержанной энергии, радостно, с великим подъемом и энтузиазмом.

Когда человек долго таил в себе какое-нибудь чувство, и это чувство наконец находит себе исход, когда он может, например, выразить свой гнев сильными словами, как легко чувствует он себя в первое время, до наступления неизбежной реакции! Чувство, подобное радости, охватывает его, чувство, основанное на том, что преодолено то препятствие, которое сковывало его силы. Таким же подобием радости бывает охвачена вся страна, когда накопившаяся в ней великая и темная энергия зла преодолевает все преграды закона, совести, права, справедливости, жалости, любви к людям, страха перед опасностями и самою смертью, привязанности к жизни, — когда, от всего освобожденная, возвращенная к первобытной дикой вольности, душа человека ничего не боится, на все дерзает, ни от чего не отвращается. Это освобождение скованной энергии бывает обыкновенно так значительно, что количество уже переходит в качество, и обрадованность выносит на поверхность души, вместе с разнуданностью зла, и очень много прекрасного и высокого, достойного похвал и прославления. Совершаются великие подвиги доблести, великодушия, самоотвержения. Воин наших дней не для того идет на войну, чтобы убивать, или, по крайней мере, не только для того, — он идет для того, чтобы отдать свою жизнь за других, за отечество, за родину, за славу родного края, за свободу, за те великие цели национального бытия, которые объявлены как причины войны. И правду ли гово-

рят те, которые начали войну, или что-то скрывают от народа, — во всяком случае, те, которые умирают, очень часто являются высокие образцы героизма и прекрасное одушевление возвышенными идеями, во имя которых оправдана бывает война. Из зла рождается добро, как в самом процессе войны, так и в тех плодотворных последствиях, которые она иногда приносит народам, освобождая их от тирании или создавая новые условия национального существования. Из зла рождалось добро и в прежние времена, — и мы не можем закрывать глаза на то обстоятельство, что вся наша культура создана принудительным трудом. Может быть, было бы лучше, если бы история человечества шла другими путями, но, очевидно, эти другие пути оказались невозможными, и неизбежно было человечеству пройти через все ужасы и жестокости, причиненные господствующим в нашем пока еще несовершенном мире злом. Да, неоднократно рождалось добро из зла, и великая мудрость человека сказались в том, что он сумел и самое зло сковать и заставил его служить себе, служить высокими идеальными целям, ради которых человек живет на земле.

Человек, как мы его знаем на протяжении человеческой истории, всегда был наделен волею к власти и к господству. Быть выше природы, повелевать ею, — вот что влекло его мечты. Не столько господствовать над другими людьми, сколько господствовать над предметами, над силами природы. Господство одних людей над другими всегда было нужно господствующим классам не само по себе, а только как средство для того, чтобы овладеть наибольшим количеством предметов и в этом предметном мире как можно шире утвердить свою державную власть. Хорошо или худо, что у человека есть эта воля к власти, это ненасытимое стремление к расширению пределов своего господства, — не все ли равно? Но на этом стремлении человека к власти и господству основано очень многое из того, что достигнуто человечеством. В первобытные времена невозможны были бы большие соединения людей без этого могущественного стимула, и не возникла бы никакая цивилизация, если бы люди были мирны и добродушны, и лишены были всякой агрессивности. Самая борьба с природою была бы почти невозможна для человека слишком кроткого.

В одном из своих воплощений Будда встретил голодную львицу. Она не нашла другой пищи для себя и для своего детеныша, кроме того человеческого тела, которое было перед нею. Будда понял ее страдание, и оценил ее материнскую любовь, и с божественным великодушием предал свое тело острым зубам голодного зверя. Это был поступок высокой чистоты и святости, и воистину свят напитавший своим телом зверя. Но, если бы первые люди все были так же святы, едва ли бы человеческому племени удалось бы выжить до наших дней, и землю владели бы хищные звери. Суровость воинов и охотников спаяла человеческие общества, и дала нам возможность дожить до такого строя, когда создатели утопий уже воображают общество, в котором не будет войны, да заодно не будет и многого из того, что для нас так привычно и кажется таким естественным и постоянным. Но в жестокие и смутные наши дни будем справедливы и к войне, и признаем, вместе с ее злом, и то благо, которое человечество извлекло из нее. Недаром же понятие войны так волнует человеческое сердце, и так облечено мистическими, глубокими переживаниями.

Злом рождается добро не только потому что каждое явление, достигшее своего полного развития, неизбежно вызывает появление противоположного начала и его

временное торжество, — почему и победы зла чередуются с победами добра, — но и потому, что очень часто в делах и чувствах человеческих добро и зло не так уж резко разграничены, и являются зачастую различными ступенями одной и той же лестницы, по которой восходит или нисходит человек. И не в том дело, чтобы не совершать зла, — не совершает зла и не делает ошибок только тот, кто ничего не делает, — а в том, чтобы по этой нескончаемой лестнице совершенств подниматься, а не спускаться. Страстная настойчивость в отстаивании того, что считаешь правым, — добро это или зло? Ведь такая настойчивость непременно, в той или иной форме, предполагает возможность насилия над волею другого человека. Во что бы то ни стало добиваться достижения своей цели — это так свойственно человеку, в груди которого бьется живое человеческое сердце, и в жилах которого струится пламенная кровь. Было бы очень скучно жить людям с нашею психологию, если бы все на свете решалось хладнокровным подсчетом поданных за то и за другое мнение голосов. До наших дней все истинно великое в мире достигалось самоотверженными усилиями и обильно проливаемой кровью. Недаром так трепетно и благоговейно почитаем мы кровь героев и мучеников. Недаром красный цвет — цвет революционного знамени, цвет крови, великодушно и щедро пролитой. Глубокая правда в словах Некрасова:

«Умрешь не даром, — дело прочно, когда под ним струится кровь».

И наша революция, и та свобода, которую она нам дала и даст в будущем еще полнее и совершеннее, — все это вышло из великой войны, которую мы вели в союзе с передовыми демократиями мира, все это родилось в потоках драгоценной крови наших братьев и сыновей. И как ни тяжела была эта война, какими изменами и предательствами она ни сопровождалась, я думаю, что все-таки в истории она останется в светлом ореоле. Потому что свято и таинственно все то, что связано с живою кровью человеческого сердца.

Но устает душа человеческая от невыносимого зрелища смерти и страданий, и хочет мира. Вечного мира. Того, чего еще никогда не было на земле.

Не было, но должно быть. Не было, но мы хотим его, мечтаем о нем, и он будет. Ведь и то, чем мы уже владеем, когда-то было только в области мечты. Но и самые бессмысленные мечтания становятся реальною действительностью, когда наступает срок исполнения.

Мечта о совершенном социальном строе давно уже занимает людей, и много было написано в разное время утопий, изображавших совершенное общество. Утопия — сказка, но этого бояться не приходится. Ведь и научный марксизм происходит не только от классической политической экономии и классической идеалистической философии, но и от утопического социализма в трудах Оуэна, Сен-Симона и Фурье. Да и раньше утопии являлись часто предвестниками переворотов. Знаменитейшее из таких сочинений, утопия Томаса Мора, самое имя которой стало нарицательным для всего этого рода сочинений, появилось за год до начала проповеди Лютера. Не прошло и двадцати лет, как уже влияние этой утопии сказалось в попытке создания совершенного, святого государства в Мюнстере. Булочник Ян Матисен, в сообществе со скорняком Мельхиором Гоффманом, основал новое государство в Мюнстере, древней резиденции епископов. В конституции этого государства он смело соединил мечтания о царстве Божиим на земле и о тысячелетнем правлении святых с социа-

листоческими идеями, провозгласил общность имущества, бесполезность светской власти государей, и установил, как естественный и божественный, закон многоженства. Ему наследовал Иоанн Бокельзон, портной и потом трактирщик, принявший имя Иоанна Лейденского. Но это государство, осуществившее коммунизм и уничтожение семьи, существовало не более двух лет, и было разрушено владельческими князьями Германии.

Неоднократно и потом мечтания сочинителей утопий люди пытались воплотить в действительности, но удачные попытки едва ли можно указать. Один из наиболее любопытных опытов совершен самим автором одной из утопий. Это был Этьен Кабе. Его «Путешествие в Икарию» появилось в свет в 1842 году, и имело очень большой успех. Для популяризации своих идей Кабе основал особый журнал, и в 1847 г. уже делал приготовления к тому, чтобы основать в Техасе колонию. В феврале 1848 г. из Парижа отправился первый отряд икарийцев, 69 юношей, — пожелания европейских коммунистов сопровождали их. Первый опыт был неудачен из-за случайных причин, — среди колонистов начала свирепствовать малярия, их единственный врач сошел с ума, и немногие оставшиеся колонисты уехали в Нью-Орлеан. Ясно было, что Кабе не виноват в этой неудаче, — но люди нашего времени, очевидно, еще не дозрели до совершенного государственного строя, — некоторые из колонистов возвратились во Францию, и обвиняли Кабе в мошенничестве. Кабе был в это время в Америке. Там, вместе с 240 икарийцами, уехавшими из Парижа в декабре 1848 г., он основал колонию в городке Науву, в Иллинойсе. Этот городок был только что покинут мормонами, и потому там удалось очень дешево купить дома и землю. Дело пошло сначала хорошо. Меж тем Кабе узнал, что он присужден в Париже к двухлетнему тюремному заключению. Он возвратился в Европу, добился возобновления дела, и был оправдан. Когда он приехал опять в колонию, он застал там большие беспорядки и раздоры. Его вмешательство было безуспешно, и повело только к тому, что его изгнали из основанной им колонии. Скоро после этого он умер. Колония довольно долго еще продолжала влачить жалкое существование, не прельщая никого присоединиться к ней.

Почти так же безуспешны были и все другие опыты построения общин на новых совершенных началах. Одно из двух, — или люди наших дней еще не могут жить в мирном общении, или невозможно устроить на земле уединенные оазисы добра, когда весь мир лежит во зле.

Эта безуспешность всех таких попыток тем более удивительна, что громадное большинство всех утопий обнаруживает одинаковые понимания того, что нужно для человеческого счастья на земле. Самое большое бедствие, от которого страдают люди, — бедность. Происходящая от несправедливого распределения продуктов труда. Собственность кажется почти всем авторам утопий вредною для человеческих обществ, и потому почти все утопии построены на отрицании собственности. Более чем за 2000 лет до нашего времени «Республика» Платона, хотя по существу и строго аристократическая, по форме была все ж таки коммунистическою. Для того, чтобы уничтожение частной собственности провести возможно тверже и бесповоротнее, Платон не останавливается перед уничтожением семьи, и потому устанавливает общность жен. И те авторы утопий, которые искали счастливый народ где-нибудь на неведомых островах и потому в своих рассказах изображали нередко черты

из жизни первобытных обитателей Америки и Океанийских островов, и те, преимущественно новые, 19 и 20 века, авторы утопий, которые переносят действие своего рассказа в более или менее отдаленное будущее, как Беллами, Вильям Моррис, Уэллс, или те, которые ищут совершенного строя в иных мирах, преимущественно на планете Марс, как автор «Красной Звезды» Богданов или тот же Уэллс, — все они, при всем разнообразии их вымысла, все же сходятся на некоторых общих положениях. Отрицание государства, отрицание частной собственности, отрицание брака, — эти три признака общи почти всем утопиям.

В утопии Морриса, «Вести Ниоткуда», на вопрос гостя из нашего мира:

— Какая у вас форма правления? —

Старый Гомонд, знакомящий его с порядками английской жизни в 21 веке, отвечает:

— У нас совсем нет того, что бы вы, человек с другой планеты, могли назвать правительством. Правительство, охраняя собственность посредством суда и защищая граждан против других государств посредством войны или под угрозой войны, разрушало народное благосостояние.

— Как вы устроились с политикой? — спрашивает гость.

И хозяин отвечает:

— Мы очень хорошо устроились с политикой, так как у нас теперь ее нет совсем.

Хотя люди в Англии и на континенте говорят разными языками, так что дети, играя с маленькими гостями с континента, незаметно для себя научаются говорить по-французски и по-немецки, но государств нет, и понятие о нации молодым поколением уже утрачено. Показывая на прекрасное здание картинной галереи, молодой человек 21 века говорит гостю из 19 столетия:

— Это здание называется почему-то национальной галереею. Я не знаю, что значит это название, но у нас на острове много таких зданий с картинами и статуями, и все они называются национальными галереями, должно быть из подражания этой галерее.

Уэллс менее склонен разрушать государства, и в его романе «Когда спящий проснется» еще существуют Германия и Россия. Но дело идет к тому, что капитал Спящего завладеет всем миром, что и будет, по всей вероятности, переходом к социальному строю.

Так как нет собственности, то все предметы не покупаются, а даются даром. Производятся же они потому, что человеку неестественно и скучно не работать. Счастливая страна Вильяма Морриса считает лень болезнью, которою когда-то страдало человечество, чем-то вроде ослабленной проказы; кажется, эта болезнь была очень заразительна, потому что одержимые ею люди вели уединенный образ жизни, и им прислуживали люди в особой одежде (намек на дворцы современных богачей и на ливреи слуг). Женщины у этих людей были очень уродливы, они имели тоненькие пальцы, узкую талию и бледное лицо. В 21 веке страдающих этой болезнью уже не было, легкие же приступы ее, иначе называемые меланхолией или хандрою, легко излечивались небольшим приемом слабительного.

Во всех этих утопических странах люди работают без принуждения, всегда приветливы и любезны друг с другом, всегда в хорошем настроении. Это в полном смы-

сле слова счастливые люди, и образ жизни их изображается в идиллических чертах. Счастье их так безоблачно, что авторами утопий, слишком хорошо знающими современного человека, иногда овладевает некоторое сомнение в прочности этого счастья. Некоторые из авторов утопий отвращают неизбежную скуку слишком счастливой жизни эротическими картинами. Такова, например, появившаяся в 1620 году книга монаха Томаса Кампанеллы «Город Солнца». Такова же напечатанная в Берлине на русском языке утопия Константина Сергеевича Мережковского, брата нашего известного писателя. Руководимый, быть может, своим собственным тяжелым опытом жизни человеческого сердца, К.С. Мережковский не верит в возможность долгого безоблачного счастья и для людей 25 века. Они живут на островах в теплом океане, ходят нагие и проводят время в играх, но к 35 годам силы их истощаются, и старцы, взявшие на свою долю мудрость и ведение, отправляют их на счастливые острова, где они умирают. Оставшиеся думают, что их увезли на еще счастливейшие острова в награду, — о смерти они ничего не знают. Краткость жизни, веселые игры и неведение, — вот рецепт счастья. Мудрецам же, немногим избранным, ведома тщетность человеческой жизни и тяжесть земной скорби.

Другие авторы ничем и не пытаются прикрыть темные пятна счастливого бытия, — ведь и на солнце есть пятна. Вильям Моррис описывает тяжелую историю убийства из-за любви, — как видно, темные страсти не угаснут и в счастливом веке. Авторы утопий, перенесенных на Марс, озабочены истощением жизненных сил этой планеты, возраст которой старше земли.

По отношению к вечному миру очень резко отличаются новые утопии от древних. Прежние утописты, по-видимому, признавали войну неизбежной, и потому в этих государствах были войны. Новые сочинители утопий предпочитают говорить о таком мире, где войн не будет. Нет причины для войны, нет разделения на классы, и нет соперничества между нациями, да и психология людей совершенно изменилась. Произошла не одна только революция социальная, но революция моральная, та революция, о которой мы теперь едва только смеем мечтать. Едва только мечтаем о моральной революции, потому что видим, что и при новом строе люди остаются те же, и недаром в минуту отчаяния у популярнейшего из бывших министров вырвался вопрос, — да уж не взбунтовавшиеся ли это рабы?

Авторы утопий совершенно согласны в том, что счастливый строй неразрывно связан с коренным преобразованием человеческой психологии. Как произойдет это изменение психологии? Конечно, под влиянием нового строя. Но как вести этот строй, пока психология не изменилась? Почти все авторы утопий говорят, что переход к новому строю совершится посредством насилия. Но как это насилие претворит людей в благожелательные и счастливые существа? Психологические противоречия многочисленны; сфера подсознательная, наследственность, атавизм впечатлений революционных излишеств, — как все это претворится в мир на земле и благоволение в людях? Но как бы то ни было, будущее человечество утопий будет иным, чем мы. А потому и нет войны, и на земле, среди счастливого человечества царит вечный мир.

Но так ли это? Действительно ли высшее человечество обойдется без войны?

Вот утопия «Красная Звезда» Богданова, напечатанная в Петербурге в 1908 году. На Марсе происходит конгресс по вопросу о колонизации. Представитель

центральной статистики рядом точных цифр доказал, что при данном росте населения и прогрессе его потребностей, если марсиане будут ограничиваться эксплуатацией своей планеты, через 30 лет начнется недостаток в средствах питания. Поэтому необходимо организовать массовые переселения марсиан на другие планеты. Этих планет две — Земля и Венера. И вот один из ораторов находит, что переселение возможно только на Землю, но что земные люди не уступят марсианам достаточно места на земле. В длинной и очень убедительной речи он пытается доказать, что колонизация земли требует полного истребления земного человечества. Надо при этом сказать, что Марсианские шпионы были на земле, и на Марсе знают, кого им предлагают истребить. Марсианский шпион Мэнни очень определенно говорит: хотя земное человечество возникло на несколько десятков тысяч лет позже, чем марсианское, но развивалось быстрее, и теперь отстает от марсианского только столетия на два, то есть как от нас современники Петра Великого. Правда, его предложение не было принято, но почему? Относительно Венеры было вполне установлено, что там есть богатые запасы радиоактивных элементов, стало быть, на этот раз можно обойтись без истребления земных людей. Довод не от принципа, а от целесообразности. В разуме же и в чувстве этих высококультурных существ не нашлось достаточно противодействия самой мысли о возможности поголовного умерщвления всех земных людей. Земное человечество случайно было пощажено.

Уэллс идет дальше. В его романе «Война миров» марсиане, высадившись на землю, с того начали, что принялись истреблять людей.

Итак, высокое развитие не обеспечивает умерщвления жестокости в человеке, и ничто не дает нам права думать, что в близком будущем человечеству удастся освободиться от войн и вступить в царство вечного мира. Правда, автор «Красной Звезды» говорит, что на Марсе нет войн. Но насилие допускается как разумный акт разумного существа. Кроме того, марсиане «Красной Звезды» ничуть не стесняются лгать и обманывать для хорошей цели. Земной их гость Леонид этим недоволен, но напрасно: сам себя он называет аморалистом. Пока люди остаются такими, какими мы их знаем, с их человеческими страстями и с их потребностями, всегда будет вспыхивать в их сердцах злоба и жажда взаимного истребления. Только чудо может настолько изменить земной состав человечества, что упразднится всякое зло, и земля станет раем. Это чудо — чудо преображения, величайшее из земных чудес. Оно не лежит на путях истории, его еще никогда не знало бедное человечество, но оно будет. Я верю, что совершится чудо преображения, и дано оно нам будет только в великом восторге творчества, высоко поднимающем душу. Сожжется и истлеет ветхий мир, и мы увидим новую землю и новое небо, и войдем в новый мир. Этого не было, но это будет.

КОММЕНТАРИИ

В настоящую подборку вошли наиболее существенные статьи и заметки Федора Сологуба военной тематики, написанные в годы Первой мировой войны. Отдельные из них не прошли в печать вследствие цензурного запрещения или по другим, неизвестным нам причи-

нам. Мы сочли целесообразным поместить их в общем корпусе, чтобы не нарушать целостного представления об актуальной публицистике писателя 1914–1918 гг.

Статьи «В.А. Мгебров», «Обывательское», «Два пути», «Держание до конца», «Мятежные музы», «Беседа с друзьями» и «Удел поэта», опубликованные за подписью Сологуба, написаны совместно с Ан. Чеботаревской (по данным авторской библиографии: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 546).

Все тексты расположены в хронологической последовательности их появления в печати, неопубликованные — в соответствии с авторскими датировками.

Статьи, напечатанные при жизни автора, воспроизводятся по первой (единственной) публикации; не попавшие в печать — по оригиналам из архива писателя, поздней редакции. В тех случаях, когда при публикации текст подвергся сокращению со стороны цензуры или самого автора (из цензурных соображений), предпочтение отдавалось более полной версии текста, изъятые фрагменты отмечены в примечаниях.

Тексты воспроизводятся в соответствии с современной грамматической нормой, за исключением отдельных особенностей авторской пунктуации.

1914

Мира не будет

Бирж. вед. 1914. № 14462 (30 окт.). Утр. вып. С. 2.

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 343.

...в виде Лауры за клавиром. — Подразумевается романтический образ стихотворения Ф. Шиллера «Лаура за клавесином» (1781) из его любовного цикла, посвященного Лауре; восходит к образу возлюбленной итальянского поэта Франческо Петрарки (1304–1374), к Лауре обращены его многочисленные сонеты, баллады, мадригалы «Книги песен».

...растлались перед шуцманами... — Шуцман (нем. Schutzmann) — полицейский.

...нападение немецко-турецких кораблей... — 19 октября 1914 г. турецкие войска вторглись на территорию Батумской области, 29 октября турецкие и немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» обстреляли Одессу, Севастополь, Феодосию, Новороссийск; 2 ноября (по другой версии — 5 ноября) Россия объявила войну Османской империи, 5 ноября — Англия и Франция.

Где-то недавно читал ~ я — простой крестьянин. — Этот фрагмент в газете отсутствует.

...А я бы повару иному ~ Где нужно власть употребить. — Цитата из басни И.А. Крылова «Кот и Повар» (1813).

...наиболее пронизательные среди нас видели, что в Берлине творится какая-то особая, тяжкая для русского духа, жизнь. — Переключка со статьей С. Городецкого «Германия и культура», ср.: «У многих русских и до войны была стихийная ненависть к немцам. Всякий, кто хоть какое-нибудь имел отношение к творчески-трудовой жизни, кто хоть что-нибудь когда-нибудь создал, попав в Германию и в современный центр ее — Берлин, начинал задыхаться. Атмосфера фальши, поддельности, беспочвенности сразу давала себя чувствовать. Подкрашенная гниль окружала со всех сторон. (...) Но таково было ощущение немногих. Многие же соотечественники купались телом и душой в немецком благополучии и возвра-

щались из Берлина с презрением ко всему русскому» (Бирж. вед. 1914. № 14308 (13 авг.). Утр. вып. С. 2).

...слухам о том, что Розу Люксембург и Либкнехта расстреляли. — В августе 1914 г. в русских газетах действительно появились заметки о расстреле К. Либкнехта, см.: Опровержение слухов о расстреле Либкнехта (по телефону из Москвы) // Бирж. вед. 1914. № 14293 (5 авг.). Веч. вып. С. 2. Роза Люксембург (1871–1919), Карл Либкнехт (1871–1919) — одни из наиболее влиятельных деятелей немецкой левой социал-демократии; 2 декабря 1914 г. Либкнехт один голосовал в рейхстаге против военных кредитов; в переданном председателю рейхстага письменном заявлении он охарактеризовал Первую мировую войну как войну захватническую; за антивоенную агитацию в годы Первой мировой войны Либкнехт и Люксембург подверглись репрессиям, провели в тюрьме около 4 лет. Основатели антивоенного Союза Спартака и Коммунистической партии Германии, схвачены и убиты после подавления восстания берлинских рабочих в январе 1919 г.

...оказалось, что в вопросе о войне германские социал-демократы заодно с кайзером... — Пресса сообщала, что на заседании рейхстага 4 августа социал-демократы проголосовали за 4-миллионный кредит правительству на военные нужды (Бирж. вед. 1914. № 14358 (6 сент.). Утр. вып. С. 3); чуть ранее: «Итальянская социалистическая партия отложила предложение германских социал-демократов Ледебур и Зудекума о свидании. Свой отказ итальянские социалисты мотивируют тем, что германские социал-демократы вступили в тесный союз с цезаристическим правительством, что видно из последней статьи Зудекума (...) В этой статье Зудекум оправдывал даже насильственные действия германцев в Бельгии» (Бирж. вед. 1914. № 14328 (23 авг.). Утр. вып. С. 1).

Если верить газетным сообщениям, Гергард Гауптман писал, что разрушение Лувенского университета его менее огорчает, чем простреленная грудь немецкого солдата... — Герхард Иоганн Гауптман (1862–1946) — немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1912). Его письмо, перепечатанное русскими газетами, вызвало бурный протест со стороны общественности; полный текст публицистического выступления приводится, в частности, на страницах «Биржевых ведомостей» в заметке «Битва на перьях: (Обмен письмами (Г.) Гауптмана и Р. Роллана)»: «Два выдающихся современных писателя Ромэн *так!* Роллан и Гергард Гауптман выступили в печати с открытыми письмами, в которых ярко отражается точка зрения французов и немцев на настоящую войну. Первым выступил Роллан, поместивший 29-го августа открытое письмо, адресованное немецкому писателю в “Journal de Genève”. Сделав оговорку, что он смотрит на Германию, как на варварскую страну, что он помнит “нашего Гёте”, Ромэн Роллан требует от Гауптмана прямого ответа. (...) “...Я не возвысил голоса даже тогда, когда видел, как ваши войска попирают благородную Бельгию, нарушая ее нейтралитет. Это подлое злодеяние, которое в каждом человеке, проникнутом духом справедливости, возбуждает презрение, слишком соответствует политическим традициям ваших прусских королей, и оно меня ничуть не удивило. Но та ярость, которую вы проявляете по отношению к этой благородной нации, стремящейся лишь с отчаянною храбростью отстаивать свою самостоятельность и свои права, — это уже слишком! Весь свет возмущен и поднимается против вас. Приберегите эти ужасы для нас, французов, ваших настоящих врагов! Но не позорно ли так поступать по отношению к вашим жертвам, по отношению к маленькому, несчастному и ни в чем не провинившемуся перед вами бельгийскому народу!” Центрально в письме Роллана — обвинение немцев в войне с вековой культурой. “Вы бомбардируете Малин, вы сжигаете Рубенса;

Лувен представляет кучу золы, — Лувен, этот великолепный город со своими прекрасными и неоценимыми сокровищами искусства. Но кто же вы? И как хотите вы, Гауптман, чтобы вас называли, раз вы отказываетесь от титула “варвары”? Кто вы: потомки Гёте или Аттилы? С кем вы сражаетесь, с армиями или с душой человечества? Убивайте людей, но пощадите произведения искусства. Это требует патриотизм человеческих поколений. Вы принадлежите, как и мы все, к его стражам. Тем, что вы его швыряете за борт, вы доказываете, что недостойны этого великого наследия, недостойны занимать место в рядах маленькой европейской армии, представляющей собой лейб-гвардию цивилизации. Мне безразлично, что думает свет о том, что я обращаюсь к вам. Я делаю это, Гауптман, ради вас самих. Во имя нашей Европы, наиболее выдающимся борцом которой вы считались до сих пор, во имя цивилизации Европы, за которую боролись величайшие люди с незапамятных времен, во имя чести германского народа, обращаюсь я к вам, Гергард Гауптман. Я предлагаю вам, и духовно избранным, среди которых у меня много друзей, всеми силами протестовать против преступлений, которые падут на ваши головы”. Роллан говорит, что уклонение Гауптмана покажет, что он с вандалами, что “духовно избранные Германии подпали под самый ужасный деспотизм, который уничтожает творения культуры и изменчески убивает дух человечества”.

⟨...⟩ Гауптман ответил Роллану открытым письмом, в “Vossische Zeitung” ⟨...⟩ “Все, что вы говорите, построено на ложном основании. Все, что вы говорите о нашем правительстве, нашей армии и нашем народе, до такой степени неправильно, что в этом отношении ваше открытое письмо представляется мне лишь темным пустым пространством. Война — это война. Вы можете скорбеть по поводу войны, но вы не должны удивляться, когда происходит нечто неотделимое от этой элементарной катастрофы. Конечно, нехорошо, когда в пылу сражения гибнет незаменимый Рубенс, я принадлежу к числу тех, кто чувствует гораздо более глубокую скорбь по поводу простреленной груди своего ближнего. И, г. Роллан, совершенно неуместно, что вы принимаете такой тон, будто ваши соотечественники, французы, пошли на нас с масличными ветвями, тогда как, в действительности, они в изобилии снабжены пушками, картечами и даже пулями дум-дум. Разумеется, наши геройские войска навели на вас ужас. Но немецкий солдат не имеет ничего общего с теми отвратительными, смешными и неправдоподобными наветами, которыми изобилует французская пресса. Пусть англичане называют нас “гуннами”, и вы можете называть наших храбрых воинов сынами Аттилы, — с нас же достаточно, если наши храбрые ополченцы разорвут цепь наших неприятелей. Я предпочитаю, чтобы вы называли нас сынами Аттилы, три раза перекрестили нас и оставались за пределами нашей страны, а не делали на могиле немецкого народа сантиментальную *так!* надпись “потомки Гёте” ⟨...⟩”. Насчет Бельгии Гауптман повторяет жалкое оправдание Вильгельма и — совсем ослабляет силу своего письма, которому нельзя отказать в талантливой колкости, — советует Роллану просчитать “отчет нашего рейхсканцлера Америке и телеграмму, которую послал император президенту Вильсону” (Бирж. вед. 1914. № 14357 (6 сент.). Веч. вып. С. 5). Националистические выступления писателя получили резкую оценку в столичной прессе с первых дней войны, см., например: «Газета “Речь” телеграфирует из Копенгагена: “В шведских и датских газетах напечатана статья Гергардта Гауптмана, носящая характер воззвания. Статья наполнена восхвалениями оружия и бранью по адресу Бельгии и Франции. Воззвание Гауптмана заканчивается удивительным заявлением, что только полная победа германцев гарантирует самостоятельность и независимость Европы”» (Театр и искусство. 1914. № 33 (17 авг.). С. 684).

Германские ученые заявили, что германская культура неотделима от милитаризма... — Возможно, отклик на статью обозревателя газеты «Речь» Д. Левина, в которой он изложил доктрину расолога Феликса фон Лушана (1854–1924), профессора антропологии Берлинского университета; основной тезис ученого: «Нации могут рождаться и умирать, но антагонизм наций пребудет вечно. И это тем лучше, ибо человечество превратилось бы в стадо баранов, если бы мы должны были утратить наше национальное честолюбие, если бы мы перестали глядеть с чувством радостной гордости не только на завоевания нашей промышленности и нашей науки, но и на наших великолепных солдат и превосходные броненосцы. <...> Каждый народ должен уважать права других народов в той же мере, как и свое собственное право. Но раз дело идет о его жизненных интересах, то он их отстоит, если понадобится, железом и кровью». В заключение Левин писал: «Такова наиболее умеренная, объективная наукообразная форма германского милитаризма, воплотившегося в той Германии, в которую теперь обрушился мир» (Речь. 1914. № 217 (15/28 авг.). С. 2).

Представители искусства и науки в Германии заявили... — Тема «бойкота» не раз освещалась на страницах «Биржевых ведомостей», например в заметке «Русские писатели о немецком бойкоте литературы» сообщалось: «...группа немецких литераторов, подписи которых пока России неизвестны, выступила с воззванием к своим германским собратьям о том, чтобы отныне на немецкий язык не было переведено ни одно произведение русского писателя. Нелепое решение свидетельствует только о той невероятной степени запальчивости, какая владеет немецкой интеллигенцией, теряющей просто здравый смысл в зверском раздражении на последние русские победы»; далее приведены комментарии В.И. Немировича-Данченко, А.И. Куприна, С.А. Венгерова, А.М. Ремизова, А.Л. Волынского, А.А. Измайлова, Ф.Ф. Фидлера (Бирж. вед. 1914. № 14331 (24 авг.). Веч. вып. С. 3). В статье «Немцы сняли маски» говорилось: «Известный венский писатель Артур Шницлер поспешил примкнуть к призыву Гергардта Гауптмана и также требует бойкота европейской литературы. Приехавший в Петроград из Вены драматург Х. рассказывает, что несколько дней тому назад в собрании венского драматического общества Шницлер с пеной у рта доказывал, что после неминусимой победы “доблестного” немецкого оружия немецким писателям нужно утвердить раз навсегда свое духовное господство над миром, не останавливаясь даже перед крайними мерами против печатного слова побежденных народов. Пересыпая свою речь отборными ругательствами, Шницлер восклицал: — Что такое Толстой, которым так гордятся в России? Сумасшедший старик, ненавистник цивилизации, всю жизнь призывающий к вонючей жизни без всяких благ просвещения» и т. д. (Там же. № 14341 (29 авг.). С. 4). См. также «Ответ Куприна Шницлеру»: «Для вашего поступка есть только три логических оправдания: трусость, подлость, или то стихийное безумие, которое овладело теперь вашими земляками, потому что вам, настоящему Шницлеру, нельзя отказать в таланте, а следовательно, в уме» (Бирж. вед. 1914. № 14393 (24 сент.). Веч. вып. С. 1); «И мой отклик» И. Ясинского (Там же. № 14333 (25 авг.). С. 4); заметку «Русский ответ на немецкий бойкот»: «Германские ученые, писатели, музыканты и художники объявили поход против русской культуры. Они отрицают ее гениев и призывают к бойкоту русского творчества. Из города в город по всей Германии пересылается воззвание воевать не только с нашим оружием, но и с нашим умом и талантом, с идеями наших мыслителей, с кистью художников и лирой музыкантов. Россия не боялась войны с Германией на бранном поле. Россия не испугается и борьбы с ее культурой», ниже напечатаны отклики на событие отечественных «мыслителей, общественных деятелей и ру-

ководителей мира искусства <...>: тов. министра просвещения бар. М.А. Таубе; Петроградского городского головы гр. И.И. Толстого, члена Гос. совета Д.Д. Гримма, ректора Петроградского университета Э.Д. Гримма, члена Гос. Думы А.И. Шингарева, директора Императорских театров В.А. Теляковского, директора Петроградской консерватории А.К. Глазунова, проф. Академии художеств В.Е. Маковского, И.Е. Репина, академика В.М. Бехтерева и др.» (Там же. № 14425 (10 окт.). С. 4).

Договоры о нейтралитете Бельгии? ~ теперь Германия сильна, и потому смеет снять свою подпись с этого ненужного ей документа. — По Лондонскому договору 1839 г. «вечный нейтралитет» Бельгии лишил противников возможности использовать территорию страны в случае войны, однако 3 августа германские войска вторглись на ее территорию; нарушение бельгийского нейтралитета входило в планы руководства Германии, канцлер Бетман-Гольвег назвал Лондонский договор «клочком бумаги», эти слова стали лейтмотивом в военной публицистике (см., например: Еще о клочке бумаги // Бирж. вед. 1915. № 14936 (30 июня). Веч. вып. С. 4).

Германия, Германия выше всего... — гимн, государственный символ; «Песнь немцев» (нем. *Das Lied der Deutschen*), или «Песнь Германии» (нем. *Deutschlandlied*), текст написан Гофманом фон Фаллерслебеном (1841) на мелодию «Императорской песни» (нем. *Kaiserlied*) Йозефа Гайдна (1797).

...Шиллер говорил, что в германцах сочетались римская сила и греческая грация. — Эти мысли Ф. Шиллер развивал в работах по эстетике: «О грации и достоинстве» (1793), «О наивной и сентиментальной поэзии» (1796).

...недаром германские шпионы уже долетали на аэропланах до Перми... — В августе 1914 г., по сообщению прессы, в Екатеринбурге и др. городах Пермской губернии обыватели видели аэропланы, сигналы и огни, слышали шум пропеллеров. Слухи о проникновении немецких аэропланов в глубь страны, однако, не подтвердились, см. опровержение в газете «Речь»: «Холодным умом трудно понять, как ухитрились германские летчики залететь в столь далекий край и как ухитрились они, летая ночью, спрятаться днем. Но ведь мы живем во время войны, когда многое “возможно”, о чем в обычные дни и не подумаешь. И, припоминая Жюль Верна и Майн-Рида, обыватели верили в таинственных германских летчиков, газеты пестрели сообщениями об их полетах, и даже администрация предписала жителям и полиции смотреть в оба. Теперь, наконец, тайна разъяснилась, 10 августа над Екатеринбургом появился летательный аппарат. Полиция не растерялась, стала следить и заметила нить, которая тянулась по воздуху к одному двору. Начали ее сматывать. Она оказалась длиной не менее 700–800 сажень, и конец ее был во дворе некоего Козьмина. Аппарат, наделавший так много шума, оказался змейком, сделанным в форме аэроплана, длиной около 1 ½ аршин. <...> На этом же дворе был найден и другой змейк, сделанный также в виде летательного аппарата системы “Фарман”. Произведенным расследованием было установлено, что пусканием змейка занимались сыновья домовладельца г. Козьмина Василий 15–16 лет и Петр 22–23 лет. При этом Петр Козьмин заявил, что пусканием такого змейка они занимаются каждое лето в продолжение последних 4–5 лет и нынешнее лето пускают уже не в первый раз. О том, что их змейки смущают население, Козьмины знали. Оба змейка отобраны» (Пермские аэропланы // Речь. 1914. № 216 (16 авг.). С. 4).

...заставляет своего отца читать девятое издание Бюхнеровской брошюры «Материя и сила». — Эпизод из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862), глава X. Людвиг Бюхнер

(1824–1919) — популярный в XIX в. философ-позитивист, естествоиспытатель, дарвинист; его главный труд «Сила и материя», в котором он пропагандирует материализм и отстаивает идею прогресса, выдержал в России до 1905 г. 17 изданий.

Тень трагедий

Театр и искусство. 1914. № 48 (30 нояб.). С. 921–923.

На днях читал я где-то, что в Париже 20000 безработных театральных и кинематографических деятелей. — С началом войны в Париже были закрыты все театры. В сентябре 1914 г. по возвращении из поездки в Европу Ф.И. Шаляпин сообщал газетным обозревателям: «Париж жил особенной жизнью. Театры были все закрыты, улицы полны народа, обсуждающего события. <...> Я предполагал устроить концерт в Париже в пользу раненых. Но это оказалось невозможным в виду того, что буквально все театры, концертные залы и другие подобные учреждения были закрыты» (*Двинский «Берман М.М.»*. Ф.И. Шаляпин о своих мытарствах // Бирж. вед. 1914. № 14361 (8 сент.). Веч. вып. С. 3). В ноябре 1914 г. «Биржевые ведомости» сообщали: «В Париже маленький праздник. Правительство разрешило открыть театры и другие увеселительные заведения. Ограничения — три: окончание спектакля не позднее 11 час. вечера, репертуар подлежит строгой полицейской цензуре, благотворительный сбор повышен. Все три ограничения приняты охотно. Следует отметить, что увеселительные места, которые были открыты до сих пор — главным образом, кинематографы — сами следили за подобающим характером программ. Разрешением правительства вряд ли воспользуются все частные театры. Директор “Gymnase” и казначей общества театральных антрепренеров Парижа Франк указал, что расходы на содержание театра в военное время слишком обременительны. К тому же в настоящее время почти невозможно составить приличную труппу. “Первых любовников”, например, нет ни одного, — все сражаются под французскими знаменами. Впрочем, несколько частных театров будут все-таки открыты. Вероятнее всего, Opera, Odeon и Opera Comique в этом сезоне не возобновят своей деятельности» (Театральный сезон в Париже // Бирж. вед. 1914. № 14511 (22 нояб.). Веч. вып. С. 3).

Кто-то, вернувшийся из Лондона в Петроград, был поражен беззаботным видом нашего города. — Отклик на сообщение газеты: «Петроградец К., вернувшийся вчера из путешествия в Лондон, поделился впечатлениями, вынесенными из пребывания в столице Англии в ныне переживаемое время. <...> Лондон в настоящее время имеет необычайный для него вид военного города. Весь он наполнен массой войск, и защитного цвета мундиры солдат, здоровых и крепких спортсменов *<так!>*, пестрят на всех улицах и во всех парках, в которых происходит обучение воинов. <...> Настроение в Лондоне самое спокойное. Жизнь течет своим размеренным темпом. Функционируют все театры и все рестораны, только насчет спиртных напитков существуют ограничения, в том смысле, что торговля ими разрешается лишь до 10 ч. вечера. Театры и концерты, равно как и рестораны, посещаются публикой очень охотно. <...> Вполне удовлетворены англичане действиями своего флота, и кичливые заверения Вильгельма об ожидающем якобы Германию владычестве на морях вызывают в британцах лишь подозрительную улыбку» (В Лондоне во время войны // Бирж. вед. 1914. № 14509 (21 нояб.). Веч. вып. С. 3).

Правда, театр Рейнеке не действует... — Русский драматический театр А.К. Рейнеке открылся в Петербурге 15 сентября 1912 г. в здании Панаевского театра (Адмиралтейская наб., 4; не сохранилось), в следующий драматический сезон театр действовал как совместное предприятие А.К. Рейнеке (пайщик и актер) и К.Н. Незлобина, перенесшего сюда спектакли из своего московского театра. По сообщениям газет, закрытие театра в разгар сезона 1914/1915 г. вызвало неудовольствие в театральных кругах: «Торговый дом “Конрад Рейнеке с сыновьями” прислал из Саратова в Петроград циркулярное оповещение актерам труппы А.К. Рейнеке, что спектакли в нынешнем сезоне не состоятся, а потому: “потрудитесь в настоящее время вернуть взятый вами аванс”» (Бирж. вед. 1914. № 14561 (17 дек.). С. 4); «Оставшиеся не у дел артисты труппы А.К. Рейнеке, не успевшие пристроиться в других театрах, организуют поездку по провинции со специально написанной пьесой на современные события» (Театр и искусство. 1914. № 38 (21 сент.). С. 756).

По надменному слову одного из руководителей здешнего Религиозно-Философского Общества, происходит снижение наше до вышедшего на подвиг народа... — Основной тезис доклада З.Н. Гиппиус «История в христианстве», прочитанного на заседании Религиозно-философского общества 5 ноября 1914 г. (опубл.: Записки петроградского Религиозно-философского общества. 1914–1916. Пг., 1916. Вып. 6. С. 20–28; подробнее см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. / Вступ. ст. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева; Сост. и подг. текста О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян; Примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, С.А. Мартьянова, О.В. Самоцветова, Л.В. Хачатурян. М., 2009. Т. 3. С. 33–95, 585–587).

Театр кроликов

Театр и искусство. 1914. № 51 (20 нояб.). С. 575–576.

Статья содержит отголоски дискуссии, развернувшейся перед открытием театрального сезона 1914/1915 г.; на страницах печати и, в частности, газеты «Биржевые ведомости» обсуждались следующие проблемы: сокращение/закрытие театральных площадок, изменение репертуара, безработица театральных деятелей и т. п. Начало дискуссии в газете, по-видимому, положила статья «Нужен ли театр?» О. Миртова (О.Э. Негрескул), опубликованная в 29 августа 1914 г. (с этой статьей корреспондирует «Театр кроликов» Сологуба). О. Миртов писал: «Нужен ли сейчас театр? Не смею сказать — нет. Но театр, как искание духа живого, как преображение жизни, тоже спутан холодной пеленой. Театр больших вопросов души — замкнут невидимым замком... Он стоит, ярко-освещенный, но пустой. Жизнь не нуждается сейчас в преображении. Она получила вдруг самую желательную для себя формулу — самый страстный лик страдания и экстаза. Не один человек, а весь мир в экстазе... И жизни не нужны подмошки. Ей некуда бежать: нет больше серых будней. Жизнь и смерть сдвинулись лицом к лицу. И в эти судные дни, когда жизнь и смерть дышат одним дыханием — как не важны вообще страдания и победная эволюция души какой-нибудь ибсеновской Норы, — сейчас эта маленькая женщина отодвинулась на второй план. Там, на границе, лицом к смерти, стоит ее возлюбленный, ее брат... Нет! Жизнь сейчас не ищет преображения, она сама в себе. Театр пуст, хотя и ярко-освещен, и ничья рука, естественно и без усилий, не отомкнет замкнутых дверей. Если же говорить о театре специальном, о разыгрывании специальных, злободневных, патриотических пьес, так это будет не театр, не преображение жизни, не волнение духа живого, а нечто вроде лабора-

тории или кухни, изготавливающей блюдо на сезон. Может быть, кому-нибудь и полезно такое механическое отвлечение внимания — чтобы скоротать как-нибудь дни, но повторяю, это не театр. Во избежание профанации не будем заставлять богиню спускаться вниз для услуг нам. Не попытайтесь ли как-нибудь иначе прилепиться к Жизни и с нею вместе внимательно заглянуть в лицо Смерти» (Бирж. вед. 1914. № 14341. (29 авг.). Веч. вып. С. 4). Как будто бы в ответ на категорическое высказывание О. Миртова в следующем номере газета опубликовала мнение И. Ясинского о перспективах театральной жизни: «Жизнь не должна унывать, когда торжествует смерть. Побеждена будет смерть. Побеждена будет смерть, если жизнь будет высоко держать свое знамя. Пусть гремит музыка, сверкают огнями театры, поэты сочиняют стихи, художники творят и выставляют свои картины... Все-таки прекрасна жизнь, даже окруженная, и сама окрыленная страданием и предвкушением смерти!» (Там же. № 14343 (30 авг.). С. 4). Вслед за тем на страницах «Биржевки» появилось интервью с директором Императорских театров В.А. Теляковским, в котором он заявлял: «Мариинский театр открылся. Таким образом, официально зимний театральный сезон вступил в свои права. Все театры должны будут действовать беспрепятственно. Острота переживаний первых дней проходит, мирная актерская армия не может бездействовать. Скажу больше: правильное функционирование театров — желание высших сфер. — Предстоящий репертуар — говорит директор, — сообразно обстоятельствам изменится» (*Двинский*. У директора Императорских театров В.А. Теляковского (беседа) // Бирж. вед. 1914. № 14345 (31 авг.). С. 3; там же (с. 4) помещена заметка «Режиссеры об открытии Мариинского театра»: «...мы решили выполнить все намеченные постановки, хотя в этом сезоне это окажется труднее, чем когда-либо»). Официальная точка зрения была поддержана ведущими режиссерами и актерами столичных театров, в дискуссию о составе репертуара включились В.В. Стрельская, Л.Я. Липковская, М.А. Потоцкая, Е.И. Рощина-Инсарова («Главное, — репертуар должен быть составлен из пьес патриотического содержания»), Е.А. Тиме, Ф.И. Шаляпин («Одoleвайте дух праздности и уныния! За родину!»), К.А. Варламов, Л.В. Собинов («Искусство на службе у героев — что может быть выше?»), Н.Н. Богомолов, И.В. Тартаков («...если театр может принести хоть малейшую посильную помощь пострадавшим от войны, он имеет полное право на существование и поддержку»; см.: Нужен ли теперь театр? // Бирж. вед. 1914. № 14347 (1 сент.). С. 4).

...а только кукольный дом. — Имеется в виду пьеса норвежского драматурга Г.Ибсена «Кукольный дом» (1879), которая в начале XX в. часто ставилась на русской сцене.

...Шекспирова обманутого мавра. — Речь идет о главном персонаже трагедии У.Шекспира «Отелло, венецианский мавр» (1604).

...первая страница газет возвещает нам ~ в великолепном зале ~ Маргарита и Арман... — Главные герои романа Александра Дюма (сына) «Дама с камелиями» (1848), сюжет которого лег в основу либретто оперы Дж.Верди «Травиата» (1853). В 1914 г. «Дама с камелиями» была поставлена на сцене Суворинского (Малого) театра (наб. реки Фонтанки, д. 65), премьера состоялась 14 апреля; впервые на сцене этого театра (до 1912 г. — Театр Литературно-художественного общества) пьеса была поставлена в 1906 г. (премьера 20 ноября) под заглавием «Как поживешь, так и прослынешь». Объявления о возобновлении спектакля были напечатаны в газетах «Новое время», «Обозрение театров» и др.

...в веселом театре ~ покажут «Причуды страсти»... — По сообщению газеты, в театре «Луна-Парк» (находился на Офицерской ул., ныне ул. Декабристов) «в субботу, 29-го,

гастроль г-жи Рябушинской в новом жанре оперетты “Причуды страсти”) (Бирж. вед. 1914. № 14521 (27 нояб.). Веч. вып. С. 4); постоянный театральный обозреватель «Биржевых ведомостей» Двинский (М.М. Берман) писал по этому поводу: «В настоящее время, когда опереточный импорт из-за границы совершенно прекратился, нашим опереточным театрам волей-неволей приходится освежить прежние новинки. Таким образом, луна-парковской дирекции сам Бог велел вытащить их архива свою прошлогоднюю “маскотту”, мелодичную оперетту г. Вилинского “Причуды страсти”. Правда, главный трюк оперетты — пресловутое танго — уже несколько потеряло свою острую пряность, но все же оперетка дала дирекции почти полный сбор» (Бирж. вед. №14527 (30 нояб.). Веч. вып. С. 4). Александр Борисович Вилинский (1869–?) — композитор, дирижер, оперный и опереточный тенор; автор оперетт «Суд богов», «Заза», популярных песен и романсов; наибольшей известностью пользовались песня «Варяг» на слова Я. Репнинского, романс «Ах, я влюблен в глаза одни»; его романсы исполняли Варя Панина, Анастасия Вяльцева.

...искусства «чувствительного и фривольного», по выражению милого поэта. — Цитата из повести поэта Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) «Картонный домик» (1907), см.: «Играя, Демьянов все время видел через головы других бледное круглое лицо с будто незрячими глазами, устремленными на него. Это его смущало и сердило, и, торопливо кончив песенки на свои же слова, чувствительные и фривольные, он спешно вышел в соседнюю залу <...>» (гл. 4).

Выбор ориентации

Отечество. 1914. № 6 (14 дек.). С. 104–107.

...о разрушенном Лувене, о Реймском соборе... Лувен (флам. Лёвен) — средневековый город на территории Бельгии; в августе 1914 г. немецкая артиллерия сравняла его с землей в наказание за обстрел лувенцами немецких солдат; Лувен был подожжен, сгорели университетский городок и богатейшая библиотека, большая часть центра города была полностью разрушена; судьба Лувена в русской печати стала символом «тевтонского варварства» (см.: *Бенуа А.* О вандализмах // Речь. 1914. № 232 (30 авг.). С. 2). И. Ясинский писал: «Город-музей, город-памятник, прекрасный город Лувен разрушен, разгромлен, стерт с лица земли в XX веке, подобно тому, как истреблялись лежащие ныне в развалинах культурные города дикими варварами до Р.Х. и в первое тысячелетие нашей эры. <...> Предполагалось, что прусские темные силы совершили это преступление, побивши все рекорды преступности, предусматриваемой уголовными кодексами, независимо от центральной власти; виднее, оптимистам, продолжавшим видеть в императоре Вильгельме выдающегося государя, хотелось это предполагать. Но теперь, после письма Вильгельма к президенту Вильсону, сомнения рассеялись. На то была воля новейшего Аттилы. <...> Он пишет, что “некоторые местности, в том числе и Лувен, были уничтожены”; но что “сердце мое истекает кровью при мысли о том, что эти меры вызваны необходимостью”» (*Ясинский И.* Сердце Вильгельма // Бирж. вед. 1914. № 14338 (26 авг.). Утр. вып. С. 3).

Реймский собор (построен в XIII в.) — один из самых известных образцов готического искусства во Франции, место коронации французских королей; в сентябре 1914 г. Реймс был захвачен немцами, в результате бомбардировки собор был разрушен, уничтожены остатки

вitraжей, пострадали статуи. Против немецкого вандализма выступили русские писатели и художники, 9 сентября газета «Биржевые ведомости» (№ 14362 (9 сент.). Утр. вып.) напечатала письмо-протест Н.К. Рериха, 10 сентября — С.А. Маковского («Есть жертвы, непременные без вопля. Есть позор, перед которым бессильно даже презрение. Этим позором покрыли себя отступающие пруссаки, направляющие свои тяжелые орудия на Реймский собор, в отместку за поражение на берегах реки Эн. <...> Погиб памятник, быть может, величайший по духу животворящему, по вдохновенности сверхчеловеческой, соборной, насыщенный гением веков. <...> погиб символ целой эпохи». — Гибель Реймского собора // Бирж. вед. 1914. № 14364 (10 сент.). Утр. вып. С. 3) и т. п.

...о нехороших поступках курортных германских врачей... — С началом войны русским подданным, находившимся на курортах в Германии, было отказано в медицинской помощи; газеты систематически печатали свидетельства жестокого обращения врачей с бывшими пациентами. Например, 14 августа 1914 г. в газете «Утро России» появилась статья Т. Ардова, основанная на показаниях очевидцев; в частности, он писал: «Как-то весь холодеешь, сжимаешься, дрожишь от подступающего к сердцу и к вискам темного, одуряющего возмущения, когда читаешь о том, что делали и делают немцы. <...> В Берлине был врач, притом профессор, одна из тех знаменитостей, к которым всегда ездят лечиться “русские свиньи”, — который, едва лишь разразилась война, выбросил из постели больную, несчастную страдальицу, г-жу Туган-Барановскую, которая имела роковую наивность довериться его немецкой культурности. Изнеможенная, перенесшая ряд тяжелых операций, с лицом и головой, лишенной кожного покрова, она лежала вся в повязках, и он выгнал ее вон, отдал ее солдатам, и они сорвали с ее гноящегося лица бинты и открыли обнаженное человеческое “мясо”, потом бросили ее в вагон и снова выбросили, не довезя до границы; кто-то подобрал ее и донес на руках, а через несколько дней она умерла от заражения крови. Заражение крови — это был ужас, висевший над ней постоянно, каждую минуту, оно угрожало ей при каждом неосторожном прикосновении грязных рук к ее лицу, при каждой случайности; и немец-врач хорошо знал это; он знал, что она потому-то и в его лечебницу пришла, что верила в его профессиональную аккуратность и в его гуманность; он знал, что ее не то что к солдатам отпустить нельзя, но нельзя позволить ей переступить порог лечебницы. И она умоляла его не отдавать ее, “спасти” ее. Однако он выбросил ее вон. Скажите мне теперь, кто же это — “Вильгельм”, “прусский юнкер”, “империалист”? Кто это сделал? И что такое этот народ, если ученый, образованный человек, представитель гуманнейшей из профессий, которая призвана делать дело милосердия даже среди ужасов войны, совершил такое зверство?! Будьте покойны, германская врачебная корпорация и не подумала исключить этого “врача” из своей среды». Статью Ардова, обличающую жестокосердие немцев, в полном объеме привел В.В. Розанов в книге «Война 1914 года и русское возрождение» (Пг., 1915. С. 61–68).

...«европейца все вниманье народ сей дикий привлекал»... — Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник» (1821).

...свой Бокль... — Генри Томас Бокль (1821–1862) — английский историк, социолог, позитивист, автор «Истории цивилизации в Англии».

Великого Петра ~ В основе всякого добра. — Цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Несчастные» (1856).

...превосходные крупновские орудия... — Альфред Крупп (1812–1887) — немецкий промышленник и изобретатель; крупнейший поставщик оружия эпохи, «пушечный король».

... в последние десять лет работы Государственной Думы... — Государственная дума в России была учреждена царским Манифестом от 6 августа 1905 г. для предварительной разработки и обсуждения принимаемых законов, рассмотрения бюджета, государственных доходов и расходов.

...поэт, сказавший ~ «гнила культура, как рокфор». — Цитата из стихотворения Игоря Северянина «Пролог» («Прах Мирры Лохвицкой осклепен...») (1911).

...хозяйкою нашего великого русского дома останется все же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых. — Ср. полемическое возражение А.И. Тинякова: «...если так, то хозяйке нашего дома не нужны броненосцы и граммофоны и заботы о чем-либо подобном <...>. Здесь не может быть колебаний и совмещений: Христос и Эдиссон идут в разные стороны, и если нам душа Марии действительно ближе души Марфы, то мы пойдем за Христом, не слушая того, что нам будет кричать Эдиссон в усовершенствованную телефонную трубку. И не только сами пойдем, но и наших западных братьев попытаемся увлечь на наш путь!» (Тиняков А.И. К переоценке ценностей // Голос жизни. 1915. № 8. С. 12).

1915

Отечество для всех

Отечество. 1915. № 1. С. 2. Подпись: Ф. С.

Печ. по: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 396.

...но и как борьбу... — Далее в газете отточие вместо фразы: «за наше внутреннее освобождение, как борьбу».

...вопросы великого домостроительства нашего. — Далее заключительная фраза: «И чего мы все, разумом и совестью соединенные, захотим, то и будет» — в публикации отсутствует.

Мировая громада

Бирж. вед. 1915. № 14638 (28 янв.). Утр. вып. С. 3.

Статья была написана по просьбе А.А. Измайлова в ответ на вопрос анкеты «Биржевых ведомостей»: «Считаете ли Вы необходимым формальный союз России и Англии» (см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская: Переписка с А.А. Измайловым / Публ. М.М. Павловой // Ежегод. РО Пушкинского Дома. 1995. СПб., 1999. С. 252). В оценке перспектив англо-русских отношений Сологуб ориентировался на авторитетное мнение П.Г. Виноградова (ср.: «Союз же Англии с Россией, основанный на взаимном уважении, мог бы сделаться краеугольным камнем для защиты мира и права» — Виноградов П. Англия и Россия // Бирж. вед. 1915. № 14612 (15 янв.). Утр. вып. С. 2).

Жаль Болгарию

Бирж. вед. 1915. № 14646 (1 февр.). Утр. вып. С. 3.

Говорить о Болгарии, как будто, уж и не стоит: и оправдывали ее, и осуждали достаточно... — Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав 14 октября 1915 г., однако в течение нескольких месяцев до этого акта болгарское правительство не могло принять решение, на чьей стороне выступить. Важное стратегическое положение страны, особенно после вступления в войну Турции, способствовало спекуляциям правительства (на чьей стороне выступить). Австро-Венгрия оказывала давление на правительство Радославова (в переговорах зашла речь о присоединении к Болгарии Македонии и Сербии). Весь январь 1915 г., вплоть до начала Дарданелльской операции, Болгария пыталась «набить цену» за болгарский нейтралитет. В стране ширилось движение за присоединение к Антанте. Дипломатическая битва за Болгарию обострилась в мае 1915 г.; 23 мая, в день вступления в войну Италии, Радославов получил от Германии и Австро-Венгрии декларацию о двух зонах в Македонии (*Шкундин Г.Д.* Динамика болгарских военно-политических целей в ходе Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 22).

...указывает деятельность генерала Радко-Дмитриева. — Радко-Дмитриев (Радко Русков-Димитриев, 1859–1918) — болгарский и русский генерал; с 1914 г. — болгарский посланник в Петербурге. С началом войны поступил на службу в русскую армию, в сентябре 1914 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени за отличие в делах против неприятеля; командовал 8-м армейским корпусом, 3-й армией; после поражения его армии под Горлицей, отражавшей главный удар немецких войск, и вынужденного отступления был заменен на посту командующего армией; командовал 2-м и 7-м сибирскими корпусами; с 20 марта 1916 г. — командующий 12-й армией, расположенной в районе Риги. Деятельность болгарского генерала систематически освещалась на страницах русской печати; см., например: «Болгарский посланник, герой последней балканской войны, ген.-лейт. Радко-Дмитриев объявил своему правительству, что выходит в отставку и зачисляется в ряды русской армии. Ген. Радко-Дмитриев говорит: — Я чувствую себя наполовину русским. Военное образование я получил в русской академии генерального штаба, а затем в разное время лет пятнадцать прослужил в рядах славного русского войска, из коих десять лет командовал ротой в Тифлиском гренадерском полку на Кавказе. (...) В такой великий момент я не могу смотреть, сложа руки, как мои братья русские идут в бой за общее славянское дело. Мой долг перед Россией и всем славянством властно мне повелел бросить штатскую службу и идти на войну вместе с русскими братьями» (Бирж. вед. 1914. № 14273 (26 июля). Веч. вып. С. 4); в заметке «Письмо Радко Дмитриева на родину» сообщалось: «Письмо ярко характеризует героическую личность “болгарского Наполеона”, который сейчас во главе части русских войск доблестно отражает волны тевтонского нашествия. “Я ни минуты не сомневаюсь в том, что, в конце концов, наше святое славянское дело восторжествует и что вековой враг будет сокрушен. Я всегда любил русских воинов и горячо верил в них, но сейчас, когда я их вижу в доблестном ратном деле, (...) я их прямо боготворю»» (Бирж. вед. 1914. № 14507 (20 нояб.). С. 4).

Все вместе

Бирж. вед. 1915. № 14652 (5 февр.). Утр. вып. С. 3.

Статья продолжает серию правозащитных публицистических выступлений Сологуба по еврейскому вопросу: Отечество для всех (см. наст. изд.); Анкета об евреях: (Открытое письмо к публике трех русских писателей) // Бирж. вед. 1915. № 14648 (3 февр.). Утр. вып. С. 4; то же — Война и евреи. 1915. № 5. С. 3–4; *Сологуб Ф.* Вечный жид // Русские вед. 1915. № 184 (11 августа). С. 5; Щит // Литературный сборник под ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба. М., 1915. С. 169–170; и др. См. также газетные отчеты о вечерах с участием Ф. Сологуба, М. Горького и Л. Андреева: Русско-еврейский вечер // Речь. 1915. № 64 (7 марта). С. 5; *Ариель.* Вечер в пользу еврейского комитета // Петроградский курьер. 1915. № 402 (8 марта). С. 5; Новый восход. 1915 № 10–11 (13 марта). С. 50–51 и др. Сологуб и Ан. Чеботаревская были одними из инициаторов организации «Русско-го общества по изучению еврейской жизни» (совместно с Л. Андреевым и М. Горьким) и одними из редакторов (в том же составе) сборника статей и материалов по еврейскому вопросу — «Щит» (Пг., 1915). (Подробнее см.: *Кельнер В.Е.* Очерки по истории русско-еврейской жизни в России в начале XX в. СПб., 2003. С. 97–112; *Соболев А.Л.* Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // *Donum Homini Universalis: Сб. ст. в честь 70-летия Н.В. Котрелёва.* М., 2011. С. 327–358.)

Порог житницы

Бирж. вед. 1915. № 14682 (20 февр.). Утр. вып. С. 3.

Шныряют вокруг Англии германские подводные лодки... — Речь идет о блокаде английского побережья немецким военным флотом; тема широко обсуждалась в печати: например, К. Шумский, постоянный политический обозреватель «Биржевых ведомостей», в статье «Итоги войны за семь месяцев» привел статистику потопленных английских кораблей за месяцы войны (Бирж. вед. 1915. № 14680 (19 февр.). Утр. вып. С. 5); в том же номере газеты тему подводной блокады у британских берегов в деталях освещал А. Яценко: «Германия в настоящее время страдает недостатком жизненных припасов. Это одинаково относится и к ее войску и к ее мирному населению. Совершенно неосновательным потому обвинения германским правительством Англии и Франции в варварстве лишь потому, что английские и французские суда препятствуют доставке в Германию жизненных средств из нейтральных стран. Совсем иное дело — пресловутая германская “подводная блокада” английских берегов. <...> Топя без всякого призового суда встреченные суда, немецкие подводные лодки нарушают основные обычаи права морской блокады, и потому они не блокаду осуществляют, а совершают преступные пиратские действия. <...> Английское и французское правительства в ноте, обращенной к нейтральным державам, выражают намерение отныне изолировать вполне Германию от внешнего мира. Эта мера предпринимается, однако, в порядке репрессалии, а не блокады. Поэтому она не будет сопровождаться конфискацией нейтральных судов и грузов, если они не носят контр-ибуционного характера» (*Яценко А.* Допустима ли подводная блокада — Там же. С. 3).

...Западная Европа начинает понимать, почему ей выгоднее, чтобы Константинополь был нашим... — В ноябре 1914 г. турецкий флот блокировал Босфор и Дарданеллы, тем самым перекрыв экспорт пшеницы из России в Европу и поставку грузов от союзников. Статья была написана в контексте общего обмена мнениями в прессе о необходимости для европейских держав (стран Антанты) завоевания Дарданелл, Босфора и Константинополя.

Возможно, отклик на статью П.Н. Милокова «Территориальные приобретения России» в коллективном сборнике «Чего ждет Россия от войны?» (Пг., 1915), в которой он заявил: «...вступление Турции в число наших врагов существенно изменило дело, дав нам возможность поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики. Целью ее в настоящее время должно быть сделано приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России, вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов, чтобы обеспечить защиту проливов. Со стороны европейского берега границы Hinterland'a Константинополя определенно установлены Лондонской конференцией и Константинопольским договором 1912 года» (с. 57).

Завоевание правды

Бирж. вед. 1915. № 14769 (7 апр.). Утр. вып. С. 3.

Согласно заключению цензора С. Виссарионова, «означенная статья подлежала исключению» (РГИА. Ф. 777 (Цензурный комитет СПб.). Оп. 22 (1915). Д. 6, ч. I. Л. 89–90).

Амос Коменский (1592–1670) — чешский педагог-гуманист, писатель и общественный деятель, основоположник научной педагогики; епископ Чешскобратской церкви. В работе «Законы хорошо устроенной школы» и других педагогических трудах формулировал назначение школы как «мастерской гуманности и человечности»: «Главнейшей целью христианской школы должно быть то, чтобы она представляла мастерскую для выработки людей, из христиан — подлинных христиан» (*Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. / Предисл. и пер. А.А. Красновского. М., 1939. Т. 2. С. 3.*)

Суд людской

Бирж. вед. 1915. № 14829 (7 мая). Утр. вып. С. 3.

...начались заседания чрезвычайной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны... — Чрезвычайная следственная комиссия открыла свою работу 4 мая 1915 г. в присутствии министра юстиции И.Г. Щегловитова (см.: Бирж. вед. 1915. № 14823 (4 мая). Утр. вып. С. 3). Политический комментарий событию дал А. Ященко в статье «Следствие о преступлениях неприятеля»: «Девять месяцев уже продолжается война <...>. И только теперь удосужились мы приступить к образованию чрезвычайной следственной комиссии для расследования преступных действий, совершаемых германскими и австро-венгерскими войсками, между тем как в Бельгии и Франции с самого начала войны действуют такие комиссии, уже опубликованы несколько отчетов, и сама Германия “на всякий случай” и для отвода глаз образовала две следственных комиссии. <...> будет выяснена правда о немецких зверствах и преступлениях и авторы их будут пригвождены к позорному столбу в общественном мнении всего цивилизованного мира» (Бирж. вед. 1915. № 14799 (22 апр.). С. 3).

...один из русских переводов ~ Шиллеровой «Песни о колоколе». — Первый русский перевод поэмы «Песнь о колоколе» Фридриха Шиллера (1759–1805) принадлежал Дмитрию Егоровичу Мину (1818–1885), опубл.: Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов / Под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1857. Т. 1. С. 56–72.

...приговор *коронера*, вынесенный недавно по поводу потопления на пароходе «Лузитания»... — 25 апреля 1915 г. у берегов Ирландии было торпедировано немецкой подводной лодкой пассажирское судно «Лузитания», направлявшееся в США; событие имело широкий резонанс в русской и зарубежной прессе и вызвало мощный протест против нового акта германского зверства. «Биржевые ведомости» сообщали: «На “Лузитании” находилось около трех тысяч человек, и из этой массы людей спаслось не более одной четвертой части. <...> потоплено свыше двух тысяч людей, среди которых было много женщин и детей, да и остальные пассажиры “Лузитании” в большинстве американские граждане, никакого касательства к войне не имели. Провозом военных грузов пароход тоже не занимался. <...> Это просто разбойничье массовое убийство, и притом предумышленное, по заранее разработанному и с большим упорством и ловкостью проведенному плану» (Наследник Аттилы // Бирж. вед. 1915. № 14807 (26 апр.). Утр. вып. С. 1); «Гогенцоллерны достойным образом ознаменовали 500-летний юбилей своего дома, пустив ко дну полторы тысячи детей, женщин и беззащитных граждан, в значительной части — нейтральных американцев. И обезумевшая Германия встречает диким ликованием это гнусное злодеяние. Творится нечто невероятное. Многомиллионный народ, потомки Гумбольдта и Гегеля, Бетховена и Шиллера превратились на наших глазах в озверевшую стаю каннибалов, не знающих высшего дара для своего властелина, как человеческая кровь. <...> Германия сама поставила себя отныне вне закона. <...> все человечество должно сплотиться и подтвердить справедливость слов “New-York Times” “Германия находится в войне со всем цивилизованным миром”. <...> Теперь уже вполне определенно дело идет не о героической борьбе двух великих коалиций, а об облаве на дикого зверя. Необходимо с корнями вырвать его ядовитые клыки и отсечь его стальные лапы» (Вне закона // Бирж. вед. 1915. № 14809 (27 апр.). С. 3). У Белого дома в Вашингтоне прошли демонстрации с требованием, чтобы президент Вильсон выступил с декларацией об отказе от политики нейтралитета и начале решительных действий против Германии. Английский *коронер* (т.е. ведущий расследование преступления) «произнес над Вильгельмом II приговор уголовный» (Честь Вильгельма // Бирж. вед. 1915. № 14827 (6 мая). С. 3).

Тирпиц... — Альфред фон Тирпиц (1849–1930) — *гросс-адмирал* (27 января 1911), командующий флотом; сторонник неограниченной подводной войны и блокады британских островов; в марте 1916 г. подал в отставку, встретив сопротивление кайзера на его предложение снять ограничения на применение подводных лодок.

...*остров Святой Елены ~ памятный векам*. — *Остров Святой Елены* — место ссылки (с 1815) и смерти (1821) Наполеона I Бонапарта.

Пропаганда действием

Бирж. вед. 1915. № 14831 (8 мая). Утр. вып. С. 3.

...из занятой германцами Либавы пришла весть ~ убили директора местного латышского театра Экштейна... — В первых числах мая 1915 г. германские войска взяли Либаву (Лиенае), в печати повсеместно сообщалось о зверствах немцев по отношению к местному населению; «По словам беглецов, в Либаве немцы приказали открыть все трактиры. Пьянство немецких солдат идет вовсю. В кургаузе играет музыка. Подтверждается известие, что немцами застрелен директор либавского латышского театра до-

ктор Экштейн» (Бирж. вед. 1915. № 14827 (6 мая). Утр. вып. С. 1). Врач Э. Экштейн был первым директором Либавского театра, основанного в 1906 г.

Путь вверх

Бирж. вед. 1915. № 14841 (14 мая). Утр. вып. С. 3.

Продавать миолин вместо меда выгодно... — Миолин — техническое масло (солидол), по внешнему виду и консистенции похоже на мед; в годы Первой мировой войны применялось для смазки военной техники (стволов пушек и т. п.).

...народ понесет домой с базара Белинского и Пушкина... — Вольная цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1876): «Когда мужик не Блюхера, / И не милорда глупого — / Белинского и Гоголя / С базара понесет?» (из части 1, гл. 2).

И у нас, и за границею многие думают, что должна быть особая пролетарская литература... — Этой теме Сологуб посвятил заметку в издававшемся им журнале «Дневники писателей» (1914. № 3–4. С. 5–61), ср.: «В Берлине, в Париже и в Вене пришлось говорить о нарождающейся пролетарской литературе...» и т. д.

Единственные сыновья

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 291.

Сведения об отсылке статьи: Бирж. вед. 1915. 22 июня (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 546).

Единственные сыновья. — Согласно положению о воинской повинности, в российской армии единственные сыновья пользовались льготой по семейному положению, их не призвали на воинскую службу.

... запасных второго разряда. — Запасные II разряда — ополченцы второй очереди — старших возрастов (32–43 лет).

Казалось бы, что такое оборыши... — Оборыш (прост.) — то, что осталось после отбора хорошего (Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова и др. М., 2001. Т. 2. С. 153).

...я читал где-то на днях, что 26 тысяч учащихся организованы в сельскохозяйственные дружины... — Мероприятие освещалось в печати (сведения газет о численности привлеченных учащихся были разными); см., например: Л.Г. 15000 учащихся на полевых работах: (Сообщение вице-директора департамента земледелия Е.Ф. Лискуна) // Бирж. вед. 1915. № 14912 (18 июня). Веч. вып. С. 4 («...в виду начала яровых работ <...> отменили экзамены во всех учебных заведениях, предложив учащимся отправиться на полевые работы» и т. д.).

Скифская стратегия

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 460.

Сведения об отсылке статьи: Бирж. вед. 1915. 18 июня (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 546).

Отклик на отступление русских войск в районе Пинска (на участке между Вислой и Брестом). Стратегическое отступление летом–осенью 1915 г., предпринятое с целью выиграть время для наращивания военной промышленности и подготовки и пополнения резервов, в военной истории получило название Великое отступление.

...и стратегия Аннибала и Наполеона, и скифская стратегия заманивания в глубину страны. — В исторической науке карфагенский полководец Ганнибал (247–183 до н.э.) признан одним из величайших военных стратегов (наряду с Наполеоном I Бонапартом) и одним из величайших полководцев древности; военные историки называют его «отцом стратегии», так как его враги — римляне заимствовали у него стратегические приемы. Согласно историческим источникам, скифы первыми в истории войн успешно применили стратегическое отступление с целью изменения соотношения сил в свою пользу.

Карл XII мечтал ~ Украина изменит... — Король Швеции Карл XII (1682–1718) в период похода на Россию (1709) рассчитывал на военную помощь со стороны Украины; украинские казаки и запорожцы перешли в русское подданство в 1654 г., с сохранением самоуправления и власти гетмана; гетман Иван Мазепа встал на сторону шведского короля, однако не был поддержан основной массой украинского казачества.

Гадания

Бирж. вед. 1915. № 14919 (22 июня). Утр. вып. С. 3 (в сокращении).

Сохранились гранки статьи с цензурным выпуском: РО ИРЛИ.Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 542.

Печ. по наборной рукописи: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 260.

Победит не тот, у кого крепче нервы, как думают германцы... — Перефразированное изречение командующего Восточным фронтом Г.Гинденбурга («Победит тот в этой войне, у кого крепче нервы»), ставшее крылатым; в июле–августе 1915 г. актуализировалось в русской печати в связи с заседаниями Государственной думы (см.: Л. Навстречу Гинденбургу // Утро России. 1915. № 238 (29 авг.). С. 1, — в статье говорится о том, что победа всецело зависит от власти людей, которым народ может доверять; *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. // Тарле Е.В. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1957. Т. 4. С. 122).

...Бог его знает, что он думает. — Далее в газете цензурный выпуск текста от слов: «— Ну, что, побьем немца?» до «И каждый спрашивающий».

Вот читал я на днях, что после войны сильно поднимется народная самодеятельность. — Это мнение, в частности, развивал П.Б. Струве в статье «Органическое управление» (Бирж. вед. 1915. № 14917 (21 июня). Утр. вып. С. 2); вероятно также, что Сологуб ознакомился со статьей А.И. Шингарева «Земская и городская Россия» из коллективного сборника «Чего ждет Россия от войны» (СПб., 1915), посвященной реформе земского и городского самоуправления и ее значению для послевоенной России (см. с. 188–209).

Бодрая сладость

Бирж. вед. 1915. № 14935 (30 июня). Утр. вып. С. 2, 4.

... концерта Собинова. — Леонид Витальевич Собинов (1872–1934) — выдающийся тенор, один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы.

«В настоящее время, когда...»... — Постоянная формула Добролюбова, «пародировавшая фразеологию либерального оптимизма “эпохи великих реформ”. Впервые употреблена критиком в рецензии на пьесы “Уголовное дело” и “Бедный человек” К.С. Дьяконова» (Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 749. Примеч. Е. Буртиной).

Автор заметки отнесся к этому очень сурово. — Отклик на статью «Г. Собинов и г. Ярославцы», автор которой с возмущением осуждал решение, принятое городской администрацией в связи с выступлением артиста: «И никого в Ярославле такой взгляд на г. Собинова не удивляет. И в местной газете вы можете прочесть убийственно равнодушную заметку в хронике: “По случаю концерта г. Собинова назначенное на 4-е июня заседание городской думы переносится на 6-е июня”. Точно будто так оно и полагается! Силен в Ярославле культ музыки! В иное время, пожалуй, не стоило бы останавливаться на подобном провинциальном увлечении музыкой. <...> Почему и не отменить в иное время заседание городского или земского управления ради звонкоголосого Ромео и Ленского? Но нынче, в наши дни, в переживаемое время? <...> Поистине изумительное легкомыслие!» (Бирж. вед. 1915. № 14929 (27 июня). Утр. вып. С. 6).

В.В. Розанов восхищался Европою... — Речь идет о книге Василия Васильевича Розанова (1856–1919) «Итальянские впечатления» (СПб., 1909), в которой собраны путевые очерки о его поездке в Европу и заметки о европейской жизни.

«Ни замков, ни морей, ни гор»; «Спасибо, сторона родная, за твой чарующий простор!» — цитаты из стихотворения Н.А. Некрасова «Тишина» (1856–1857).

Sole mio — «*O Sole mio*» — популярная неаполитанская песня (1898), музыка Эдуардо ди Капуа, слова Джованни Капурро.

...несравненной Аделине Патти петь Алябьевского «Соловья»... — Аделина Патти (Adelina Patti, 1843–1919) — итальянская певица (колоратурное сопрано), любимая вокалистка Джузеппе Верди; в 1869–1877 гг. гастролировала в России. В юности Сологуб слушал Патти, пение которой, по свидетельству биографа писателя, «произвело на него неотразимое впечатление. Уже в старости Федор Кузьмич говорил, что голос Патти узнал бы тотчас, настолько врезался ему в память самый звук, — тембр ее голоса» (Черносвитова О.Н. Материалы к биографии Ф. Сологуба / Вступ. ст., публ. и коммент. М.М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 235). А. Патти была в числе первых исполнительниц романса «Соловей» (1827) Александра Александровича Алябьева (1787–1851) на стихи А.А. Дельвига.

Японский Гамбург

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 515.

Сведения об отсылке статьи: Бирж. вед. 1915. 29 июня (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 546).

С того дня, когда Япония объявила войну Германии... — 15 августа 1914 г. японское правительство предъявило Германии ультиматум, требуя отзыва германских войск с Тихого океана, вывода кораблей из Циндао и передачи Японии Шаньдунского полуострова; японцы

также потребовали передачи им германских тихоокеанских колоний. Не получив ответа на ультиматум, 23 августа 1914 г. Япония объявила войну Германии.

...японцы могли бы послать свою армию в Европу. Эти разговоры, кажется, так и остаются в области бесед и благих пожеланий. — Ср.: «Ни тройственное согласие, в целом, ни союзница Японии, Англия, в отдельности, не требует появления японского флота в европейских водах или сухопутных японских войск на континенте Европы. Япония сама этого желает, предлагая свои услуги. Но она хотела бы выступить непременно в качестве союзницы России и присоединить свои силы к нашим силам против Германии» (*Ориенталист*. Япония и союз с Россией // Утро России. 1915. № 185 (6 июля). С. 1).

...в Альтоне. — Альтона (нем. *Áltona*) — один из районов Гамбурга на правом берегу Эльбы, крупный порт.

Имела же Германия свою колонию под боком у Японии, в Китае? — Китайский город и военно-морская база Цзяо-Чжоу, оккупированные немецкими войсками в 1897 г.; поводом для ввода в город эскадры немецких крейсеров послужило убийство двух немецких миссионеров, после чего Китай был вынужден подписать договор об аренде данной базы.

Цена одному

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 504.

Сведения об отсылке статьи: Бирж. вед. 1915. 9 июля. Утр. вып.; Утро России. 1916. 22 июня (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 546).

Статья была возвращена (вместе с рукописью рассказа «После драки»); в сопроводительном письме от 31 июня (13 июля) 1915 г. А.А. Измайлов писал Сологубу: «Редакция очень просит у Вас рассказа, но не такую шалость, как “После драки”, которую весьма приятно прочитать и засмеяться, но даже нельзя послать в цензуру, потому что там примут это за глумление, и во-вторых, без таких “объективностей”, как в посылаемой статье “Цена одному”, где Вы признаетесь, что “не враг германскому народу” и т. д. Цензура требует, чтобы писали о Германии как враги, и эту статью Михаил Михайлович Гаккебуш просил у меня вернуть Вам» (Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская: Переписка с А.А. Измайловым // Ежегод. РО Пушкинского Дома. 1995. С. 255).

«Уж сколько раз твердили миру, что»... — Цитата из басни И.А. Крылова «Ворона и Лисица» (не позднее 1807).

...читаем рассказы о том, что делал Бисмарк, как ведет себя Вильгельм II... — Рассказы, дискредитирующие Бисмарка и Вильгельма II, а также антикайзеровские анекдоты составляли постоянную рубрику русских газет; например, 20 июня 1915 г. «Биржевые ведомости» поместили сразу две заметки: 1) «Манифест императора Вильгельма», где автор в ироническом стиле процитировал речь кайзера по случаю годовщины войны («...перед Богом и историей совесть императора чиста. Император не хотел войны. Не жажда завоеваний вовлекла Германию в войну. Германские войска вступили в оборонительную борьбу для защиты существования нации»); 2) «Четыре речи Вильгельма», в которой сообщалось: «Неутомимый кайзер беспрепятственно разезжает по всему гигантскому фронту, не прекращая своих ходульных выступлений. <...> Преобладающие мотивы — необузданное самохвальство и бахвальство», далее приведены фрагменты речей Вильгельма (Бирж. вед. 1915. № 16976 (20 июня). Веч. вып. С. 2).

Под спудом

Бирж. вед. 1915. № 15053 (28 авг.). Утр. вып. С. 3.

Жюль Гед и Вандервельде... — Жюль Гед (наст. имя и фам. Матьё Базиль, 1845–1922) — французский политик-социалист, в августе 1914 г., с началом Первой мировой войны, вошел во французское правительство в качестве министра. Эмиль Вандервельде (1866–1938) — бельгийский социалист, в 1914 г. вошел в бельгийское правительство (вплоть до 1937 неоднократно занимал посты министра иностранных дел, юстиции и др.).

...Габриэль д'Аннунцио воодушевляет восторженные толпы... — Габриэле д'Аннунцио (наст. фам. Рапаньетта, 1863–1938) — итальянский писатель, драматург и политический деятель; в 1915–1918 гг. участвовал в боях, сначала в авиации, затем, после ранения, в пехоте. Возможно, Сологуб здесь ссылается на заметки: Генуэзские торжества: (Речь д'Аннунцио) // Бирж. вед. 1915. № 14803 (24 апр.). Утр. вып. С. 3; Слава и почет Габриэлю Д'Аннунцио // Бирж. вед. 1915. № 14840 (13 мая). С. 2, — в заметке сообщалось: «Мы уже писали о том ореоле славы, который окружает сейчас в Италии личность великого национального поэта Габриэля д'Аннунцио. Университет гор. Генуи явился выразителем этого народного мнения о поэте и преподнес Габриэлю д'Аннунцио золотой крест со следующей надписью: “Габриэлю д'Аннунцио, который, увенчав новыми лаврами чело родины, указал ей в чудесных образах ее судьбу и назначение. Великолепный ректор университета, сенатор Мараглиано торжественно вручил этот подарок поэту в присутствии восторженной толпы студентов и молодежи”».

...как некогда греки не могли не отразить Ксерксовых полчищ. — Один из решающих эпизодов греко-персидских войн: в 479 г. до н. э. в битве при Платеях армия греков под предводительством спартанца Павсания одержала полную победу над войсками персидского царя Ксеркса I (правил в 486–465 до н. э.), персы были разбиты и изгнаны из Аттики и Беотии.

...читал я на днях в одной газете, что нам нужны организаторы, Карно, Гамбетта... — Лазар Карно (1753–1823) — государственный и военный деятель Франции, проявивший выдающиеся организаторские способности на всех занимаемых постах — как член Конвента, комиссар Комитета общественного спасения (в короткий срок создал 14 армий, организовал оборону по всей границе, благодаря его деятельности французы выиграли битву с австрийцами при Ваттиньи в 1793), как председатель Директории. Леон Мишель Гамбетта (1838–1882) — премьер-министр и министр иностранных дел Франции, организатор народной обороны в период Франко-прусской войны (1870–1871), видный политический деятель Третьей французской республики. Сологуб ссылается на выводы К. Шумского, изложенные в статье «О “русском вооруженном народе”» по результатам заседания Государственной думы 19 и 20 июля: «Из сегодняшнего отчета Государственной Думы видно, что предполагается сделать первый шаг в достижении того “превосходства в числе”, которое в нынешних войнах, прежде всего, может дать победу (...). Предполагается призвать “более молодых ратников 2-го разряда”, число которых определяется военным министром “свыше 8 миллионов”. Конечно, один призыв новых резервных еще не есть гамбеттовская работа и еще не есть создание новых армий, что можно видеть на примере англичан, набравших уже 10 месяцев тому назад до трех миллионов добровольцев, которые, однако, еще не претворены в армии. Потребность в громадном количестве офицеров, в громадном количестве оружия, снарядов, запасов, снаряжений, штабов, необходимость в надлежащей подготовке громадных серых

масс, сплавивание и “спаивание” воедино отдельных частей войск, — все это требует гигантской работы, требует талантливых и воодушевленных организаторов, типа Гамбетты 70-го года или Карно конца XVIII-го века, — все это требует громадного национального порыва, требует простора, права свободной инициативы <...>. Нужны Гамбетты и Карно. Нужны талантливейшие организаторы свободных народных сил нашей страны, еще не исчерпанных более чем на три четверти» (Бирж. вед. 1915. № 14976 (20 июля). Веч. вып. С. 2).

Не мешало бы иметь также Ллойд Джорджа... — Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг. (от Либеральной партии).

...умер Богучарский, теперь мы потеряли Лутугина. — Василий Яковлевич Богучарский (1860–1915) — общественный деятель, писатель, публицист, историк революционного движения в России, издатель, редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы»; скончался 8 (21) мая. Леонид Иванович Лутугин (1864–1915) — профессор геологии, один из первых исследователей угольных бассейнов России; с началом Первой мировой войны вошел в Комиссию Русского технического общества по промышленности в связи с войной; участвовал в организации питательных и санитарных отрядов; при Вольном экономическом обществе организовал группу музыкантов для устройства концертов в лазаретах; вместе с М.М. Ковалевским отстаивал право этого общества устраивать лазареты для раненых воинов. В 1915 г. рассматривался оппозицией в качестве кандидата на пост министра труда. Скончался 17 (30) августа, некролог был помещен во всех центральных столичных газетах. Сологуб и Чеботаревская присутствовали на панихиде (см.: Панихида по Л.И. Лутугину // День. 1915. № 232 (24 авг.). С. 3).

...член Государственной Думы епископ Никон живет теперь в каком-то Красноярске... — Никон (Николай Николаевич Бессонов, 1868–1919); член IV Государственной думы от Вольнской губ. (фракция правых, с 1915 — беспартийная группа); с 1913 по 1917 г. — епископ Енисейский и Красноярский; известен своим радикализмом, идущим вразрез с политикой правых (критиковал деятельность правительства по крестьянскому вопросу, призывал дворянство отказаться от землевладения в пользу крестьян; в 1913 г. выступил против «дела Бейлиса»). Вследствие неожиданного поведения, а также из-за слухов о скандальной истории в женском духовном училище, в которой фигурировал Никон, обер-прокурор Синода В.К. Саблер, по просьбе правых, попытался лишить его депутатского звания посредством перевода на Енисейскую кафедру (согласно постановлению Синода, архиерей, управляющий епархией, не мог являться членом Госдумы). Однако Никону удалось добиться сохранения за собой депутатского звания, он перешел в беспартийную группу.

...голос такого просвещенного и высоко талантливого общественного деятеля, как Плеханов, доходит до нас только изредка... — Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918; с 1880 по 1917 г. в эмиграции в Швейцарии) в годы Первой мировой войны, в отличие от большевиков, меньшевиков-интернационалистов и социалистов-революционеров, занял не «пораженческую», а последовательную «оборонческую» позицию. Плеханов выступил против антивоенного Манифеста европейских социалистов, принятого в 1915 г. на конференции в Циммервальде (Швейцария). В 1915 г. в журнале «Современный мир» были напечатаны его статьи, в которых он утверждал, что пораженческие настроения социалистов способствуют победе германского милитаризма и негативно скажутся на перспективах всего освободительного движения (О войне — № 1. Отд. II. С. 185–203; Интернационализм и защита отечества — № 5–6. Отд. II. С. 49–65); кроме того, в русской печати

(«Утро России», «Речь», «Новое время», «Русские ведомости») было напечатано воззвание за подписями Плеханова, Л.Г. Дейча, П.Б. Аксельрода и др., в котором путь национальной обороны был признан путем к победе и народной свободе. В 1915 г. в Книгоиздательстве бывш. М.В. Попова вышла брошюра Плеханова «О войне», в которой он, в частности, заявил: «Я никогда не говорил, что русский пролетариат заинтересован в победе русского империализма, и никогда этого не думал. А убежден, что он заинтересован лишь в одном: чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов» (с. 56).

...стратег Куропаткин живет в своем имени... — Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925), генерал от инфантерии (1900), военный министр, член Государственного совета (1906); в начале войны подал прошение об отправке на фронт, однако назначения не получил из-за неприязненного отношения к нему верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича. После вступления Николая II в должность верховного главнокомандующего Куропаткин 12 сентября 1915 г. был назначен командовать Гренадерским корпусом; в конце января 1916 г. занял пост командующего 5-й армией Северного фронта, а затем и всем Северным фронтом, защищавшим путь к Петрограду.

До Урала

Бирж. вед. 1915. № 15047 (25 авг.). Утр. вып. С. 3.

...нет на этом пути ни Мясоедовых с их покровителями... — Сергей Николаевич Мясоедов (1865–1915) — полковник русской армии, повешенный 20 марта 1915 г. по ложному обвинению в шпионаже. По сообщению газеты, в июле 1915 г. был проведен аукцион «для покупки имущества государственного преступника, ныне казненного Мясоедова. Аукцион был произведен в присутствии чинов полиции в квартире германского подданного Валентини, высланного из столицы в начале нынешнего года. После отъезда Валентини передал все свое имущество Мясоедову» (Бирж. вед. 1915. № 14922 (23 июля). Веч. вып. С. 3).

Граф Рорбах пишет, что Германия, в сущности, только начала собирать колонии. — Пауль фон Рорбах (1867–1955) — публицист, один из идеологов пангерманизма, выступал с требованием передела колоний в пользу Германии за счет Англии и Франции и территориальных захватов на Востоке за счет России. К началу Первой мировой войны Германия имела две колонии в Африке (Восточная Африка — совр. Танзания, Бурунди и Руанда; Юго-Восточная Африка — совр. Намибия) и одну в Океании (Земля Кайзера Вильгельма — совр. Папуа — Новая Гвинея); в период войны они были заняты колониальными войсками государств Антанты. Сологуб, вероятно, апеллирует к вышедшей в русском переводе книге: *Рорбах П. Война и Германская политика* / Предисл. проф. С.А. Котляревского. М., 1915.

...железнодорожная линия Берлин–Багдад. — Участок строившейся железной дороги Берлин–Багдад, от Босфора до Персидского залива («Восточная линия»), в начале XX в. был «горячей точкой» международных отношений, так как затрагивал интересы Турции, России, Франции, Германии и др. государств; строительство дороги завершилось в конце 1930-х годов.

...не в Малой Азии госпожа Гинденбург получила в наследство громадные земельные поместья... — Гертруда Вильгельмина фон Гинденбург (урожд. Фон Шперлинг, 1860–

1921) — немецкая аристократка; Пауль фон Гинденбург (1847–1934) — Главнокомандующий Восточным фронтом (1914–1916), начальник Генерального штаба (1916–1919), генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914), рейхспрезидент Германии (1925–1934).

Эффенди — звание принцев султанского дома в Османской империи, а также почетный титул придворных должностей.

Было даже такое время, когда германцы привлекались на наши земли даровыми наделами и льготами. — Имеется в виду политика Екатерины II и Александра II, направленная на поощрение заселения пустынных и малонаселенных территорий Причерноморья и средней Волги немецкими колонистами.

В последние десятилетия он усиленно принялся заселять дикие пространства Сибири. — Речь идет об аграрной политике бывшего премьер-министра А.П. Столыпина (1862–1911), состоявшей в поощрении переселения на незаселенные земли Сибири и Алтая крестьян из европейской части России (эта политика была частью его аграрной реформы); за короткое время в Сибирь переселилось около 3 млн человек.

...армии Бем-Ермоли или Данкля. — Эдуард Бем-Ермоли (1856–1941), Виктор Данкль (1854–1941) — генералы австро-венгерской армии.

...ярмарка в Нейгарде-ам-Волга... — Нижегородская ярмарка.

В.А. Мгебров

Бирж. вед. 1915. № 15065 (3 сент.). Утр. вып. С. 3.
Совместно с Ан. Чеботаревской.

В.А. Мгебров — Владимир Авельевич Мгебров (1876–1915), офицер, изобретатель и конструктор оружия и бронетехники, автор проектов бронеавтомобилей «Мгебров-Рено», «Мгебров-Уайт» и мн. др.; все машины Мгеброва использовались на фронте в период Первой мировой и Гражданской войн. 21 августа (4 сент.) 1915 г. Мгебров присутствовал при фронтowych испытаниях своих ружейных гранат; неожиданная атака неприятеля застала воинскую часть врасплох и вынудила к отступлению. Штабс-капитан Мгебров возглавил контратаку, в ходе которой положение на данном участке фронта было восстановлено, однако сам он получил тяжелые ранения и скончался в тот же день (см. о нем: *Коломиец М.В.* Броня русской армии: Бронеавтомобили и бронепоезда в Первой мировой войне. М., 2008. С. 192–209, гл. «Броневики конструкции штабс-капитана Мгеброва»). Сологуб и Чеботаревская были знакомы с семьей погибшего, посещали театральные салоны его брата, Александра Авельевича Мгеброва, впоследствии театрального режиссера и актера (сохранилось письмо подпоручика А.А. Мгеброва Сологубу от 7 декабря 1917 г. — РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 449; письмо Л.Ф. Мгебровой к Ан.Н. Чеботаревской (не ранее 1915) с просьбой прислать пьесу для прочтения в «Русскую мысль» и зайти в гости — Там же. Оп. 5. Ед. хр. 159).

Среди имен погибших... — Ежедневно в ряде столичных газет печатали списки погибших и раненых.

...разрывною пулею... — Разрывные пули впервые были применены англичанами во время Англо-бурской войны (1899–1902); запрещены к военному применению Первой Гаагской мирной конвенцией (1899); запрет был подтвержден Второй Гаагской конвенцией (1907). В

русской прессе регулярно печатались протесты против применения запрещенного оружия; например, 6 сентября 1915 г. «Биржевые ведомости» поместили обширную статью «Германские разрывные и взрывчатые пули», в которой говорилось: «В нарушение всех международных правил, германские войска изобличены в употреблении на войне разрывных пуль, известных под названием “дум-дум”. (...) Но и эти варварские разрывные пули не могли насытить кровожадности немцев. По последним сообщениям, они стали пускать в ход взрывчатые пули с ударником, производящие в теле раненых колоссальные разрушения и причиняющие им нечеловеческие мучения. (...) Современная пуля, заключенная в мельхиоровую оболочку, превращается в разрывную, если, надорвав острый конец, снять кусочек мельхиоровой оболочки. (...) Входное отверстие такой пули равно ее диаметру, но выходное, если пуля ударила о кость или прошла через плотный орган, огромно. Взрывчатые пули до сих пор еще не употреблялись и, очевидно, позор их применения всецело падет на голову немцев» (Бирж. вед. 1915. № 14356. Утр. вып. С. 4).

...отец его, генерал-лейтенант Мгебров... — АVELЬ (Авессалом) ИВАНОВИЧ Мгебров (Мгебришвили, 1845–1920) — потомственный военный, генерал-лейтенант, занимал пост начальника отделения в Управлении военных сообщений при Военном министерстве, затем — генерала для особых поручений при Главном военно-техническом управлении (ГВТУ) Российской Императорской армии.

Обывательское

Бирж. вед. 1915. № 15093 (17 сент.). Утр. вып. С. 3.

Совместно с Ан. Чеботаревской. Полемический ответ: *Гершензон М.* О мешанстве духа и русской критике // Бирж. вед. 1915. № 15169 (25 нояб.). С. 2. Утр. вып.

...по поводу роспуска Государственной Думы волнуются? — Отклик на сообщения в прессе о роспуске IV Государственной думы (на десять дней), до 15 октября, который, как предполагалось, будет продлен до 15 ноября: «Этот факт, по мнению депутатов, очень ясно показывает, что роспуск Г. Думы является ответом со стороны правительства на декларацию прогрессивного блока и требование со стороны Г. Думы и общества о призыве к власти лиц, пользующихся доверием страны» (*Арно <Гессен А.И.>*). Роспуск Г. Думы? // Бирж. вед. 1915. № 15063 (2 сент.). Утр. вып. С. 3).

...вы твердили ~ не читай стихов, не покупай новых книг, не смотри пьес известных авторов... — Мотив получил развитие в заметке Ан. Чеботаревской «Следует ли авторам отвечать критике?», опубликованной за подписью Ф. Сологуба (Бирж. вед. 1915. № 15258 (8 нояб.). Утр. вып. С. 3). Ср. возражение Гершензона: «Да, пошлости у нас много, мешанство духа еще широко разлито в нашем полубразованном обществе, и теперь, в дни войны, какой мир не видел, эта пошлость режет глаза еще более, чем когда-либо. Но виновата в ней не критика, уже потому не виновата, что критика вообще-то довольно слабое орудие: не ей переделать жизнь. Где ей сравниться по могуществу хотя бы с самим искусством, которого она — только тень? (...) Виноваты общий склад нашей жизни, ее неустроенность и темнота, виновата непросвещенность, а главное — нравственная вялость нашего общественного мнения, которое легко мирится с пошлостью, и со многим, что хуже пошлости. А инертность нашего общественного мнения опять же имеет свои, более глубокие причины — историче-

ские и, в конце концов, национально-психические <...>. Художественная критика — прямое порождение общественного духа и, стало быть, всякое общество имеет такую критику, какую оно заслуживает. <...> Тезис Ф. Сологуба надо вывернуть наизнанку: не плохая критика виновата в мещанстве толпы, а духовная скудость общества одна только и делает возможным безвозбранное господство плохой критики» (Гершензон М. Указ. соч.).

Два пути

Бирж. вед. 1915. № 15121 (1 окт.). Утр. вып. С. 4.
Совместно с Ан. Чеботаревской.

... перебрасывают учащихся из Гродны в Екатеринбург... — Речь идет об эвакуации учебных заведений из прифронтовой зоны в глубь страны.

...зачем починать народные кубышки?.. — Имеется в виду Государственный военный заем.

1916

Ура!

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 495.

Сведения о публикации: Бирж. вед. 1916. № 15699 (25 июля). Утр. вып. (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 546). В этом номере газеты и в ближайших номерах публикация не выявлена.

Читал я недавно в газете... рассказ о том, как учитель народной школы во Франции, призванный в войска ~ возвращался в свою школу... — Имеется в виду нравоучительный очерк «Первый урок героя»: «В деревне Рошетт, близ Тулузы, произошло недавно большое торжество, по случаю возвращения с войны учителя местной школы. Когда началась война, молодой учитель отправился добровольцем, дважды отличился в боях, затем, раненный в ногу, пролежал долгое время в лазарете и признан был к военной службе негодным. Исполнив свой долг как гражданин и воин, учитель решил вернуться к прежнему своему скромному посту, хотя ему предлагали друзья очень выгодную должность.

Ко дню, когда был назначен первый урок возвратившегося учителя, здание школы украсили цветами, все население деревни и соседних деревень ожидало героя-учителя у входа в школу и встретило его появление пением Марсельезы. Кроме того, для встречи учителя от имени президента Пуанкарэ был командирован один полковник.

После торжественных приветствий учитель вошел в класс и обратился к своим ученикам с такими словами:

— Vive France! Да здравствует Франция! — вот первые слова, с которыми я обращаюсь к вам, дети. Этим же возгласом тринадцать месяцев тому назад я прощался с вами же. Эти же слова звучали у меня в ушах во все время моей военной службы. Теперь инвалид, я постоянно и неуклонно намерен их повторять при каждом случае, но не только повторять, но и действовать так, чтобы сохранить по мере сил, их внутренний смысл... Итак, да здравствует Франция! Приступим к урокам, которые должны создать из вас, дети, умных и дельных граждан Франции» (Бирж. вед. 1916. № 15674 (12 июля). Веч. вып. С. 3).

Война после войны

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 242.

В авторской библиографической картотеке в конверте «Ненапечатанное», с пометой: «13 декабря 1916. Вагон: Бологое — Великие Луки».

Вероятно, статья была запрещена цензурой из-за упоминания в ней доклада «известного экономиста», имя которого осенью 1916 г. было у всех на языке, — П.Н. Милюков (1859–1948), историк, публицист, идеолог и лидер кадетской партии, председатель ее Центрального комитета, глава «Независимого блока», редактор газеты «Речь». 1 ноября 1916 г. с трибуны IV Государственной думы Милюков произнес ставшую знаменитой антиправительственную речь, в которой обвинил императрицу Александру Федоровну и премьер-министра Б.В. Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией. Речь вызвала горячую поддержку в политических кругах, но была запрещена к распространению Штюрмером, однако, несмотря на запрещение, получила самую широкую известность и была воспринята как революционный призыв к свержению царского правительства. Газета «Биржевые ведомости», почти через месяц после события публикуя основное содержание этого выступления, комментировала: «Речи П.Н. Милюкова и В.В. Шульгина, произнесенные с кафедры Г. Думы 1-го и 3-го ноября с.г., до сих пор — по причинам от редакции не зависящим — не были воспроизведены в русской повременной печати. Речи эти как по содержанию своему, так и по политическим своим последствиям представляют исключительный интерес, мы и приводим их здесь» (Речь П.Н. Милюкова и В.В. Шульгина // Бирж. вед. 1916. № 15941 (29 нояб.). Утр. вып. С. 5).

...одни думают, что русский рынок без привычного германского товара не обойдется ~ Другие же думают, что ~ русского сырья в Германию не везти. — Осенью 1916 г. в русской печати горячо обсуждались проблемы послевоенной экономики; здесь, видимо, Сологуб резюмирует основное содержание статьи «Задачи экономической политики после войны: (Записки М.П. Федорова)», посвященной обоснованию главных направлений экономики России в послевоенный период: экспорта, импорта, таможи и пр. (Бирж. вед. 1916. № 15929 (17 нояб.). Утр. вып. С. 5).

...заговорили в одном салоне... — Имеется в виду литературно-художественный салон Чеботаревской и Сологуба в их квартире на Разъезжей, 31.

— *У меня брат убит на войне...* — Со слов Е.Г. Щуко, внучки О.Н. Черносвитовой (урожд. Чеботаревской), среди родных братьев Ан. Чеботаревской погибших на войне не было.

...выслушали очень интересный доклад о войне после войны... — Возможно, речь идет о докладе П.Н. Милюкова, состоявшемся на собрании у Сологуба весной 1916 г., Конст. Эрберг вспоминал: «Обширный зал Сологуба был свидетелем докладов и политического характера. Помню, например, пораженческий доклад Иванова-Разумника на международную тему. Председательствовал и, конечно, возражал “Дарданельских дел мастер” П.Н. Милюков, говорил Карташев, всегда слушавший и говоривший с закрытыми глазами, говорил Леонид Андреев, говорило еще несколько человек “кадетов”, но все с оглядкой (дело было во время войны в марте 1916 года)» (Эрберг Конст. <Сюннерберг К.А.> Воспоминания // Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 235).

...да «темные силы» мешают... — Устойчивое выражение в газетной публицистике 1916–1917 гг. Вероятно, здесь отклик на статью С.Б. Любошица «Темные силы» (Бирж. вед. 1916.

№ 15965 (5 дек.). Утр. вып. С. 5; под псевд. Лукиан), ср.: «Эти слова из новой государственной терминологии получили в последнее время особенно широкое распространение. В наши дни слова “темные силы” представляют вполне прозрачный псевдоним. Но само явление не ново. Оно запечатлено кровью трех благородных представителей русского парламентаризма: Герценштейна, Иоллоса и Караваева» (упомянуты убитые террористами-черносотенцами депутаты I Государственной думы: М.Я. Герценштейн (1859–1906) и Г.Б. Иоллос (1886–1907) — оба еврейского происхождения, депутат II Государственной думы А.Л. Караваев (1908) — крестьянин по происхождению, выступал за отмену содержащихся в законодательстве ограничений для евреев, поляков и армян); далее автор оговаривается: «Не всегда выражение “темные силы” представляет собой псевдоним» и называет ультраправых политиков, лидеров черносотенных и монархических организаций: А.И. Дубровина (основатель и идеолог Союза русского народа), И.Г. Щегловитова (министр юстиции, последний председатель Государственного совета; член монархической организации «Русское собрание», в 1915 г. избран председателем Совета Монархических съездов), Б.В. Штюрмера (в 1916 г. назначен председателем Совета министров, занимал посты министра внутренних дел, министра иностранных дел) и др.

Удел поэта

Бирж. вед. 1916. № 15942 (23 нояб.). Веч. вып. С. 5.

Совместно с Ан. Чеботаревской.

Отклик на гибель бельгийского поэта-символиста Эмиля Верхарна (1855–1916), — погиб 14 (27) ноября 1916 г., случайно попав под колеса поезда.

...в дороге, между двумя моими лекциями ~ известие... — Осенью 1916 г. Сологуб совершал турне по городам России с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях», 12 (25) ноября он выступал в Рязани, 16 (29) ноября — в Курске (подробнее о поездке см.: Федор Сологуб: Письма к Анастасии Чеботаревской / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. С. 368–369). Известие о трагической кончине Верхарна вызвало многочисленные отклики; газета «Биржевые ведомости» поместила статьи и некрологи (*Любош С. Верхарн* // Бирж. вед. 1916. № 15929 (17/30 нояб.). Утр. вып. С. 3; *Венгерова З. Эмиль Верхарн* — Там же. С. 6; *Вершинин А. Бессмысленный трагизм* — Там же. № 15935 (20 нояб.). С. 3; *Брюсов В. Обаяние Верхарна: (Наблюдения и воспоминания)* — Там же. № 15959 (2 дек.). С. 3; *Лигин Л. Великий энтузиаст* — Там же. С. 3; *Минский Н.М. Случай и Рок* — Там же. № 16003 (21 дек.). Утр. вып. С. 5; *Волошин М. Эмиль Верхарн* — Там же. 1917. № 14293 (6 янв.). С. 7).

Верхарен — фламандское произношение фамилии; Верхарн — французское, общепринятое; о правильном произношении фамилии писал Брюсов в заметке «Верхарн или Верхарен» (Бирж. вед. 1916. № 15987 (16 дек.). Утр. вып. С. 8).

...«городов-спрутов»... — «Города-спруты» (*Les Villes tentaculaires*, 1895) — название одного из наиболее известных поэтических циклов Верхарна.

...«звоны оружия и топот шагов, и гул голосов»; Ужель и здесь пройдет Она? ~ окрасит серым пеплом разрушения? — Источник цитаты из Верхарна и автор перевода не установлены; возможно, перевод принадлежит Ф. Сологубу.

...не ставя ему в укор ни увлечений «гимном королю Альберту», ни горестью выстраданных признаний «окровавленной Бельгии»... — Имеется в виду статья «Альберт I, король без

страха и упрека» из книги Э. Верхарна «Окровавленная Бельгия» (М., 1916).

...наши присяжные публицисты словно обрадовались, обрушив свои заржавленные громы на великого поэта Верхарена за его якобы «шовинизм», за его ненависть к злему врагу. — Подобные обвинения звучали со стороны марксистской критики; например, В. Базаров в рецензии на книгу «Окровавленная Бельгия» отметил, что поэт «проникается пафосом наших нововременцев», гневные филиппики Верхарна в адрес врага охарактеризовал как «антисемитский бред». Базаров писал: «Ненавистью распяет он свою любовь и любовно лелеет свою ненависть, — жадно, почти сладострастно впитывает в себя ужасные образы войны: действительные зверства неприятельского вторжения и порожденные им мрачные, кроваво-садические фантазмагии сплетаются в один кошмарный клубок. Великая ненависть, питаемая великой любовью, обладает иногда могучей силой <...>. Но очевидно национальной ненависти не дано этой силы. Окровавленная душа Верхарна с ее гноем сочащихся ранами производит впечатление чуть ли не более гнетущее, чем сама окровавленная Бельгия. Распалась прекрасная и сложная духовная организация, исчез один из благороднейших рыцарей человечности <...>. Остались только обломки, только обезображенные войной развалины прежнего Верхарна. Перед нами почти безумец, одержимый маниакальной идеей, слепо-огульный как в своих новых пристрастиях, так и в своей новой вражде» (Летопись. 1916. № 3. Отд. II. С. 351–353; см. также аналогичную рецензию: «Б. п.» Эмиль Верхарн. Окровавленная Бельгия. Москва. 1916 / Пер. с фр. Н. Копчевской // Русские записки. 1916. № 3. Отд. II. С. 319–322, и т. д.).

...и неизбежно был обречен, в той или иной форме, разделить трагическую участь века... — Близкую мысль высказал Н.М. Минский в статье «Случай и Рок»: «...кажется, никогда еще не было смерти столь явно случайной и столь странно символической, как смерть Верхарна. <...> Двойную трагедию — равно болезненную — должен был пережить Верхарн: внешнюю при виде родной страны, покрытой развалинами, и родного города, превращенного в нищих и рабов, и внутреннюю, — крушение своего мировоззрения, своих идеалов, своей веры в культуру. Первую трагедию Верхарн почувствовал глубоко и остро. Подобно Метерлинку, он сделался ходатаем своей разоренной родины, стал разезжать по свету, умоляя, жалуясь, прося помощи» и т. д. (Бирж. вед. № 16003 (21 дек.). Утр. вып. С. 5); и М. Волошин в статье «Эмиль Верхарн»: «Его смерть под колесами паровоза была символическим отображением того разрыва и смуты, что совершилась в его душе во время войны. Он не предвидел взрыва темных и злых сил, которые на его глазах накопились в европейской культуре, и когда катастрофа произошла, он оказался духовно не над ней, а внутри ее» (Там же. 1917. № 14293 (6 янв.). С. 7).

1917

Хочу и верю

Бирж. вед. 1917. № 16016 (3 янв.). Утр. вып. С. 5–6.

...«процветала в мире наша сторона!» — Цитата из четвертой «маленькой трагедии» А.С. Пушкина — «Пир во время чумы. (Из Вильсоновой трагедии: “The city of the plague”))» (1830), из песни Мери.

— *Хочу быть дерзким, хочу быть смелым!* — Первая строка стихотворения К.Д. Бальмонта «Хочу» (1902) из книги «Будем как Солнце» (1903).

...*взят заносчивый Берлин!* — Автоцитата из стихотворения «Утешение Бельгии» («Есть в наивных предвещаньях правда мудрая порой...», 1 октября 1914), из сборника «Война» (Пг., 1915. С. 20); впервые — в специальном выпуске газеты «День» от 21 октября 1914 г. (№ 286), посвященном «Героической Бельгии» (об этом выпуске газеты см.: Грякалова Н.Ю. Русские писатели — героической Бельгии // Русская публицистика и периодика Первой мировой войны: Политика и поэтика. М., 2013. С. 266–277).

...отметил на днях в своей высоко интересной статье академик Павел Виноградов. — Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) — русский и английский историк; в 1902 г. подал в отставку с должности профессора истории Московского университета, переехал в Англию, в 1903 г. избран профессором права Оксфордского университета, был членом совета и главой отдела публикаций Британской академии, в 1917 г. удостоен рыцарского звания. Статьи П. Виноградова в годы Первой мировой войны систематически печатались в «Биржевых ведомостях». Здесь речь идет о статье «Англия как мировая держава», в которой позитивно освещается история колониальной политики Великобритании, основной вывод автора: «В настоящей войне, в критическую пору своей истории Великобритания пожинает плоды своей политической мудрости и традиционного свободолюбия. Политически независимые колонисты со всех сторон спешат на помощь к своей метрополии: канадцы, австралийцы, африканцы бьются в первых рядах британской армии» (Бирж. вед. 1916. № 16012 (31 дек.). Утр. вып. С. 3).

Преображение

Бирж. вед. 1917. № 16120 (5 марта). Утр. вып. С. 2.

Перекликается со статьей Н.А. Булгакова «Сила России» (Бирж. вед. 1917. № 16018 (4 янв.). Утр. вып. С. 3), ср.: «Россия стоит перед совершенно новым периодом всемирно-исторического существования. Она должна или активно вступить в этот период, или окончательно выпасть из всемирной истории и пассивно оттесниться на Восток. Это и значит, что Россия стоит на историческом перепутье и переживает самый ответственный момент исторического выбора. <...> Тютчев сказал, что “в Россию можно только верить”. Но Россия вступила в тот период исторического существования, когда ее должны узнать, когда ее должны признать и не верующие в нее. А это значит, что вера в силу России должна перейти в явление силы России».

«У нас особенная статья, — / В Россию надо только верить»... — Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять...» (1866), правильно: «У ней особенная статья — / В Россию можно только верить».

...когда Протопопов казался необычайно прочно сидящим на своем месте. — Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1918) — политик, крупный помещик и промышленник, член Государственной думы, последний министр внутренних дел Российской империи (назначен 20 декабря 1916). 28 февраля Протопопов добровольно явился в Таврический дворец и сдался революционерам; с 1 марта по сентябрь 1917 г. — в заключении в Петропавловской крепости, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства.

...когда с чердаков и других вышек еще продолжалась беспорядочная стрельба остальных полицейских... — Вероятно, речь идет о так называемых протопоповских местах — чердаках домов Литейного и Невского проспектов, откуда полицейские («фараоны») в дни Февральской революции по приказу Протопопова производили расстрелы мирных демонстраций.

...напрасно выпущены из тюрем уголовные преступники. — В первые дни Февральской революции восставшие захватили городские тюрьмы «Кресты», «Литовский замок», следственную тюрьму на Шпалерной улице, все заключенные были выпущены, в том числе уголовники. Тюрьмы «Литовский замок» и «Шпалерка» были сожжены.

На углу Среднего проспекта... — Имеется в виду Средний проспект Васильевского острова.

Тяжелыми одеждами... — Первая строка стихотворения (датировано: 17 ноября 1905), впервые: Народное хозяйство. 1905. № 10 (25 дек.). С. 5.

Дерзание до конца

Бирж. вед. 1917. № 16138 (16 марта). Утр. вып. С. 5.
Совместно с Ан. Чеботаревской.

«Серафимы, ясны и крылаты, за плечами воинов видны»... — Цитата из стихотворения «Война» («Как собака на цепи тяжелой...») Николая Степановича Гумилева (1886–1921) (впервые: Отечество. 1914. № 4 (нояб.), в новой ред.: Там же. 1915. № 1). Вошло в антологию, составленную Ан. Чеботаревской (с предисл. Ф. Сологуба) «Война в русской поэзии» (Пг., 1915. С. 94).

И где твоим святым дерзаниям предел ~ мир послел? — Цитата из стихотворения «Сонет» («Дымок рассеялся, и только рокотанье...») Валериана Валериановича Бородавского (1874, по др. дан., 1875–1923) (впервые: Русская мысль. 1915. № 3. С. 93).

На мирской мировщине ~ Что небывалое будет. — Цитата из стихотворения «Убеленные нивы» («Нечеловеческим плугом...») Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) (впервые: Отечество. 1914. № 7; перепечатано в антологии «Война в русской поэзии», с. 88).

Вспоминаю еще страницы моей «Творимой легенды», очень урезанные красным карандашом цензора. — О цензурных сокращениях романа см.: Сысоева А.В. История прижизненных изданий романа Федора Сологуба «Творимая легенда» // Русская литература. 2010. № 2. С. 61–68; Она же. Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда»: История текста и принципы издания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

Так, не бойся вражьей мести ~ Опьяненное лобзанье. — Автоцитата, фрагмент стихотворения «Бой-скоуту» («Двух отважных расстреляли...»), 1 августа 1914) (впервые: День. 1914. № 208 (4 авг.). С. 3). Стихотворение вошло в сборники «Война. Стихи» (Пг., 1915. С. 26) и «Алый мак. Книга стихов» (М., 1917).

Международное братство

Бирж. вед. 1917. № 16142 (18 марта). Утр. вып. С. 3.

...когда племена «забудут свой раздор и в общую семью соединятся». — Перефразированные строки из стихотворения А.С. Пушкина «Он между нами жил...» («Средь племени ему чужого, злого...», 1934), ср.: «Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся».

В 1863 году какому-то генералу, слишком беспощадно подавляющему польское восстание... — Имеется в виду виленский генерал-губернатор граф Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866), прозванный Муравьев-вешатель, Муравьев-палач за жестокое подавление Польского восстания 1863 г.

...деятели русского искусства сделали бы очень хорошо, если бы оставили свои совсем никому и ни на что не нужные мечты о министерстве изящных искусств... — 4 марта 1917 г. под председательством М. Горького состоялось совещание художников и деятелей искусства, на котором обсуждался вопрос о необходимости принятия мер по охране брошенных дворцов, представлявших художественную ценность, и находившегося в них имущества. Совещание избрало депутацию в составе А.Н. Бенуа, Ф.И. Шаляпина, М.В. Добужинского, М. Горького, К.С. Петрова-Водкина, Н.К. Рериха и И.А. Фомина для переговоров с Временным правительством с целью организации охраны памятников. 5 марта депутация беседовала с членами Временного правительства и Н.Н. Львовым, членом Государственной думы, комиссаром по делам искусства; было принято соглашение об образовании Комиссариата по охране художественных ценностей в составе депутата Государственной думы П.А. Неклюдова и названных участников совещания. «В художественных кругах возник вопрос об образовании вместо министерства императорского двора министерства изящных искусств» (Охрана художественных ценностей // Бирж. вед. 1917. № 16121 (6 марта). Веч. вып. С. 2). 12 марта 1917 г. в Михайловском театре на собрании деятелей искусств представители «левых» выступили с протестом «против недемократических домогательств некоторых художественных групп и возможного захвата ими власти» (Набоков В. Революция и культура // Речь. 1917. № 63); «Когда страна борется за демократический принцип, “цвет русского искусства” в обход вотума общего собрания идет к министру и остается на местах» (Зданевич И., Мейерхольд В., Пунин Н. По поводу собрания в Михайловском театре // Бирж. вед. 1917. № 16144 (19 марта). С. 7). Сологуб выступил против политизации искусства и тесного сотрудничества творческой интеллигенции с государственными структурами (см.: Сологуб Ф. Охрана искусства // Бирж. вед. 1917. № 16180 (13 апр.). Утр. вып. С. 4).

Мятежные музы

Бирж. вед. 1917. № 16256 (30 мая). Утр. вып.
Совместно с Ан. Чеботаревской.

Беседа с друзьями

Бирж. вед. 1917. № 16274 (9 июня). Утр. вып. С. 3.
Совместно с Ан. Чеботаревской.

...в соломенной канотьерке. — Канотье (*фр.* canotier) — соломенная шляпа жесткой формы с цилиндрической тульей и прямыми полями; в начале XX в. была популярным мужским головным убором и модным аксессуаром.

Вперед всех

Бирж. вед. 1917. № 16284 (15 июня). Утр. вып. С. 3.

А у нас Роберта Гримма слушали да похваливали... — Роберт Гримм (Robert Grimm, 1881–1958) — политик и публицист, один из лидеров социал-демократической партии Швейцарии и II Интернационала, пацифист, инициатор Циммервальдского движения; содействовал возвращению на родину русских эмигрантов, которым страны Антанты отказывали в визах; в мае 1917 г. в группе эмигрантов прибыл в Россию с целью развеять почву для заключения сепаратного мира (встречался с министрами и политиками); за открытую пораженческую агитацию на митингах и собраниях в Петрограде и Кронштадте и по подозрению в шпионаже в пользу Германии был выслан из России; швейцарские социал-демократы сняли с себя ответственность за деятельность Р.Гримма. События комментировали в печати: «Высылка Гримма произвела превосходное впечатление и считается доказательством того, что Россия с негодованием отвергает мысль о заключении сепаратного мира и что большинство Совета Р. и С. Депутатов руководствуется в своих решениях чувством лояльности и здравого смысла» (Высылка Р.Гримма // Бирж. вед. 1917. № 16271 (7 июня). Веч. вып. С. 2); «Вчера на Васильевском острове, на Петроградской стороне и в разных других местах Петрограда велась агитация, вполне уместная, может быть, на улицах столицы германской, но глубоко возмутительная здесь, в столице русской. (...) Против чего же желают протестовать слушатели большевистских призывов? Против высылки “нейтрального” иностранца, призывавшего в Петрограде к братанию с германцами и оказавшегося затем удостоенным такого доверия германского правительства? Гг. Ленину, Троцкому и Луначарскому зачем-то понадобилось расшаркиваться перед Р. Гримом и дать знать всему миру, что они не одни в России такие умники. За ними тянутся и эти вот посетители летучих митингов... Манифестация, таким образом, создается в Петрограде... А в Берлине некто умный улыбается...» (*Лигин Л.* Творцы позора — Там же. № 16273 (8 июня). С. 1; а также: Дело Р.Гримма — Там же. С. 2; *Ган Л.* Дело Гримма-Гофмана — Там же. № 16275 (9 июня). С. 1; Гримм и Балабанова в Кронштадте — Там же. № 16279 (12 июня). С. 3; Балабанова — переводчица Гримма). О деятельности Р. Гримма в России см.: *Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. М., 2007. С. 144–167; *Суханов Н.* Записки революционера. М., 1991. Т. 2. С. 257–258; *Соболев Л.Г.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 208–213.

...где же вы, товарищи, пролетарии всех стран? — Ироническое обыгрывание коммунистического лозунга «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»

...на околдованной Гекатою земле... — Геката — древнегреческая богиня мрака и чародейства.

Умерщвление слов

Бирж. вед. 1917. № 16350 (23 июля). Утр. вып. С. 2.

Прочитал я в одной газете ~ «солдаты провели товарища-вора». — О похожем случае, хотя и в других выражениях, сообщалось в костромской газете: «Позорное наказание. 27 мая днем на Русиной ул. наблюдалась бытовая картина позорного наказания вора-дезертира. Солдаты водили совершившего кражу дезертира, у которого на груди был вывешен плакат с надписью “вор”. У вора в руках был барабан, в который его заставляли колотить. Вора-дезертира провели по нескольким улицам» (Поволжский вестник. 1917. № 3158 (31 мая). С. 3).

...письмо одного вольноопределяющегося. ~ как солдаты убили своего офицера и потом глумились над его трупом. — Источник публикации письма не выявлен; начиная с июля 1917 г. сообщения о бесчинствах, самосудах и издевательствах солдат над офицерами становятся в прессе рядовым явлением. Об аналогичной истории, например, писала газета «День»: «Комиссар Линде был убит обезумевшими солдатами 443 полка XI-й пехотной дивизии. <...> Толпа издевалась над трупом, стреляла в него, колола штыками» (Подробности убийства комиссара Линде // День. 1917. № 153 (2 сент.). С. 4; а также: К убийству Ф.Ф. Линде — Там же. № 156 (6 сент.). С. 2).

...Бурцев, не смущаясь свирепой бранью, клеймит одного предателя за другим... — Владимир Львович Бурцев (1862–1942) — публицист, издатель (издавал основанный им исторический журнал «Былое», субсидированный Временным правительством); получил известность как разоблачитель сотрудников царской «охранки». 7 июля 1917 г. в газете «Русская воля» опубликовал статью «Или мы, или немцы и те, кто с ними», в которой привел список 12 «вредных» большевиков, так называемых немецких агентов, кто «работал над разрушением России» (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.М. Коллонтай, Ю.М. Стеклов, Д.Б. Рязанов, М.Ю. Козловский, А.В. Луначарский, С.Г. Рошаль, Х.Г. Раковский, М. Горький). Текст был перепечатан центральными газетами и дополнен новыми публикациями (например: В.Л. Бурцев о Ленине, Парвусе и др. // Речь. 1917. № 157 (7 июля). С. 2). Особое место в письме автор уделил Горькому: «...мы не можем забыть, что в годы напряженной борьбы русского народа за его существование этот художник, человек по существу чуждый политической борьбы, тем не менее явился вдохновителем пораженческой газеты “Новая Жизнь”, и оказал так много поддержки тем, кто рука об руку с немцами работал над унижением и разорением нашей родины» (цит. по: Из письма В.Л. Бурцева: Двенадцать главных врагов русского народа // Петроградская газета. 1917. № 156 (7 июля). С. 2). 13 июля М. Горький напечатал в «Новой жизни» свой ответ обвинителю; в тот же день Бурцев выступил с письмом-предупреждением «Не защищайте М. Горького», в котором продолжал обвинять писателя за пособничество большевикам: «Как редактор “Новой жизни”, как политический деятель, пригревший около себя сотрудников этой газеты, М. Горький незащитим. Изданием этой газеты он принес много непоправимого зла нашей родине в самый тяжелый момент ее истории — во время войны и во время ее великой революции» и т. п. (Речь. 1917. № 159 (9 июля). С. 2). В последующие дни в столичной прессе муслировалась тема писем Бурцева (и ответных — М. Горького, Л. Троцкого и Х. Раковского).

Над классами

Бирж. вед. 1917. № 16376 (8 авг.). Утр. вып. С. 3.

...*Совещание в Москве объединит все классы...* — Государственное совещание политических сил России, созванное Временным правительством, состоялось в Москве 12/25 — 15/28 августа 1917 г. В совещании участвовало около 2500 человек, в том числе депутаты Государственной думы всех четырех созывов (488), гласные городских дум, представители армии и флота, кооперативов, торгово-промышленных кругов и банков, профсоюзов и земств, Советов крестьянских депутатов, Советов рабочих и солдатских депутатов; присутствовали представители интеллигенции, национальных организаций, духовенства и т. д. Председательствовал на Совещании министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский; главными событиями стали выступления А.Ф. Керенского и Л.Г. Корнилова.

Государственное младенчество

Бирж. вед. 1917. № 16404 (24 авг.). Утр. вып. С. 2. Вероятно, статья подверглась цензурному сокращению.

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 265.

...*сказал на днях Бонар Лоу в парламенте...* — Эндрю Бонар Лоу (Andrew Bonar Law, 1858–1923) — премьер-министр Великобритании, состоял в партии консерваторов.

Идеалистично настроенные люди ~ пестры по составу. — Фрагмент текста в публикации отсутствует.

Из среды этих людей ~ революционного народа. — Фрагмент в публикации отсутствует.

Удалению Милюкова и Гучкова были рады германцы... — О П.Н. Милюкове см. комментарий к ст. «Война после войны». Александр Иванович Гучков (1862–1936) — лидер партии «Союз 17 октября»; председатель III Государственной думы (1910–1911), член Государственного совета (1907; 1915–1917); в марте–мае 1917 г. военный и морской министр в первом составе Временного правительства; в апреле из-за неспособности противостоять разложению армии подал в отставку; официально покинул Временное правительство в мае, вместе с П.Н. Милюковым.

...*финляндской и украинской авантюрам...* — Речь идет о требовании автономии со стороны Финляндского княжества и Украины. В июле 1917 г. парламент Финляндии провозгласил независимость Великого княжества Финляндского от России и одобрил социал-демократический проект о передаче себе верховной власти; закон о восстановлении автономных прав Финляндии был отклонен Временным правительством, парламент Финляндии распущен, а его здание заняли российские войска. В июне 1917 г. украинская Центральная рада объявила национально-территориальную автономию Украины; на переговорах, состоявшихся в Киеве в конце июня, члены Временного правительства (в составе А.Ф. Керенского, М.И. Терещенко и И.Г. Церетели) признали возможность получения Украиной автономии. Центральная рада обязывалась самостоятельно не вводить автономию без решения Всероссийского учредительного собрания; Временное правительство разрешило создание национальных украинских военных частей при условии невыхода их из состава российской армии. В знак протеста против уступок украинцам П.Н. Милюков и А.И. Гучков вышли из правительства.

Все это подсказано демагогами, авторами нелепых приказов. — Имеется в виду «Приказ № 1» (опубликован 2 марта 1917 г. в газете «Известия Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов»), положивший начало развалу царской армии. Одним из авторов «Приказа № 1» был Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928) — известный адвокат и общественный деятель, близкий к большевикам в первые месяцы после Февральской революции.

Армия должна была ~ генерала Корнилова. — Фрагмент отсутствует в публикации

...генерал Ромейко-Гурко. — Василий Иосифович Ромейко-Гурко (1864–1937) — российский генерал от кавалерии; потомственный военный, сын генерал-фельдмаршала И.В. Гурко; автор ряда книг; после Февральской революции — главнокомандующий войсками Западного фронта. В мае 1917 г. после обнародования в приказе по армии и флоту Декларации прав военнослужащих подал рапорт Верховному главнокомандующему и министру-председателю Временного правительства о том, что снимает с себя всякую ответственность за благополучное ведение дела; указом Временного правительства был смещен с должности, с 23 мая находился в распоряжении Верховного главнокомандующего. 21 июля 1917 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В августе 1917 г., согласно принятому Временным правительством закону об остракизме, выслан за пределы России как представляющий опасность для нового строя в группе освобожденных из тюрьмы придворных и близких к императорскому двору лиц (А.А. Вырубовой, И.Ф. Манасевича-Мануйлова, П.А. Бадмаева и др.) (см.: Высылка ген. Гурко // Бирж. вед. 1917. № 16400 (22 авг.). Утр. вып. С. 3; Высылка за границу — Там же. № 16404 (24 авг.). С. 5).

...вокруг Государственной Думы. ~ разве это не цель? — Фрагмент отсутствует в публикации.

...на всенародный вотум. — Далее в автографе продолжено, незакончено: «Учредительное Собрание — вещь сложная, но опросить весь народ, доверяет ли он министерству Керенского, — да или нет, это».

Древняя история. Разговор

Бирж. вед. 1917. № 16429 (7 сент.) Утр. вып. С. 3.

...взятие германцами Варшавы, Риги... — В августе 1915 г. германская армия под командованием генерала Макензена взяла Варшаву; 19–24 августа 1917 г. немецкие войска заняли Ригу, куда по случаю военного успеха прибыл Вильгельм II; потери русских войск (12-й армии) составили 25 тыс. человек, вместе с пленными и пропавшими без вести.

...что говорили знаменитые историки Шингарев и Некрасов и что отвечали им не менее знаменитые историки другой школы — Чхеидзе и Прокопович. — Речь идет о Государственном московском совещании (12–15 августа 1917), где была принята программа доведения войны до победного конца (ход совещания и доклады печатались в газетах; подробнее см.: Государственное совещание. [Стенографический отчет] / С предисл. Я.А. Яковлева. М.; Л., 1930 (Центрархив: 1917 год в документах и материалах / Под ред. М.Н. Покровского и Я.А. Яковлева). Андрей Иванович Шингарев (1869–1918) — один из основателей кадетской партии (с 1908 г. член ЦК партии), член II–IV Государственной думы; министр земледелия, с 5 мая по 2 июля 1917 г. министр финансов. Николай Виссарионович Некрасов (1879–1940) — член III и IV Государственной думы, министр путей сообщения

и министр финансов Временного правительства; последний генерал-губернатор Финляндии (сентябрь–ноябрь 1917). Николай Семенович Чхеидзе (1864–1926) — один из лидеров меньшевиков, депутат III и IV Государственной думы, председатель ЦИК меньшевиков; на совещании выступил с декларацией в поддержку программы Временного правительства и осудил политику большевиков (делегация большевиков в знак протеста покинула совещание). Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) — экономист, в июле–сентябре 1917 г. министр торговли и промышленности Временного правительства, в сентябре–октябре министр продовольствия.

...разбираются они не в обстоятельствах Первой Пунической войны... — Первая война между Римом и Карфагеном, длившаяся 23 года (264–241 до н. э.).

...почему же этот гром рукоплесканий, когда говорят о несчастиях и позоре великого государства? — Вероятно, Сологуб критикует демагогический стиль выступавших, в частности Чхеидзе, который на заседании 14 августа читал конформистскую декларацию: «В дни, когда самому существованию революции угрожает вражеское нашествие, демократия требует от всех граждан и от правительства напряжения всех усилий для организации обороны страны от военного разгрома. Правительство должно помнить, что, только опираясь на деятельное участие демократических организаций в тылу и на фронте, оно сможет выполнить эту огромную задачу...»; после его речи раздались «шумные аплодисменты. Левые депутаты и часть центра устраивают тов. Чхеидзе бурную овацию» (Государственное совещание. [Стенографический отчет]. С. 86).

Развал

Бирж. вед. 1917. № 16435 (10 сент.). Утр. вып. С. 3.

Смотрю со своего балкона на Волгу... — В 1916–1921 гг. Сологуб и Ан. Чеботаревская арендовали усадьбу «Княжнино», неподалеку от волжской пристани Нагорово, в шести километрах от Костромы; в последний раз Сологуб приезжал в усадьбу летом 1922 г., после гибели жены (покончила с собой 23 сентября 1921).

...как говорится в одной моей песенке 1905 года, «наши командиры знают всю словесность»... — Стихотворение Сологуба «За чай, за мыло...» («Братцы-солдатушки...», 1905; впервые: Зритель. 1906. № 1 (1 янв.). С. 2, с подзаголовком «Солдатская песня»).

...самая передовая демократия в мире (или, по Мануйловскому начертанию, в мире). — Вследствие реформы орфографии буква *і* была устранена из русского правописания, в результате слова с разными значениями — мир (общество) и мир (не война) — получили одинаковое написание. Реформа подготавливалась задолго до ее непосредственного введения специальной Орфографической комиссией Императорской академии наук под председательством академика А.А. Шахматова (образована в 1904). Официально о ней было объявлено 11 (24) мая 1917 г. в виде «Постановлений совещания по вопросу об упрощении русского правописания» при Александре Аполлоновиче Мануйлове (1861–1929) — министре народного просвещения Временного правительства (2/15 марта — 4/17 июня 1917). Сологуб выступал с критикой реформы и политики Мануйлова в области образования.

...а твердые цены таковы, что торопиться с продажей хлеба не стоит... — Отклик на правительственные меры по урегулированию продовольственного кризиса; газеты

констатировали всеобщее неудовольствие экономической политикой Временного правительства: «Повышение твердых цен на хлеб, и притом довольно значительное, вызвало ряд недоумений, грозящих закончиться рядом нежелательных последствий, в виде “коллективной отставки”. Мало того, в некоторых общественных кругах прямо указывают на нецелесообразность такого хода со стороны Правительства и склонны видеть в этом необоснованную уступку буржуазному классу — помещикам. (...) В самом деле, назревающее недовольство твердыми ценами на места, реально вылившееся в категорических отказах взять хлеб, и притом исключительно со стороны крестьян, наступление вследствие этого продовольственного кризиса в потребительских центрах, в Петрограде и Москве, главным образом, истощение хлебных запасов на фронте, — все это создало тяжелый и опасный момент, грозящий катастрофой, которую надо было обезвредить» (Под диктовку // Бирж. вед. 1917. № 16419 (1/14 сент.). Утр. вып. С. 2).

— *Вот тебе, А.Н., продала бы по 10 рублей.* — А.Н. — Анастасия Николаевна Чеботаревская.

...вот пришлось читать на днях, что у приезжающих в Петроград отбирают съестное. — Возможно, речь идет об «Обязательном постановлении» военного генерал-губернатора Петрограда от 1 сентября 1917 г., согласно которому все владельцы продовольственных магазинов (лавок, лабазов, булочных, кондитерских, хлебопекарен и т. п.) и торговцы продовольствием обязывались дважды в месяц представлять в Центральную продовольственную управу сведения о количестве имеющегося у них продовольствия и местах его хранения. В случае сокрытия продуктов или предоставления неверных сведений, преуменьшающих реальное количество продовольствия, все продукты подлежали изъятию, а хозяева должны были заплатить штраф в размере 3000 руб. (День. 1917. № 153 (2 сент.). С. 4).

...шекснинскую рыбу... — Шексна — река в Вологодской области, левый приток Волги.

Но у большевиков своя логика ~ на митинге протеста против Московского Государственного Сопещения... — В репортаже о событиях газета «Петроградский листок» (Петроград в дни Московского совещания // 1917. № 197 (17 авг.). С. 4), например, сообщала: «В ночь на вчера и вчера в Петрограде чрезвычайно сильно чувствовалась большевистская агитация, направленная против московского совещания целиком и против участвующих в нем групп и организаций. Пользуясь праздничным днем, большевики в ночь на вчера устроили ряд уличных митингов. (...) Наибольшее количество выступлений большевиков наблюдалось на Песках. Несмотря на все принятые меры в виде усиления постов милиционеров и посылки военных патрулей, большевики устроили здесь целый ряд групповых выступлений. На таких митингах велась беспощадная агитация, направленная против Временного правительства и московского совещания»; говорилось также о вооруженных столкновениях митингующих с солдатами и милицией на Петроградской стороне и на Лиговской улице.

...уже попавшее в газеты известие, что крестьяне ~ отвергли партийные списки и хотят голосовать по участкам за лично им известных кандидатов... — 24 сентября 1917 г. костромская «Воля народа» в заметке «Демократическое совещание» сообщала: «Мы в принципе считаем, что партийный способ составления «списков» был бы по партийным группам, но против этого встретились возражения со стороны представителей городов и земств, которые ставили условием при выборах сохранять принцип территориальности делегатов, тот же принцип подерживали и земства» (№ 72. С. 2); вероятно, в костромских газетах были сообщения и более раннего времени (до 10 сентября), касающиеся непосредственно костромских крестьян.

Сонная одурь

Бирж. вед. 1917. № 16455 (22 сент.). Утр. вып. С. 3.

Разумный труд ~ Пойдет успешней и быстрее. — Цитата из «Песни о колоколе» Ф. Шиллера в переводе Д.Е. Мина (1856); здесь и далее Сологуб цитирует произведение в данном переводе (Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов / Под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1857. Т. 1. С. 56–72).

Россия в опасности; Россия на краю гибели — лозунги «оборонцев», выдвинутые в период апрельского кризиса Временного правительства; «Отечество в опасности» — статья Г.В. Плеханова (Единство. 1917. № 28 (2 мая). С. 1), «Россия на краю гибели» — слова знаменитой речи Керенского, произнесенной на съезде делегатов фронта 29 апреля 1917 г. (Речь Керенского // Единство. 1917. № 27 (30 апр.). С. 3).

...стоит над Россиею ~ одною ногою на Берлине, другою на Стокгольме... — Речь идет о 3-й Циммервальдской антивоенной конференции социалистических партий по вопросу о заключении мира, состоявшейся в Стокгольме в сентябре 1917 г.; основная задача конференции — повлиять на общественное мнение нейтральных и воюющих стран с позиции единого фронта — однако, не была решена. Русская делегация приехала не в полном составе; большевики отказались от участия в конференции, указав на ее империалистический характер. События освещались в прессе; пространную оценку международной встрече в Стокгольме дала газета «Биржевые ведомости»: «Нужно сказать, что неудачу стокгольмской конференции следует в значительной степени приписать лишь доктринерству русской революционной демократии. Как английский, так и французский пролетариат искренне отозвались на призыв Петроградского Совета, и вожди рабочего класса Англии и Франции приняли героические меры для того, чтобы провести в сознание масс идею конференции и добиться согласия рабочих на участие в ней. <...> Попытка установить общую платформу была сделана на лондонской конференции; эта платформа была выработана и опубликована в виде резолюции социалистов союзных стран, но русские делегаты не присоединились к этой резолюции, и естественно, что для союзных социалистов, решивших идти на стокгольмскую конференцию, чтобы добиться каких-нибудь практических результатов, весь смысл участия в ней исчез» (Отсрочка стокгольмской конференции // Бирж. вед. 1917. № 16406 (25 авг.). Утр. вып. С. 2).

— *Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей.* — Основное положение «Декрета о мире», разработанного В.И. Лениным и единогласно принятого 26 октября (7 ноября) 1917 г. на Втором съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Впервые лозунг был сформулирован в годы Первой мировой войны немецким социал-демократом Филиппом Шейдеманом.

...для «имеющих очи, чтобы видеть»... — Мф 11: 13.

Ох ты, русский сон ~ старый лиходей. — Автоцитата из стихотворения «Ох ты, русский сон...» (1888), ср.: «Ох ты, русский сон, уж и долог ты, / Уж и лют же ты, старый наш злодей» (Ежегод. РО Пушкинского Дома. 2002. СПб., 2006. С. 262).

А все-таки!

Петроградский голос. 1917. № 26 (31 дек.). С. 1.

Научитесь хотению упорному. ~ Силу жизни дала! — Автоцитата из стихотворения «Я дорогой невинной и смелою...» (27 марта 1906; впервые: Образование. 1907. № 7. С. 47).

1918

Солоно

Петроградский голос. 1918. № 34 (15 марта). С. 1.

...солоно теперь всем, кто еще любит свою страну, хотя бы как «социалистическое отечество»... — «Социалистическое отечество в опасности!» — «декрет-воззвание» Совета народных комиссаров, изданный в феврале 1918 г. в связи с начавшимся германским наступлением; декрет печатался в газетах и распространялся в листовках от 21 февраля 1918 г.

...разговаривал я с женою и дочерью одного русского профессора, у которого есть маленькое имение в Новгородской губернии. — Имеется в виду Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) — историк литературы, критик, профессор Петербургского университета, Высших женских (Бестужевских) курсов и др. Имение Аничковых «Ждани», в Боровичском уезде Новгородской губернии, в 1920-е годы по предложению жены Аничкова Анны Митрофановны (урожд. Авинова, псевд. Иван Странник, 1868–1935) арендовал Всероссийский союз писателей (Ленинградское отделение) (см.: Кукушкина Т.А. Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932): Очерк деятельности // Ежегод. РО Пушкинского Дома. 2001. С. 106).

Но профессор будет по-прежнему преподавать, если не в России, то во Франции, где он сейчас и находится (он проделал всю войну не в тыловых упражнениях, а на фронте)... — Е.В. Аничков неоднократно командировался за границу, участвовал в создании Высшей школы общественных наук М.М. Ковалевского в Париже. В годы Первой мировой войны добровольно вступил в ополчение; в 1917 г. служил во Французской армии в чине лейтенанта. С 1920 г. Аничков — профессор Белградского университета, в 1926 г. — университета в Скопье.

Нуждаются сенаторы ~ он принужден продавать книги из своей библиотеки... — Речь идет об Анатолии Федоровиче Кони (1927) — видном юристе, академике, члене Государственного совета; в мае 1917 г. он был назначен Временным правительством председателем в общем собрании кассационных департаментов Сената; 25 декабря 1917 г. уволен с должности за упразднением Государственного совета по решению СНК РСФСР (декретом о суде была ликвидирована существовавшая судебная система, а вместе с ней и Сенат). Чтобы выжить в первые годы революции, Кони обменивал на хлеб книги своей обширной библиотеки, собранной за 52 года службы (см.: Высоцкий С.А. Кони. М., 1988 (Сер. Жизнь замечательных людей)).

Прямой человек

Печ. по: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 438.

Сведения об отсылке: Петроградский голос. 1918. 28 апр.; в конверте «Проза ненапечатанная» (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 546).

И все еще в точности неизвестно, жив ли генерал Корнилов или убит. — Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) — генерал от инфантерии, герой Русско-японской и Первой мировой войн; в марте–апреле 1917 г. главнокомандующий Петроградским гарнизоном, с июля — Верховный главнокомандующий русской армии; после августовского выступления войск Корнилова на Петроград, предпринятого с целью ликвидации анархии и установления военной диктатуры в стране, был объявлен мятежником, по приказу Керенского арестован и препровожден вместе с ближайшими сподвижниками в тюрьму в Могилеве, затем в Быхове; в ноябре 1917 г. бежал на Дон, где приступил к формированию Добровольческой армии; погиб 31 марта (13 апреля) 1918 г. при штурме Екатеринодара (подробнее о «деле Корнилова» и гибели генерала см.: *Иоффе З.Г.* «Белое дело» генерала Корнилова. М., 1989. С. 148–150).

Мистика войны и утопия вечного мира

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 354.

Датируется по содержанию: не ранее мая 1917 — начала 1918 г. Отдельные тезисы статьи впервые прозвучали во вступительном слове Сологуба на вечере художественного общества «Искусство для всех», организованном Ан. Чеботаревской 14 апреля 1917 г. в зале Тенишевского училища «с целью углубления содержания и взаимоотношений понятий “Революция, Искусство, Война”»; в программе вечера значились темы беседы: «Новое Искусство в демократической России» (художник В. Денисов), «Преображение жизни Революцией и Искусством» (Ф. Сологуб), «Революция и Театр» (Вс. Мейерхольд), «Война и революция в процессе Космоса» (А.Н. Брянчанинов), «Революционная природа Искусства» (Ил. Зданевич), «Социальная роль Искусства» (К. Арабажин). Текст вступ. слова см.: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 51. В мае 1917 г. Сологуб выступил на вечере общества «Искусство для всех» с беседой на тему «Мистика войны. Утопия вечного мира» (Бирж. вед. 1917. № 16229 (12 мая). Утр. вып.), текст выступления не выявлен.

«Есть упоение в бою». — Первая строка песни Вальсингама из драматической сцены А.С. Пушкина «Пир во время чумы» (1830).

Имя итальянца Маринетти тесно связано с увлекательным прославлением войны. — Филиппо Томазо Маринетти (1876–1944) — глава и идеолог итальянского футуризма; автор манифестов и литературных произведений, прославляющих милитаризм («Мы будем восхвалять войну — единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм, разрушительные действия освободителей, прекрасные идеи, за которые не жалко умереть» — «Обоснование и манифест футуризма», 1909); военная проза Маринетти вошла в сборник «Слова на свободе» (1919). Ан. Чеботаревская не разделяла мнение Сологуба по поводу увлекательности брутальной эстетики Маринетти, она писала: «Когда (...) бунтующий мещанин объявил всю поэзию прошлого — романтику, лирику, символику — сестрою милосердия (“soeur de Charité”), призывая искусство воспевать жестокость, насилие, братоубийство, становилось ясно, что этой упрощенной “брютальной” <так!> психике, этому — о, какому скудному, уныло скучному! тупику мысли органически несвойственны все великие движения души — вера, любовь, сострадание, во все времена одушевлявшие человека в его поступательной борьбе не излюбленных лектором механизмов, а духовных ценностей. (...) казалась величайшим абсурдом вся эта проповедь невежества, жестокости, анти-интеллектуальности в нашей, только что

просыпающейся к культурной жизни стране» (*Чеботаревская Ан.* На секции Маринетти // День. 1914. № 39, 30 янв.).

Почитайте правдивые сказания М. Горького, — какая ужасная, сплошная цепь битья, насилий, издевательств всякого рода! — Ср. высказывание Сологуба о повести М. Горького «Детство» (1913): «Дерутся, бьют, порют в каждом фельетоне. Какой-то сплошной садизм, психологически совсем не объясненный» (*Сологуб Ф.* Заметки // Дневники писателей. 1914. № 1 (март). С. 17).

...человек человеку волк... — Калька латинского афоризма: *Nomo homini lupus est.*

...Будда встретил голодную львицу. — Притча о том, как Будда пожертвовал свое тело голодной тигрице (а не львице), принадлежит к самым известным сказаниям о прошлых рождениях Будды; входит в священную книгу «Сутра золотистого света» (см.: *Поповцев Д. В.* Сокровища Татхагаты: Индийские сутры в русском переводе. М., 2012).

...«Умрешь не даром, — дело прочно, когда под ним струится кровь». — Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин» (1856).

...в трудах Оуэна, Сен-Симона и Фурье. — Основовоположники утопического социализма, философы и социологи: Роберт Оуэн (1771–1858), Анри Сен-Симон (1760–1825), Шарль Фурье (1772–1837).

...утопия Томаса Мора ~ за год до начала проповеди Лютера. — «Утопия» (1516) английского гуманиста, писателя и политического деятеля Томаса Мора (1478–1535) появилась за год до открытого антипапского выступления Мартина Лютера (1483–1546); 18 октября 1517 г. папа Лев X выпустил буллу об отпущении грехов и продаже индульгенций с целью «оказания содействия построению храма св. Петра и спасения душ христианского мира», на которую Лютер отозвался резкой критикой роли церкви в Спасении, изложенной в «95 тезисах» (31 октября 1517), тезисы были отправлены папе, епископу Бранденбургскому и архиепископу Майнцкому, — эти события положили начало европейской Реформации.

...святого государства в Мюнстере. ~ разрушено владетельными князьями Германии. — Теократический режим, установленный в 1534–1535 гг. в Мюнстере, захваченном анабаптистами, во главе с *Яном Матисом* (Матисен, 1500–1534), а после его гибели (5 апреля) *Иоанном Лейденским* (Ян Бейкелзон, 1509–1536). Мюнстерская коммуна провела конфискацию церковно-монастырского имущества, отмену долгов и денежного обращения, а также уравнительное распределение предметов потребления, было введено многоженство. Просуществовала 14 месяцев. *Мельхиор Хоффманн* (ок. 1495–1543) — один из лидеров анабаптистского движения в Нидерландах и Нижней Германии, его богословское учение (хилиастические воззрения, учение о Новом Иерусалиме) имело последователей — мельхиоритов, в числе которых был Ян Матис.

Это был Этьен Кабе. — Этьен Кабе (1788–1856) — французский философ, публицист, писатель-коммунист, автор утопического романа «Путешествие в Икарию» (1840), пользовавшегося популярностью у русского читателя на рубеже XIX–XX вв. Далее Сологуб приводит сведения, взятые из статьи Н. Водозова «Этьен Кабе» (см.: *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* СПб., 1894. Т. 12а. С. 796–797).

...Кабе основал особый журнал... — После июльской революции 1830 г. Кабе основал журнал «*Populaire*», который запретили за пропаганду коммунистических идей; Кабе был осужден и бежал от тюрьмы в Англию; после его возвращения на родину в 1841 г. журнал был возобновлен.

...«Республика» Платона, хотя по существу и строго аристократическая, по форме была все же таки коммунистической. — Имеется в виду диалог «Государство» (360 до н. э.), в котором дан образ идеального государства, являющегося, по Платону, выражением идеи справедливости.

...авторы утопий ~ как Беллами, Вильям Моррис, Уэллс... — Речь идет об утопических романах: «Через сто лет» (1888; в рус. пер. под названиями: «Взгляд на прошлое», «Золотой век», «В 2000 году») американского фантаста Эдварда Беллами (1850–1898); «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья» (1890) английского поэта и художника, близкого группе прерафаэлитов, Уильяма Морриса (1834–1896); «Когда спящий проснется» (1895), «Машина времени» (1895), повести «Грядущие дни» (1911) английского писателя Герберта Джона Уэллса (1866–1946).

...автор «Красной Звезды» Богданов... — Александр Алексеевич Богданов (наст. фам. Малиновский, 1873–1928) — экономист, видный революционер, ученый-естествоиспытатель, предвосхитивший некоторые положения кибернетики, врач, создатель Института переливания крови (1926), писатель. Роман А. Богданова «Красная звезда» (1908) был переиздан в 1918 г.

...книга монаха Томаса Кампанеллы «Город Солнца». — Томмазо Кампанелла (1568–1639) — итальянский философ и писатель, один из первых представителей утопического социализма, автор романа «Город Солнца» (1623).

...напечатанная в Берлине на русском языке утопия Константина Сергеевича Мережковского... — Речь идет о романе «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь» (1903) ученого-естественника, философа и писателя Константина Сергеевича Мережковского (1855–1921; брат писателя Д.С. Мережковского).

...недаром в минуту отчаяния у популярнейшего из бывших министров вырвался вопрос, — да уж не взбунтовавшиеся ли это рабы? — Имеется в виду Александр Федорович Керенский (1881–1970) — министр юстиции Временного правительства (3/16 марта — 18 апреля/1 мая 1917), военный и морской министр Временного правительства (3/16 марта — 1/14 сентября 1917). В дни апрельского кризиса Временного правительства в речи, произнесенной 29 апреля на съезде делегатов фронта, Керенский выразил тревогу за будущее страны и революции в условиях войны: «...у меня нет прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство <...>. Мы хлебнули свободы, и мы немного охмелели. Но не опьянение нужно нам, а величайшая трезвость и дисциплина» (Речь Керенского // Единство. 1917. № 27 (30 апр.). С. 3).

«Война миров» — роман Герберта Уэллса (1897), описывающий вторжение пришельцев (марсиан) на Землю.